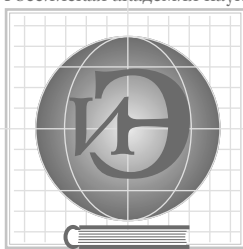

Российская академия наук

Институт экономики

Научное издание

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

НОВЫЕ НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ

Часть 1

ВЕСТНИК НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ № 4

Москва — 2012

ББК 65.5
Н 72

Новые независимые государства в современных международных отношениях: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. д.и.н., проф. Б.А. Шмелева. В 2 ч. Ч. 1 // Вестник научной информации. — М.: ИЭ РАН, 2012. № 4. — 182 с.

ISBN 978-5-9940-0413-5

Н 72

В сборнике, подготовленном в Центре политических исследований Института экономики РАН, исследуется роль и место ННГ в современных международных отношениях, раскрывается содержание их национально-государственных интересов, определяющих основные направления проводимой ими внешней политики. Большое внимание уделено рассмотрению взаимосвязи между внутренней и внешней политикой ННГ, показаны причины имеющихся у них различий в подходах к вопросам развития интеграции и обеспечения безопасности на постсоветском пространстве, к сотрудничеству с Россией. Анализируется политика и интересы ЕС на постсоветском пространстве, основные направления взаимодействия с ННГ и достигнутые результаты.

The role and significance of the new independent states (NIS) in the modern international relations are considered in the collection of scientific articles, prepared in the center for political research of the Institute of Economics, Russian Academy of Science. These articles analyze the national-state interests of the new independent states, which influence their foreign policy. The analysis focuses on the interconnection of their internal and external policy. The work reveals the difference in the approaches to integration and security in the post-soviet region, to cooperation with Russia. The policy and interests of EU and main directions of collaboration with NIS on the post-soviet region and the results reached are in the focus of the research project.

ISBN 978-5-9940-0413-5

ББК 65.5

© Институт экономики РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© В. Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	8
Жильцов С.С. Культурно-цивилизационное единство: мифы и реалии.....	12
Шмелев Б.А., Симон М.Е. Влияние внутривполитических процессов на внешнюю политику новых независимых государств.....	26
Боришполец К.П. Национально-государственные интересы и реальный интеграционный потенциал Российской Федерации в СНГ	130
Романенко С.А., Трухачев В.В. Россия, Евразийский союз и Центрально-Восточная Европа.....	153

Введение

Инициаторам распада Советского Союза казалось, что преобразование советских республик в независимые государства будет носить формальный характер, и они все равно останутся в военно-политическом и экономическом союзе, в рамках которого будет проводиться скоординированная внешняя политика под руководством России. Им представлялось, что совместное сосуществование в течение многих столетий в границах единого государства, нахождение в едином экономическом и культурном пространстве, наличие тысяч невидимых нитей, связывавших народы СССР, общая историческая память смогут удержать отдельные части гигантского геополитического пространства от расползания в разные стороны, т.е. от превращения их в самостоятельных субъектов международных отношений с присущими им индивидуальными национально-государственными интересами и своей собственной национальной внешней политикой.

Однако за истекшие после исчезновения Советского Союза годы стало очевидным, что постсоветское пространство не сохранилось как единое политическое целое, и каждое новое независимое государство самостоятельно ищет свою нишу в системе современных международных отношений и мирохозяйственных связей. Их политические и экономические интересы ориентированы не на развитие в первую очередь взаимного сотрудничества, а на подключение к дея-

тельности военно-политических и экономических союзов, находящихся за его пределами. Это приводит к тому, что политически единое в прошлом пространство разрывается на части, на нем утверждается влияние внерегиональных государств с своими геополитическими проектами и интересами. Между ними устанавливаются сложные отношения взаимодействия и конкуренции, что самым непосредственным образом влияет на состояние безопасности и стабильности в регионе. Наиболее крупными и влиятельными игроками на этом пространстве стали ЕС, США и Китай. Каждый из них преследует свои цели в регионе, имеет программы действий, под реализацию которых ими выделены немалые ресурсы. И у них не существует никаких планов или намерений по консолидации постсоветского пространства под эгидой кого бы то ни было, но одновременно они и сами не стремятся инициировать и возглавить здесь какие-либо объединительные процессы. Их вполне устраивает хаотичность, не упорядоченность отношений ННГ, наличие между ними конфликтов, что дает им возможность активно влиять на складывающуюся обстановку и укреплять свои позиции.

Преобразование советских республик в независимые государства привело к возникновению острых конфликтов в их взаимоотношениях, что явилось следствием старых исторических противоречий между населяющими их народами, которые, освободившись от контроля со стороны советских репрессивных и идеологических органов, вышли наружу. Одновременно и сама логика строительства государственности неизбежно вела к формированию у них различных национально-государственных интересов, что и обуславливало появление конфронтационности между ними, проявлявшейся в различных формах, в том числе и в виде вооруженных столкновений.

Немаловажное, а иногда и решающее значение при определении векторов внешнеполитической ориентации имеет осознание политической элитой в новых независимых государствах подлинных интересов своей страны и их соот-

ветствия складывающемуся в них общественному сознанию с последующим отражением в проводимой ими внешней политике. Эта проблематика является одной из наиболее сложных при анализе внешней политики ННГ, но без ее уяснения невозможно выявить мотивы их внешнеполитических действий в международных отношениях.

Консолидировать постсоветское пространство, возможно, могло бы государство, способное и желающее взять на себя функции лидера. Объективно, такая роль под силу только России как наиболее крупной и экономически развитой стране на постсоветском пространстве, обладающей различными механизмами влияния на ННГ. Политические лидеры РФ неоднократно заявляли о том, что постсоветское пространство представляет собой приоритетное направление российской внешней политики. Об этом хорошо сказано и в Концепции внешней политики Российской Федерации, одобренной Президентом В.В. Путиным в феврале 2013 г. Но на деле этого не происходило. Первостепенного внимания региону не уделялось и соответствующих ресурсов не направлялось на достижение этой цели. Естественно возникает вопрос о причинах расхождения реальной внешней политики России в регионе и заявленных ее декларативных намерениях. С другой стороны, и политические элиты новых независимых государств часто болезненно реагируют на предложения России по развитию интеграции, отвергают проекты многостороннего сотрудничества, мотивируя это тем, что они ограничивают их суверенитет.

Отчетливо проявляются различия в уровнях отношений России с ННГ. С одними странами у нее союзные, доверительные отношения, с другими — дружественные, партнерские, с третьими — не дружественные, враждебные, отягощенные взаимным недоверием. Почему сложилась такая ситуация, кто виноват, и что делать?

Все эти вопросы обсуждаются и анализируются авторами статей, помещенных в сборнике. С разной степенью убедительности и обоснованности они дали на них свои ответы.

Сборник не претендует на полный охват проблематики, касающейся внешней политики ННГ. Но он является логическим продолжением многочисленных сборников научных статей о развитии постсоветского пространства, ранее подготовленных и изданных в Центре политических исследований Института экономики РАН, и, хочется надеяться, будет полезен всем тем, кто изучает современные международные отношения.

Жильцов С.С.*

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО: МИФЫ И РЕАЛИИ

Сотрудничество стран постсоветского пространства на многосторонней основе не дало положительных результатов и не смогло остановить дезинтеграционных процессов и усиление дифференциации их интересов. Тем не менее поиски различных форм взаимодействия продолжаются. Одним из наиболее перспективных интеграционных объединений может стать реализация проекта Единого экономического пространства, в котором участвуют Россия, Белоруссия и Казахстан. Предпринимаемые ими в последние годы усилия актуализировали поиск ответов на ряд ключевых вопросов. Прежде всего, определение условий, при которых консолидация стран постсоветского пространства может стать успешной, а также анализ причин, которые тормозят внешне привлекательные интеграционные проекты.

Среди политических, экономических и культурных факторов, которые могут и, как считает ряд экспертов, должны способствовать консолидации стран постсовет-

* Жильцов С.С. — доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД РФ.

ского пространства, принято говорить о наличии культурно-цивилизационного единства, достигнутого в период СССР, и которое должно способствовать налаживанию взаимодействия на новой основе. Действительно, в советский период культура, наука, образование, русский язык выступали мощными факторами, обеспечивающими политическое и экономическое единство государства, создавая единое культурно-цивилизационное поле. Однако с распадом СССР ситуация изменилась, поскольку каждое из вновь образованных независимых государств стало проводить собственную внешнюю и внутреннюю политику, в том числе в области истории, культуры, образования и языковой политики. Соответственно заявления стран постсоветского пространства о заинтересованности в реализации интеграционных проектов оставляли много вопросов относительно того, насколько культурно-цивилизационная общность, достигнутая в СССР, может замедлить дезинтеграционные процессы и выступать значимым фактором консолидации. Тем более, что за более чем двадцатилетний период дискуссии по данному вопросу не дали своего однозначного ответа, а современная политическая история постсоветского пространства оказалась пронизана мифами и легендами. Между тем поиск ответов на вопрос о влиянии цивилизационно-культурного наследия бывшего СССР на современные геополитические процессы, происходящие на постсоветском пространстве, остается чрезвычайно актуальным. Они способствуют пониманию тех трудностей, с которыми сталкиваются Россия, Белоруссия и Казахстан в ходе реализации проекта по созданию Единого экономического пространства.

Очевидно, что нынешняя геополитическая неопределенность развития постсоветского пространства, неясные перспективы реализации интеграционных проектов не могут быть объяснены желанием или нежеланием политических элит. Проблема развития постсоветского пространства заключается в качественных изменениях, произошедших за двадцать лет в социокультурной среде этих государств. И политические

перипетии — лишь видимая часть более фундаментальных процессов, которые происходят в социальной сфере.

Причины трудностей в консолидации постсоветского пространства следует искать внутри политических элит, прежде всего в истории их формирования. Смыкание националистических движений с республиканскими властями, представленными партийной номенклатурой, привело к формированию «новой политической элиты», которая увидела в захвате и удержании власти основную задачу становления независимых государств, главный источник обеспечения национального экономического и политического суверенитета. По этой причине вопрос о власти и механизмах ее реализации являлся ключевым, поскольку от его решения зависели дальнейшие отношения между союзными и региональными властями. Именно в стремительном перерождении партийной номенклатуры следует искать истоки «новой политической элиты» независимых государств.

На первом этапе власти союзных республик взяли на вооружение идеологию «демократа-рыночника», что позволило им приступить к переделу власти. На практике демократические преобразования в стране привели к дистанцированию от центральных властей и консолидации управленческого аппарата, установлению контроля над региональной собственностью. В то же время республиканские власти маневрировали в идеологической сфере: ведя свою игру с центральными властями и одновременно расширяя и укрепляя контакты с представителями националистических движений, которые стремительно трансформировались из культурно-национальных движений в политические движения националистической направленности. Например, казахстанские исследователи отмечают, что в рассматриваемый период значительным влиянием стали пользоваться национально-демократические организации, консолидированные борьбой за придание государственного статуса казахскому языку, идеей принятия и реализации Декларации о государственном суверенитете Казахстана, сохранения территориальной

целостности от регионального сепаратизма, создания казахской государственности¹. Молдавские эксперты отмечали переход местных национально-партийных номенклатурных элит на позиции агрессивного национализма, русофобии и антикоммунизма².

Можно констатировать, что идеологическая борьба конца 80-х годов прошлого века, оказавшая огромное влияние на последующие политические и экономические процессы стран постсоветского пространства, оказалась недооцененной современниками и нынешними исследователями.

Причины компромисса, найденного в короткие сроки между лидерами националистических движений и представителями партийной номенклатуры, подхвативших и впитавших идеи демократической идеологии, до сих пор стремятся объяснить весьма упрощенно. Трактовка данного феномена, как правило, сводится к «перекрашиванию» партийной номенклатуры в демократические цвета. Однако подобное объяснение не дает представление о политических процессах, происходящих внутри республиканских элит в последние годы существования СССР. Между тем анализ данного вопроса представляет большой интерес, поскольку во многом раскрывает отношение политической элиты постсоветских государств к вопросам идеологии. В последнее десятилетие руководители Советского государства и тем более республиканские лидеры были коммунистами, для которых идеология была инструментом удержания власти. Привнесенная с Запада идеология демократии, свободного рынка была принята республиканскими элитами, поскольку открывала им путь к дальнейшему укреплению своих позиций и, в конечном итоге, к получению всей полноты власти. В этом контексте идеологическая изменчивость партийной номенклатуры

1 Булуктаев Ю.О. Партийно-политическое строительство в Республике Казахстан (1991—2012 гг.). Кн. 1. Алматы, 2012. С. 14.

2 Бабилунга Н.В. Гибель и возрождение Молдавской государственности в период распада Советского Союза // «Натиск на восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: Сб. ст., док. Бендеры—Тирасполь, 2011. С. 445—462.

и принятие идей националистических сил лишь отразили тот факт, что данные концепции создавали лучшие условия для захвата и удержания власти. В этом смысле «смена вер» или «идеологий-религий», причем в короткое время, не представлялась для власти непреодолимой проблемой³. По этой же причине новой политической элитой на вооружение был взят курс на построение национального государства.

Политические элиты стран постсоветского пространства приветствовали распад СССР. В этом они видели начало новой истории независимых государств, свободных от «коммунистического наследия». Откинув прошлое в политике, экономике, истории и культуре, новые государства устремились к реализации простых, как им казалось, замыслов. В экономике — к построению рыночной экономики, в политической сфере — строительству демократических государств, в сфере идеологии — развенчанию мифов советского наследия и возрождению национальной культуры и традиций. Однако реальность оказалась совсем иной, чем это представлялось новой элите. Разрушение экономического потенциала и трансформации социально-культурного пространства, скрепленного символами советской эпохи, привело к дезорганизации населения новых независимых государств, лишило их смыслов дальнейшего существования. Перспективное общество никогда не возникнет из того мира, который делает ставку исключительно на рыночные силы⁴.

После распада СССР политическая элита бывших республик приступила к созданию независимых государств. Идеологической основой стран постсоветского пространства выступали различные националистические концепции: от «интегрального национализма» на Украине до архаического мировидения в странах Центральной Азии⁵. Например, в

3 Парамонов Б.М. Пантеон. Демократия как религиозная проблема // Социо-Логос. Общество и сферы смысла. 1991. Вып. 1. С. 373.

4 Новые предостережения Римского клуба // Диалог. 1992. № 6—7.

5 Манекин Р.В. Украина: национальная самобытность и национализм // Украинский национализм и Донбасс. Историческая ретроспектива. Донецк, 2010. С. 101—120.

Казахстане основой национальной идентичности всех казахстанцев должна быть казахстанская культура⁶. Все идеологические концепции использовались находящейся у власти бюрократией для удержания власти над подконтрольными территориями. Нацификация, взятая за основу элитами новых государств, вела к изоляционизму социальных институтов и негативному отношению ко всему «чуждому»: истории, культуре, образованию и языку.

Отказавшись от коммунистического наследия, новая политическая элита не имела никакой альтернативы и в этом смысле была очень удобна для Запада, который получил возможность для переформатирования не только политического и экономического постсоветского пространства, но и идеологической сферы, которой новые власти не уделяли должного внимания.

Будущие лидеры постсоветских стран, поддерживая демократические ценности и демократию в западном понимании, еще до распада СССР получали политическую и экономическую поддержку со стороны западных стран, которые последовательно смещали приоритеты новых государств: от демократической направленности в русло создания национального государства. В конечном счете, усилия Запада были направлены не только на установление контроля над политическими элитами новых независимых государств, видевших в западных партнерах гарантов их независимости, сколько на разрушение единого культурного, гуманитарного пространства.

Геополитические изменения привели к снижению роли новых независимых государств в современных мировых экономических и политических процессах, превратив постсоветское пространство в клубок многих противоречий, которые в рекордные сроки перевели бывшие республики в число отстающих государств, неспособных влиять на геополитические процессы⁷, одновременно поставив их в положение

6 Омельченко Е.Е. Проблема национальной идентичности в политическом дискурсе Казахстана //Analytic. 2010. № 1. С. 111—121.

7 Международная жизнь. 1993. № 2.

догоняющих ведущие западные страны. Последние, поддержав распад советского государства через активную работу с новыми элитами, не упустили возможность включиться в переформатирование постсоветского пространства, государства которого «незаметно» были переведены в положение стран «третьего» мира.

Отставание в осмыслении происходящих на постсоветском пространстве процессов, особенно в первые годы, во многом объясняется стремительным темпом происходящих перемен. Эти перемены оказались неожиданными для новых элит, неготовых понять ни задачи собственных государств, ни оценить цели внешней политики западных стран. Политическая элита бывших советских республик оказалась не готовой к осмыслению политических, экономических и культурных трансформаций, которые произошли после исчезновения с политической карты мира СССР. Она оказалась не в состоянии предложить адекватные пути развития собственных стран, а населению — четкие перспективы. В результате пути развития были выработаны за пределами новых государств и навязаны новым политическим элитам в качестве основного и «верного» рецепта развития страны.

Убежденность представителей политической элиты постсоветских государств в том, что мир и мировая экономика развивается на основе товарной конкуренции, сыграла с ними злую шутку. Технологическая отсталость производств, неспособность работать в новых экономических условиях и наличие заградительных барьеров у развитых стран очень быстро развернули устремления элит постсоветских стран в сторону развития и защиты внутреннего рынка. В этом контексте идеология национального государства оказалась очень кстати и была взята на вооружение.

Подобный изоляционизм имел негативные стороны. Он резко ограничил возможности для налаживания экономического сотрудничества в рамках постсоветского пространства, поскольку на первый план вышли вопросы отстаивания национальных интересов. В то же время элиты постсоветских

стран шли на уступки западным странам, что вело к разрушению их экономического и финансового потенциала. Процесс построения национальных государств оказал негативное влияние на их взаимоотношения. Потенциал в сфере экономики, социальной и духовно-исторической сферах оказался разрушенным, а в политической области — сильно деформированным. Тем не менее политические элиты стран постсоветского пространства настойчиво продвигали идеи отстаивания государственного суверенитета любой ценой.

Строительство государственной национальной политики приобрело для стран постсоветского пространства ключевое значение. В разных странах эти процессы имели свои различия. Украинская, белорусская, казахстанская, молдавская и тому подобные идеи легли в основу формирования национальной идентичности в странах постсоветского пространства. Во многих из них национальная идентичность рассматривалась через призму развития экономики и использования собственных ресурсов. По этой причине в странах постсоветского пространства принимались документы, определяющие ориентиры в духовной сфере и учитывающие национальные культурно-исторические традиции, вопросы развития языка, образование. Большое внимание уделялось вопросам регулирования информационных потоков, создания продукции, направленной на пропаганду национальных ценностей.

На протяжении независимого развития постсоветские элиты пребывают в двойственном положении. Необходимость поддержания экономического потенциала, получения доступа к рынкам сбыта и обеспечения стабильных поставок природных ресурсов сохраняют у новых независимых государств заинтересованность во взаимодействии в рамках различных объединений постсоветского пространства. В то же время новые политические элиты не заинтересованы в какой-либо интеграции в рамках постсоветского пространства, опасаясь лишиться власти и влияния⁸. Создаваемые различные инте-

8 Тоценко Ж. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М., 1997. С. 65.

грационные организации рассматриваются ими в качестве вынужденной меры, без которой сложно поддерживать внутриполитическую и экономическую стабильность и сохранять личную власть.

Собственно, политическая элита, оказавшаяся у власти на момент распада СССР, мало чем отличалась от советской элиты. Ее отличали ограниченность, непрофессионализм, оторванность от народа, замкнутость и ориентация на обслуживание собственных интересов. По мере становления государств деятельность новой элиты приобретала все более уродливые формы. И спустя более чем двадцать лет, прошедших с момента распада СССР, отчетливо видно, что подавляющая часть политической элиты превратилась в «касту», лишенную механизмов обновления.

Распад СССР и экономические процессы в новых независимых государствах откинули их в период первоначального накопления капитала, который европейские страны прошли несколько столетий назад. Этот процесс происходил под прикрытием дискуссий о построении независимого государства и имел мало общего с реальным укреплением экономической и политической независимости. При этом перераспределение экономических и финансовых ресурсов происходило за счет обнищания собственного населения, которое превратилось в источник обогащения новой «политической элиты»⁹. Подобные тенденции в экономической сфере сказались на положении населения постсоветских государств, которое подверглось обнищанию, маргинализации, процессам социальной и культурной разобщенности. На смену ценностям социалистического общества пришли ценности рыночного, дикого капитализма, во главу угла было поставлено стремление к наживе. В то же время экономическая, политическая и социально-культурная разобщенность народов бывшего СССР обосновывалась просчетами и ошибками, допущенными политической элитой. Не случайно после распада СССР

⁹ Деловой мир. 1992. 9 дек.

советский период был подвергнут критике. Советское наследие рассматривалось в качестве основной причины, которая тормозит вхождение этих стран в клуб развитых стран.

Политические изменения повлекли за собой разрыв социальных и культурных связей, распад единого информационного пространства и общего культурного поля. Население, еще недавно представлявшее собой единый советский народ, оказалось в новой системе геополитических и экономических координат. Ему стали навязывать новую систему культурных и исторических ценностей, которые должны были показать отличие новых стран от бывшего «имперского центра». В итоге созданные за многие десятилетия культурно-исторические связи, зажатые в рамках постсоветского пространства, оказались сильно ослабленными. Сильнейшим связующим элементом выступал русский язык, который позволял России сохранять историческую и культурную связь со странами постсоветского пространства.

Спустя несколько лет после обретения независимости во всех без исключения странах постсоветского пространства стало очевидно, что политические элиты проявили полную несостоятельность в вопросах политического управления, достижения социальной стабильности, а также в международных отношениях. Национальные демократы оказались неспособны руководить страной, обеспечить пускай минимальный, но все же терпимый уровень жизни простых людей¹⁰.

Триумф демократов-победителей завершился бесславно. Победителем оказались западные ценности и демократические модели, взятые на вооружение новыми независимыми странами. Впрочем данный итог вполне закономерен. Ослабленные политически и экономически, лишённые нравственных и исторических ориентиров страны были вынуждены бороться за свое выживание. Произошли изменения и в риторике относительно роли постсоветских стран на внешней арене. Вместо рассуждений о возможном партнерстве с

¹⁰ Яковлев И.Г. Союз, Содружество, Россия... М., 1999. 196 с.

западными странами, выстраивании с ними стратегических отношений место заняли дискуссии о выборе наиболее привлекательного лидера, которыми последовательно, а зачастую и одновременно, выступали США, ЕС и Китай.

Политические элиты, взявшие на себя руководство новыми государствами, по-прежнему испытывают на себе влияние бывшего СССР. Это проявлялось как через принадлежность «к бывшему СССР», что служило способом идентификации на мировой арене, так и через сохраняющиеся, пусть и в меньшем объеме, культурно-исторические и родственные связи. Подобная ситуация не отвечала интересам новых государств, побуждая их к поиску иных путей самоидентификации. В качестве одного из них была использована концепция национального возрождения и поиск национальной идеи, которые были предложены обществу в качестве альтернативной системы ценностей, призванные заменить собой коммунистическую идеологию. По этой причине проблема выработки национальной идеологии, общенациональной идеи, способной консолидировать население стран, остается в центре политических элит постсоветских государств. На сегодняшний день процессы формирования новых наций в большинстве стран постсоветского пространства не завершены, так как нет единообразного понимания национальных идентичностей на уровне правящих элит, которые являются основными конструирующими акторами в процессах идентификации и национального строительства¹¹.

Подобное внимание отражает объективно существующую потребность в выработке определенных концептуальных основ долгосрочного развития и в то же время является признанием того факта, что более двадцати лет элиты новых государств не смогли предложить населению четкую идеологию развития. Тем более, что отказ от коммунистической идеологии привел к тому, что на смену коммунистической

11 Омельченко Е.Е. Процессы нациостроительства и формирования идентичности на постсоветском пространстве // Казахстан-Спектр. 2010. №1. С. 30—44.

идеологии пришли западные ценности и религиозные течения, зачастую радикального толка, а также к нарастанию негативных процессов в духовной сфере во всех странах постсоветского пространства.

Новый этап консолидации, реализуемый Россией, Беларуссией и Казахстаном, заставляет переосмысливать влияние фактора культурно-цивилизационного наследия народов, населяющих постсоветское пространство. Его значимость определяется тем, что формирование новых национальных государств еще далеко от завершения. И соответственно социокультурные изменения в странах постсоветского пространства оказывают огромное влияние на их развитие, а в более широком плане — на реализацию интеграционных проектов.

Интеграционные проекты стран постсоветского пространства инициировали обсуждение другой проблемы, которая тесно связана с вопросами культурно-цивилизационного пространства. Речь идет об определении степени геополитического единства постсоветского пространства. Этот фактор играет значимую роль в развитии новых независимых государств.

Масштабные изменения, связанные с исчезновением с политической карты мира СССР, формируют иные представления о самом понятии «геополитическое пространство». Еще на рубеже 2000-х годов российские ученые отмечали, что «современное геополитическое и геоэкономическое пространство отличается сложным переплетением конфликтов и противоречий, с одной стороны, и сотрудничеством и кооперацией — с другой»¹². Спустя некоторое время, под влиянием формирования новых экономических связей, усиливающихся различий во внешнеполитических векторах новых независимых государств и отсутствия прогресса в реализации интеграционных проектов, фактор «пространства» стал ставиться под

¹² Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 22.

сомнение. На первый план стали выдвигаться, прежде всего, скорость принятия решений и время¹³.

С подобным подходом можно согласиться лишь отчасти. Применительно к постсоветскому пространству следует отметить его сохранение в качестве политико-географической единицы в современных международных отношениях. Длительное историческое сосуществование, переплетение народов, населяющих это пространство и отсутствие у новых государств перспектив вхождения на равноправной основе в иные геополитические центры, а также их неспособность оказывать влияние на геополитические процессы — все это говорит о том, что постсоветское пространство сохраняет определенное единство.

Подводя итог, отметим, что дискуссии о влиянии культурно-цивилизационного фактора на взаимоотношения стран постсоветского пространства нуждаются в дальнейшем изучении. Об этом свидетельствуют первые итоги развития интеграционных проектов, которые были инициированы в последнее десятилетие странами постсоветского пространства. Они сталкиваются с необходимостью не столько политической и экономической консолидации, сколько с объединением социального и культурного капитала. Неслучайно данные вопросы являются ключевой задачей в интеграционных процессах в различных регионах, а инвестиции в «человеческий капитал» являются концептуальной задачей многих развитых стран мира. Речь идет о сохранении культурных и духовных ценностей, которые являются краеугольным камнем в экономическом возрождении и достижении политической стабильности.

За более чем двадцатилетнюю историю социокультурное пространство подверглось значительной деформации. Уходит в прошлое бывшее единство в сфере культуры, образования, оценок истории. В большей степени этот процесс носит объ-

13 Международные отношения России в «новых политических пространствах» // Космос. Приполярные зоны. Воздушные и морские пространства. Глобальная информационная сфера. М., 2011. С. 26—27.

ективный характер и связан с дальнейшим утверждением стран постсоветского пространства в качестве новых независимых государств. И соответственно вопросы национальной идентичности стран постсоветского пространства входят в конфликт с интеграционными процессами.

Шмелев Б.А.* , Симон М.Е.**

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В результате распада СССР на постсоветском пространстве образовались новые независимые государства, политические системы и режимы которых формировались под воздействием особенностей национальной психологии и традиций государствообразующих народов. Почти все новые независимые государства (ННГ) оказались практически на одинаковом уровне политического развития, когда им пришлось приступить к строительству государственности. Большинство из них не имели опыта самостоятельного существования. За исключением Армении и Азербайджана, в них не было так называемых «исторических» политических партий, которые бы с опорой на историческое наследие возобновили свою деятельность в новых исторических условиях.

* Шмелев Б.А. — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. Центром политических исследований ИЭ РАН.

** Симон М.Е. — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра политических исследований ИЭ РАН.

Процессы посткоммунистической трансформации, с разной скоростью проходившие в этих государствах, можно разделить на несколько этапов. Содержание первого этапа определялось стремлением бывших советских элит превратиться в новый правящий класс общества, основанного на рыночной экономике. Эти элиты формировались из представителей прежней партноменклатуры, которые привнесли в политический процесс опыт КПСС со всеми его минусами: неумением работать с массами, боязнью открытости в принятии решений, бюрократизмом и авторитаризмом. В качестве приоритетов в своей деятельности провозглашалось утверждение демократических ценностей: разделение властей, равенство всех перед законом, соблюдение прав человека.

Однако отсутствие демократических традиций и профессионально подготовленных элит для работы в новых условиях оказало негативное воздействие на становление государственности и функционирование политических институтов. Непрозрачность институтов власти, неэффективность политических партий, возникших после распада СССР на постсоветском пространстве, не позволяли привносить новые идеи и подходы к решению возникающих в хорде реформ проблем. Характерной чертой политических элит ННГ стала узость мышления, грубый, часто граничащий с провинциализмом прагматизм в политике.

В большинстве постсоветских стран произошла приватизация основных производственных фондов, в результате чего возник влиятельный слой крупных собственников. Становление нового общественного строя сопровождалось появлением в политике постсоветских государств новых проблем и противоречий, которые приобрели устойчивый характер и стали оказывать сдерживающее влияние на их дальнейшее развитие. Одной из них явилось практически повсеместная концентрация власти и собственности в руках узких групп (кланов) национальных элит. При этом власть и бизнес оказались прочно связанными друг с другом, а инте-

рессы высшего чиновничества и владельцев ведущих компаний и предприятий тесно переплелись¹.

Социально-экономические отношения и политические режимы, сформировавшиеся в 90-е годы XX в. в большинстве постсоветских государств отличались ярко выраженным неравенством в распределении власти и собственности, отсутствием «социальных лифтов» и системы общественного контроля за деятельностью властей.

В первое десятилетие посткоммунистическая трансформация и формирование в регионах олигархических систем проходили в условиях социальной пассивности населения: тяготы адаптации к новым реалиям жизни подавляли интерес к участию в социальной и политической жизни. Это позволило элитам навязать населению свое понимание трансформации как неизбежности выбора «меньшего из зол», в качестве которого выступала сама посткоммунистическая власть, несправедливая и неэффективная, но зато обеспечивающая относительную стабильность в обществе и возможность выживания. Роль «большого зла» отводилась, как правило, противникам действующей власти — в европейских странах постсоветского пространства в первую очередь коммунистам и национал-демократам, а в Центральной Азии — исламистам.

Формальное действие институтов смены власти в большинстве новых независимых государств не препятствовало проведению политического курса, способного не допустить передела собственности. Для политических элит опасение утраты властных рычагов напрямую связано со страхом потери собственности. Тесное переплетение политических, административных и бизнес-элит превратило их, по сути, в единый класс, полностью контролирующей крупные предприятия и компании.

Новые независимые государства выбрали различные модели экономических преобразований в зависимости от отношения к бывшей советской государственной собствен-

1 Рябов А. Москва принимает вызов «цветных» революций // Pro et contra. 2005. Т. 9. № 1. С. 19.

ности. Одни пошли по пути быстрого разгосударствления и укоренения рыночных отношений, другие оставили средства производства под контролем государства. Однако в большинстве из них (за исключением, разве что, стран Балтии и Молдавии) крупная собственность контролируется представителями правящих группировок.

При распаде СССР главы всех бывших советских республик получили власть вместе с обретением независимости. Фактически институт президентства вырос из структур республиканских компартий. Для них они стали важнейшим инструментом, с помощью которого можно было сконцентрировать власть в своих руках. В большинстве новообразованных государств президенты получили огромную формальную и неформальную власть, которая была легитимизирована путем общенациональных выборов.

При отсутствии своих властных полномочий президенты зависят от элит, которые и должны обеспечивать исполнение президентских решений. «Патронажное президентство» — это мощное оружие, которое позволяет его обладателю реализовывать в отношении элит принцип «разделяй и властвуй» с тем, чтобы не допустить коллективного противодействия режиму со стороны элит и таким образом эффективно управлять ими². Для этого используются традиционные средства: члены региональных элит могут быть уволены, а если они занимают избираемую должность, то президентские структуры могут оказать поддержку кандидату от оппозиции или добиться снятия его с предвыборной дистанции, либо обвинить в каких-либо преступлениях и посадить за решетку. Деловым элитам можно отказать в выдаче необходимых для ведения бизнеса лицензий, лишить возможности сотрудничества с бизнес-партнерами, связанными с государственными заказами, подвергнуть их предприятия проверкам, парализующими их деятельность, или даже закрыть по представлению

2 Hale H. Regime Cycler: Democracy Autocracy, and Revolution, in Post-Soviet Eurasia // World Politics. 2005. Vol. 58. № 1. Oct. P. 138.

налоговой службы, пожарной или санитарной инспекции. Не устраивающего власть чиновника легко можно сместить с поста или публично скомпрометировать.

Наступление XXI в. ознаменовалось новыми социально-экономическими и политическими процессами, что позволяет сделать вывод о наступлении нового (второго) этапа посткоммунистической трансформации.

В числе упомянутых процессов, в первую очередь, экономический рост, который начался практически во всех постсоветских странах. Однако в условиях утвердившейся в них системы общественных отношений его выгодами смогло воспользоваться лишь незначительное меньшинство. В то же время экономический рост повысил планку ожиданий, причем подобные настроения охватили основную массу населения. В новых условиях наиболее серьезные проблемы — социальное неравенство, закрытие каналов вертикальной мобильности, клановый характер власти и ее неподотчетность — стали восприниматься особенно остро.

В результате монополизации власти узким кругом лиц в большинстве постсоветских стран она приобрела «семейный» характер, что привело к сужению социальной базы власти. Постепенно возник слой недовольных среди элит — политической, утратившей возможность влиять на государственные решения, а также деловой, столкнувшейся с серьезными препятствиями в предпринимательской деятельности, а то и вовсе с угрозой захвата принадлежащих членам элиты предприятий господствующими «олигархическими» кланами. Соединение социального протеста низов с «фрондой» элит создавало необходимые условия для революционных изменений, тем более, что правящие элиты не хотели реагировать на возникавшие общественные запросы в рамках формально действовавших демократических процедур.

Главным условием возникновения «цветных революций» в Грузии, Украине и Киргизии явилась массовость недовольства правящими режимами и их неадекватность, то есть неспособность удовлетворить хотя бы наиболее острые

потребности общества, выполнить программу надвигающейся на него революции и тем самым сделать ее ненужной. Особенность данного этапа заключается в том, что наиболее недовольными, а стало быть и наиболее политически активными, оказались представители самих элит. Именно они инициировали массовые протесты, приведшие к смене государственной власти в указанных странах.

На первом из названных этапов взаимоотношения России и Запада (в первую очередь США) в контексте взаимодействия на постсоветском пространстве характеризовались не столько влиянием идеологии, сколько так называемой схемой «большого размена» — «мы вам отказ от унаследованной инфраструктуры влияния на значимые для вас регионы, вы нам — право преимущественного влияния на наших соседей»³. Даная схема была обусловлена совпадением стратегических интересов на данном историческом этапе: Запад был готов передать глобальную ответственность за состояние постсоветского пространства российской бюрократии.

Представляется весьма существенным, что в целом указанная схема была успешно реализована. Представители США на всем протяжении «оранжевой революции» на Украине были поразительно корректны. Как минимум они не противодействовали ни возможной победе В. Януковича, ни потенциальной реализации более жестких сценариев, связанных с его последующей поддержкой со стороны российских властей.

События в Киргизии вообще оказались полной неожиданностью для развитых стран, глубоко разочарованных нефункциональностью и недееспособностью киргизской «демократической» оппозиции.

И даже в Грузии, где роль западных фондов была широко разрекламирована, принципиально значимую часть революционных задач на самом важном первом этапе выполнили именно российские акторы, нацеленные на скорейшее решение ряда конкретных проблем (например, прекращение

3 Делягин М. Одиночество России: после СНГ // Наш современник. 2005. N 9. С. 233.

крайне болезненных полетов самолетов с системой АВАКС вдоль южных границ России, организация совместного патрулирования границы)⁴.

Наиболее серьезная ошибка российской внешней политики в отношении ННГ заключалась в том, что пока в ряде стран не разразились «цветные» революции, российская правящая элита не заметила, что повестка дня первого трансформационного периода в этих государствах оказалась исчерпанной. Объективно назревшие потребности социальной и политической демократизации диктовали новые приоритеты общественного развития. В Москве же продолжали считать, что на выборах в Грузии, Украине и Киргизии избиратель будет снова выбирать между «малым и большим злом» в соответствии со сценариями, активно внедрявшимися в массовое сознание государственными пропагандистскими машинами.

Возможно, в российских властных структурах исходили из собственного опыта: раз в России в первые годы XXI в. удалось смягчить наиболее острые противоречия «олигархического» капитализма без кардинального обновления элиты и сложившейся системы властных отношений, то того же можно достичь и в других постсоветских странах, пусть ценой определенных затрат. Неверная оценка новой стадии развития трансформационных процессов привела российскую политику к крупным провалам. Столкнувшись с выбором между сегодняшней стабильностью и далекой «европейской мечтой» (для Грузии и Украины — в евроатлантической упаковке), граждане постсоветских стран, к удивлению московских стратегов, стали выбирать второе, таким образом обозначив новую внутриполитическую тенденцию, характерную для большинства ННГ.

Таким образом, прежняя линия Москвы на постсоветском пространстве, нацеленная на укрепление российских позиций посредством экономической экспансии ведущих российских корпораций, прежде всего топливно-энергетических, потерпела неудачу. Драматическое ослабление влияния рос-

4 Деягин М. Указ. соч. С. 233.

сийской бюрократии на ближнее зарубежье поставило ее перед лицом качественно новых острых проблем, справиться с которыми она оказалась не в состоянии.

Однако ситуация несколько изменилась после 2009 г. Вследствие глобального экономического кризиса интерес к данному региону со стороны США и ЕС, служивших ориентирами развития для большинства постсоветских стран, заметно снизился. Во многом этому поспособствовали и неудачи «цветных революций», которые вопреки ожиданиям не привели к заметному прогрессу в сфере демократии и создания свободных рыночных экономик.

В результате привлекательность России, прежде всего, как страны, обладающей возможностью оказывать финансовую и экономическую помощь постсоветским странам, снова начала возрастать. Москва сумела воспользоваться плодами новой международной конъюнктуры: в 2010 г. стартовал проект таможенного союза; были нормализованы отношения с Украиной в вопросах поставки газа и продления срока аренды военно-морской базы в Севастополе; до 2044 г. были продлены сроки присутствия российской военной базы в Армении.

Вопрос о том, насколько успешными окажутся усилия России, направленные на реинтеграцию, становится ключевым для анализа процессов наблюдаемой на протяжении последних двух десятилетий фрагментации постсоветского пространства.

На постсоветском пространстве можно выделить несколько субрегионов, каждый из которых характеризуется социально-экономической и политической спецификой: европейский, южнокавказский и центральноазиатский.

ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОН

Страны постсоветского европейского пространства отличаются друг от друга по многим параметрам, в том числе по темпам развития и достигнутым результатам перехода к рыночной экономике, политическим системам и междуна-

родным ориентирам. По этой причине их взаимоотношения между собой и с Россией развиваются по-разному. У России и этих стран есть общее историческое прошлое, вызывающее гамму противоречивых эмоций. Примечательно, что на образ мысли и действий политических элит всех постсоветских государств воздействует утвердившийся в советское время стереотип отношений «старшего» и «младших» братьев. В России он служит основой и оправданием имперских притязаний на политическое и экономическое доминирование на постсоветском пространстве. В СНГ он играет роль «стоп-сигнала», побуждающего их элиты усматривать в любых действиях Москвы стремление восстановить прежний тип отношений⁵. Однако общее прошлое — это еще и воинское братство в войне против нацистской Германии, это многовековые культурные связи, это десятки миллионов людей, соединенных родственными узами, профессиональными и дружескими отношениями.

В начале 1990-х годов отличительной чертой развития стран европейской части постсоветского пространства была относительная активность гражданских структур, вынуждавшая властные элиты допустить в тех или иных объемах политический и идейный плюрализм, а также проведение выборов с неизвестными заранее результатами. Однако в дальнейшем элиты в силу снижения политической активности населения начали постепенно сворачивать демократические преобразования.

Концентрация разнообразных ресурсов на одном полюсе политической жизни создала барьеры для демократизации упомянутых республик. Доступ на политическую сцену новых игроков, по сути, стал возможен лишь в Молдавии, однако это объясняется не столько институциональными особенностями, сколько противоборством разных политико-культурных идентичностей.

5 Борко Ю. Россия и ее европейские партнеры в СНГ: драма отношений // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества. М., 2007. С. 66.

УКРАИНА

После «оранжевой революции» конца 2004 — начала 2005 гг. считалось, что на путь строительства электоральной демократии встала Украина. Действительно, в первые годы президентства В. Ющенко Украине удалось достичь некоторых успехов в создании плюралистической информационной среды, а также конкурентной партийной системы. Была осуществлена конституционная реформа, которая ограничивала власть президента и расширяла полномочия кабинета министров, опирающегося на парламентское большинство. Но непрекращающаяся борьба внутри победившей «оранжевой коалиции» и провалы социально-экономической политики новой власти в дальнейшем привели к дискредитации не только ее лидеров, но отчасти и самого демократического проекта.

Провозгласив в середине 1990-х годов курс на европейскую интеграцию, Украина в то же время была вынуждена балансировать между Россией и Западом. Украина отличается от многих постсоветских республик тем, что достигла независимости мирно, без межэтнических конфликтов, в результате договоренностей между различными политическими силами. Кроме того, Украина характеризуется региональным и политическим разнообразием, что не позволяет одной силе монополизировать власть. Ни при Л. Кучме, ни при В. Ющенко партиям, претендовавшим на то, чтобы стать «партиями власти», несмотря на использование административного ресурса, не удавалось вытеснить своих политических оппонентов из политического пространства. Даже во время «оранжевой революции» противоборствующие элиты сумели найти компромисс, не пожелав углубления поляризации, которая могла привести к дестабилизации всей страны и поставила бы тем самым под угрозу их интересы.

Повторное голосование во втором туре, в котором победил лидер «оранжевых», стало возможным в обмен на конституционную реформу с расширением полномочий парламента и правительства. В 2006 г. создание новой парламентской коалиции вынудило президента В. Ющенко внести в парламент

кандидатуру своего соперника В. Януковича на пост премьер-министра. В 2007 г. уже премьер В. Янукович должен был согласиться на досрочные парламентские выборы и принять их результаты, что опять отбросило его в оппозицию⁶.

Однако подобные компромиссы имеют и отрицательную сторону, особенно когда договоренности носят закулисный характер: они откладывают необходимые стране реформы в политической и экономической сфере.

Одной из причин успеха В. Ющенко в ходе президентской кампании 2004 г. стало стремление объединить жителей востока и запада страны на основе призывов к справедливости, борьбе с коррупцией, необходимости реформирования страны по европейским образцам. Главными причинами «оранжевой революции» были, прежде всего, внутренние факторы, среди которых — слабость режима Л. Кучмы и относительный плюрализм политической системы Украины, а также поддержка «оранжевых» со стороны малого и среднего бизнеса и активность гражданского общества.

Основными достижениями «оранжевой» революции стали политические свободы, включая свободу СМИ и конкурентные выборы, в результате которых начиная с 2004 г. кресло премьера переходило от власти к оппозиции пять раз.

С другой стороны, большинство лозунгов «оранжевой» революции оказались нереализованными, в особенности борьба с коррупцией, реформа судебной системы, верховенство закона и т.д. Это привело к разочарованию избирателей, в особенности тех, кто голосовал в 2004 г. за В. Ющенко, а в 2006—2007 гг. — за его блок «Наша Украина».

Помимо слабости самого В. Ющенко как политика и постоянных распрей в его команде, на пути реформ возникли институциональные препятствия. Во-первых, конституционная реформа ослабила роль президента, в результате чего В. Ющенко лишь в течение первого года обла-

6 Гарань А. Украина: плюрализм «по умолчанию», революция, термидор. // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С.63.

дал полномочиями, необходимыми для проведения реформ. Демократические силы на протяжении многих лет добивались законодательного закрепления ответственности правительства перед парламентом. Однако из-за поспешности данной реформы возник дисбаланс между полномочиями президента и премьер-министра, парализовавший претворение в жизнь последовательной программы действий.

Во-вторых, выборы сделали «оранжевые» силы заложниками электоральной демократии и немало поспособствовали сдвигу украинской политики в сторону популизма. В результате необходимые (но непопулярные) реформы так и не были проведены.

Осенью 2010 г. Конституционный суд, вопреки мнению экспертов, автоматически восстановил Конституцию 1996 г., изъяв, таким образом, само упоминание о «парламентской коалиции» и вновь сделав правительство полностью зависимым от президента. Кроме того, была изменена система выборов в местные рады: с пропорциональной на смешанную. Для «Партии регионов» это облегчило контроль над выборами в мажоритарных округах. Правила игры были изменены непосредственно перед местными выборами в октябре 2010 г., что было раскрытировано Европарламентом и ПАСЕ⁷.

Дрейф в сторону авторитаризма власти оправдывали необходимостью преодолеть «оранжевый» хаос и обеспечить стабильность при проведении давно назревших, но непопулярных реформ. Если во время президентской кампании «Партия регионов» подорвала сотрудничество с МВФ, в условиях кризиса протолкнув популистский закон об увеличении зарплат и пенсий, то новое правительство согласилось с требованиями МВФ увеличить и коммунальные тарифы, и цены на газ для населения, а также постепенно повысить возраст выхода на пенсию.

7 Резолюция по Украине Европейского парламента 24 ноября 2010 года // <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=P7-RC-2010-0650&language=EN> и Парламентской ассамблеи Совета Европы 4 октября 2010 года // <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/doc10/edoc12357Add.htm>.

Однако достаточно очевидно, что у действующего правительства нет настоящего плана реформ. Коррупция на высшем уровне продолжается. Борьба внутри «Партии регионов» и неэффективность власти стали еще более очевидными во время принятия нового налогового кодекса. В декабре 2010 г. администрация президента объявила о давно назревшей административной реформе, однако вместо этого занялась преследованиями бывших членов правительства Ю. Тимошенко и ее самой. В последнее время В. Янукович все чаще использует правоохранительные органы как политический инструмент.

«Российский фактор» продолжает играть важную роль в украинской внешней политике. Однако большинство аналитиков сходятся во мнении, что его значение за годы независимости неуклонно снижается, и вектор политического развития Украины определяется прежде всего эволюцией внутренней динамики украинских элит. Украинская дипломатия традиционно избегала участия в наднациональных интеграционных структурах и основное внимание уделяла двусторонним отношениям в рамках СНГ. Формально в 2003 г. Украина вступила в Единое экономическое пространство (ЕЭП) с Россией, Белоруссией и Казахстаном, однако ее участие ограничилось поддержкой создания зоны свободной торговли, но не Таможенного союза, поскольку это противоречило бы официальной цели вступления в Европейский союз.

В первые месяцы после избрания В. Януковича маятник внешней политики несколько качнулся с прозападного направления в сторону России. Однако В. Янукович пошел, прежде всего, на символические уступки России, которые, по мнению влиятельных проправительственных олигархов, не угрожают их экономическим интересам. Речь идет о продлении присутствия военно-морской базы в Севастополе, отказе от курса на вступление в НАТО (провозглашение «внеблоковости»), а также от требования признать голод 1933 г. геноцидом украинского народа.

Заявление о снятии с повестки дня вопроса о вступлении в НАТО было закреплено на уровне государственного

закона «Об основах внутренней и внешней политики», принятого Верховной Радой Украины 1 июля 2010 г.⁸ Разъясняя содержание нового внешнеполитического курса, министр иностранных дел К. Грищенко охарактеризовал его как евроинтеграцию и европеизацию параллельно с полным объемом прагматичного, дружественного сотрудничества с Россией. Однако уровень сближения с Россией К. Грищенко определил до той черты, где это сближение не затрагивает «суверенитет» Украины.

Последние два года вследствие усиления авторитарных тенденций в политике В. Януковича наблюдается охлаждение отношений с Западом, в особенности с Европейским союзом. Наиболее острую критику вызывает процесс над Ю. Тимошенко в контексте соблюдения демократических принципов на Украине. В связи с этим В. Янукович в большей степени заинтересован в поддержке Москвы, однако нельзя забывать о том, что В. Янукович и бизнес-элита страны не согласятся на меры, угрожающие их политической и экономической власти. Они опасаются конкуренции с более мощным российским капиталом и поэтому воспринимают предложенные Москвой членство в Таможенном союзе, ОДКБ, слияние «Газпрома» и «Нафтогаза Украины» как прямую угрозу независимости Украины. В первую очередь это касается энергетической сферы, поскольку в данном вопросе Киев наиболее зависим от Москвы.

Поэтому рассчитывать, что баланс во внешней политике Украины будет резко сминут в сторону сотрудничества с Россией, не приходится. Геополитическая логика на протяжении последних двух десятилетий подталкивает Украину к Европе, что, так или иначе, способствует модернизации украинского общества. В. Янукович подтвердил заявленный своим предшественником курс на вступление в ЕС, однако снижение уровня демократии в стране заметно осложнило

8 Закон Украины № 2411-VI «Об основах внутренней и внешней политики». Принят Верховной Радой Украины 1 июля 2010 г. // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102411.html

переговоры о смягчении визового режима и создании зоны свободной торговли, а также привело к ухудшению международных рейтингов Украины. По оценкам Freedom House, на территории СНГ Украина уступила Молдавии первенство в сфере демократии и отстает от Грузии в проведении реформ⁹. Хотя существенное преимущество Украины перед этими странами состоит в том, что Украине удалось избежать проблемы сепаратизма.

О сохраняющейся противоречивости украинской внешней политики свидетельствует также подписание президентом В. Януковичем 13 апреля 2011 г. указа «О годовой национальной программе сотрудничества Украина — НАТО на 2011 г.»¹⁰. В указе президента Украины отмечается приверженность Украины, наряду с внеблоковостью, решениям, принятым Комиссией Украина — НАТО 4 апреля 2008 г. в Бухаресте. В тексте национальной программы подчеркивается, что сотрудничество с Альянсом будет происходить при соблюдении принципов, зафиксированных в Хартии Украина — НАТО от 9 июля 1997 г. с дополнениями 2009 г. Однако в этих документах содержится формула Бухарестского саммита Альянса, что «Украина станет членом НАТО»¹¹. Все перечисленное ставит под сомнение действенность провозглашенного Киевом внеблокового статуса. Становится очевидным, что тема внешнеполитического позиционирования Украины по-прежнему будет одним из ключевых вопросов российско-украинских отношений и европейской политики в целом.

Очевидно, что провалы во внешней политике Украины обусловлены ее внутриполитическим кризисом. Особенно наглядно это сказывается на отношениях с Евросоюзом. В марте 2012 г. глава МИД Украины К. Грищенко опубликовал статью, в которой говорится о том, что ЕС не воспринимает

9 Freedom in the World 2011: The Authoritan Challenge to Democracy. Freedom House, 2011 // <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=594>.

10 Официальный сайт МИД Украины // <http://www.mfa.gov.ua/>

11 Усова А. Внешняя политика Украины: между внеблоковостью и евроатлантической интеграцией // Власть. 2011. № 7. С. 158.

Украину в качестве полноценного кандидата на вступление. По его мнению, страна должна «принять это как данность» и соответственно откорректировать внешнюю политику¹². Рецепт главы МИДа относительно прост. Осознав свое реальное положение, Украине стоит определить более перспективные пути партнерского сотрудничества. В частности, предлагается обратить больше внимания на отношения с Китаем, Бразилией и Россией. При этом К. Грищенко подчеркивает, что это не равноценно отказу Украины от евроинтеграции, которая тем не менее остается приоритетным направлением украинской внешней политики. Однако глава профильного комитета Верховной Рады, экс-министр иностранных дел Б. Тарасюк полагает, что позиция министра продиктована желанием оправдать очевидные внешнеполитические провалы сегодняшнего дня¹³.

Украинская политическая элита вполне отчетливо осознает, что у Украины есть три варианта развития внешней политики. Первый — форсирование евроинтеграционных процессов путем демонстрации внешним наблюдателям, что Украина — достойный член европейского сообщества уже сейчас. Второй — политика нейтралитета, имплементация европейских принципов и ценностей в более медленном темпе, экономическое партнерство без настойчивых попыток приобретения членства в ЕС. Третий — все тот же принцип «европеизации» и одновременное перенесение акцентов экономического сотрудничества в направлении стран, близких Украине по уровню развития¹⁴.

Практически все наиболее популярные политические партии в Украине имеют общие позиции в решении ключевых социально-экономических вопросов. Тем не менее консенсус в украинской политике и, в частности, в парла-

12 Кизим Н. Запад или Восток? Власти Украины опять думают, куда лучше вести страну // Аргументы и факты в Украине. 2012. №12. 26 марта.

13 Там же.

14 Жильцов С. Российские сценарии для Киева. Политическая борьба в Украине скорректирует российскую внешнюю политику // Независимая газета. 2012. 13 апр.

менте — явление весьма редкое. Очевидно, что политические программы не имеют для украинских политиков принципиального значения, они работают в качестве предвыборной бутафории. На самом деле в Украине происходит конкуренция не программ и стратегий развития страны (в том числе и в вопросах внешней политики), а конкуренция лидеров партий и различных групп влияния.

Украинские партии либерального толка, пытаясь понравиться всем, хотят избежать конфликта с какой-либо частью электората. Однако такая позиция приводит к невозможности эффективно представлять интересы какой бы то ни было части населения.

Похожая ситуация наблюдается и в вопросах внешней политики: зачастую указанные партии пытаются двигаться одновременно в противоположных направлениях, не расставив приоритеты. Неубедительными выглядят попытки поиска баланса между европейским и российским векторами развития, представленные в предвыборных программах. Так, Партия Регионов выступает за усиление экономического сотрудничества в рамках зоны свободной торговли со странами СНГ, что предусматривает формирование общих таможенных тарифов, введение единых правил в сфере конкуренции и субсидий, гармонизацию принципов налогообложения, создание общего рынка труда со странами СНГ и т.д.¹⁵ Все это препятствует реализации следующего пункта программы партии: создание безвизового режима и зоны свободной торговли с ЕС, поскольку страна не может существовать одновременно в рамках двух таможенных союзов.

«Украинский Демократический Альянс за Реформы (УДАР)» В. Кличко во внешней политике придерживается принципа «многопартнерства вместо многовекторности»¹⁶. В программе много говорится о подписании и ратификации соглашения об ассоциации с ЕС. С другой стороны, «жиз-

¹⁵ Мониторинг предвыборной ситуации в Украине Фонд. / «Открытый диалог». 2012. Авг. / Ф // <http://www.odfoundation.eu>

¹⁶ Там же.

ненно важным для Украины являются вопросы отношений с РФ». Очевидно, что авторы программы сознательно пытаются обойти острые углы (вступление в ЕврАзЭС и сотрудничество в рамках Таможенного союза). Вместо этого они заявляют о «поддержании экономического, энергетического и научно-образовательного двухстороннего сотрудничества, а также о необходимости продвижения в РФ украинского языка, культуры, искусства и спорта».

Единственная партия в Украине, которая последовательна в своей программе из года в год — это коммунисты. Они оперируют простыми и понятными лозунгами, которые ориентированы на свой особенный электорат. Это в полной мере касается и внешнеполитического курса. Так, КПУ исключает членство Украины в НАТО и ратует за укрепление собственного оборонного потенциала. Декларируется, что Украина должна иметь свой независимый внешнеполитический курс. Приоритетными направлениями внешнего сотрудничества для Украины коммунисты видят страны СНГ. Они выступают за вхождение в Таможенный союз и Единое экономическое пространство с Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Казахстаном.

Коммунисты продолжают выступать с критикой правительства, обвиняя нынешнюю украинскую власть в склонности к «оранжизму» во внешней политике¹⁷. Поводом к этому послужила встреча В. Януковича с заместителем министра обороны США по вопросам международной безопасности А. Вершбоу, состоявшаяся 7 сентября 2011 г., на которой украинский президент заявил, что развитие отношений с США является одним из приоритетных направлений украинской внешней политики, и Украина готова к развитию сотрудничества в формате стратегического партнерства. Также В. Янукович отметил, что большое значение Украина придает своим отношениям с НАТО.

17 *Хранов С.* Украинская внешняя политика сделала опасный крен в сторону «оранжизма» // www.kpu.ua — 08.09. 2011.

Коммунистическая партия Украины требует от власти неукоснительного выполнения закона об основах внутренней и внешней политики, который, как отмечает председатель парламентской фракции П. Симоненко, был инициирован коммунистами. «Мы будем требовать, чтобы в Украине выполнялся закон об основах внутренней и внешней политики, который предусматривает, что Украина является внеблоковым государством. Какие-либо разговоры о сотрудничестве с НАТО являются противозаконными, и допускать этого нельзя», — отметил лидер КПУ¹⁸.

В целом же программы большинства украинских партий фрагментированы и неидеологичны. Создается впечатление, что политическая элита не имеет четкого видения развития страны. Построение консенсуса между элитами касается не вопросов стратегического развития, а вопросов борьбы за власть и ее ротации. За исключением «Свободы» и «КПУ», идеологических партий в Украине нет. Впрочем, эта проблема касается не только власти, но и общества. Низкое качество политических программ и невыполнение обещаний политиками можно объяснить тем, что население слабо доносит свои запросы до власти. Вместо этого в электоральных предпочтениях доминирует иррациональный, импульсивный выбор.

МОЛДАВИЯ

Молдавия в определенном смысле являет собой парадокс. Это одно из беднейших государств на постсоветском пространстве с очень большой долей сельского населения, к тому же отягощенное проблемой сепаратизма. И тем не менее на данный момент это, пожалуй, самое демократичное (за исключением стран Балтии) из новых независимых государств. Власть в Молдавии всегда переходила от правительства к оппозиции путем реальных выборов. Безусловно, происходило и использование административного ресурса,

18 Симоненко. Компартия категорически против участия Украины в программах НАТО // www.unian.net. — 08.09.2011.

и возможны небольшие подтасовки, однако не было массовых фальсификаций, не было и «цветной» революции, как в Грузии и на Украине, хотя после всеобщих выборов 2009 г. Молдавия неожиданно оказалась на грани спонтанной революции с перспективой ее авторитарного подавления. Но в конечном итоге стране удалось этого избежать.

Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) пришла к власти после выборов 2001 г. и находилась у власти до 2009 г. В этот период у президента В. Воронина была огромная политическая, вследствие контроля над его партией в парламенте, а также экономическая власть. Оппозиция же была раздроблена и представляла собой конгломерат мелких партий, большинство из которых дискредитировали себя связями с непопулярными правительствами 1990-х годов.

Тем не менее, несмотря на очевидные авторитарные поползновения коммунистов, Молдавия сохранила высокий уровень политического плюрализма. В ходе избирательной кампании все оппозиционные партии получали регистрацию и допускались к выборам, могли участвовать в дискуссиях на государственном телевидении, а также сохраняли за собой руководство многими местными советами и мэриями, что давало им некоторую властную базу на местах.

Плюрализм молдавского общества объясняется тем, что около 30% населения страны составляют национальные меньшинства (украинцы, русские, гагаузы и болгары), но молдавско-румынское большинство расколото на несколько групп, обладающих собственной идентичностью и политическими предпочтениями¹⁹. Часть молдаван попросту считают себя румынами. Эта группа относительно мала, но достаточно устойчива. Опасность того, что она станет доминирующей и будет лоббировать присоединение Молдавии к Румынии, невелика. Вторая группа — это те молдаване, которые поддерживают политическую независимость молдавской

19 Иванов В., Боршевский А. Правовая регламентация и характеристика неправительственных организаций национальных меньшинств в Молдове // Гражданское общество Молдовы: проблемы и перспективы: Междунар. науч.-практ. конф. Комрат, 2011. С. 54.

нации, однако признают, что язык в Молдавии румынский. Данная категория населения доминирует сейчас в политике, поскольку включает в себя активных молодых людей из образованных слоев городского населения, а также сельской интеллигенции. Третья категория — это молдаване, которые считают себя молдаванами, а свой язык молдавским и настроены часто антирумынски.

При таком множестве позиций ни одна община в Молдавии не обладает достаточной силой, чтобы доминировать в масштабах государства и установить режим авторитарного правления. Любому правительству приходится балансировать между разными сообществами. Такая ситуация благоприятна для плюрализма, но часто препятствует образованию сильной коалиции в поддержку реформ.

Как ни странно, сепаратистский конфликт в Приднестровье не оказал существенного влияния на качество демократии в Молдавии. Такие конфликты часто используются различными политическими силами для мобилизации общества и оправдания чрезвычайных режимов правления. Но приднестровский конфликт не привел к появлению политика-популиста, молдавские избиратели в большинстве своем безразличны к этой проблеме. Только 2% населения считают, что проблема Приднестровья должна быть приоритетной, и только 10% включают ее в тройку главных направлений политики²⁰. Отстраненность населения от этой проблемы объясняется еще тем, что в республике не наблюдаются столь тяжелые последствия конфликта, как, например, на Северном Кавказе (масштабные террористические акты и пр.), а сам конфликт не представляет видимой угрозы для существования государства (в отличие, скажем, от Армении).

В еще большей степени сравнительно высокий уровень политического плюрализма в Молдавии объясняется внешними факторами. Пространство внешнеполитического маневра у Молдавии достаточно узкое, поэтому ее руковод-

20 Barometer of Public Opinion. 2008. Oct. / Institute for Public Policy // <http://www.ipp.md>

ству всегда было тяжело игнорировать свои международные обязательства по отношению к ЕС. Страна слишком сильно зависит от иностранной помощи. Молдавия невелика, у нее нет природных ресурсов, она не занимает такого геостратегического положения, как Украина или Грузия, не имеет финансовой и политической поддержки, которую обеспечивает Армении диаспора, и у нее нет возможности маневрировать между Россией, США и Китаем, как это делают страны Центральной Азии.

В вопросах внешней торговли, денежных переводов и получения грантов Молдавия зависима от ЕС, как никакая другая страна постсоветского пространства. Вступление в ЕС поддерживают 72% населения страны, и оно является безусловным приоритетом во внешней политике²¹. Однако европейская интеграция не рассматривается здесь в качестве антироссийского проекта. Более 50% населения страны считают, что Россия должна быть ее ключевым стратегическим партнером. Молдавия не имеет общей границы с Россией, однако нуждается в поддержке России для урегулирования конфликта в Приднестровье. Дружественное отношение молдавской общественности к России полезно как для Молдавии, так и для России, поскольку оно препятствует формированию образа внешнего врага и помогает сглаживать межэтнические отношения.

Новоизбранный президент Н. Тимофти вскоре после своего вступления в должность сделал несколько заявлений относительно молдавско-российского сотрудничества. Он выступил за сохранение и развитие традиционных экономических и политических связей с Россией и опроверг тем самым утверждения некоторых российских СМИ, обвинивших его в том, что он занимает антироссийскую позицию. В то же время новый президент Республики Молдова отметил, что существующие между двумя странами проблемы необходимо решать с позиций равноправия, в рамках диа-

21 Op. cit. 2009. Mar.

лога, даже если Молдавия не имеет такого, как Россия, политического веса и влияния в большой политике. Говоря об урегулировании в Приднестровье, Н. Тимофти заявил, что выступает за решение конфликта в рамках международных документов и молдавско-российских соглашений. Он также подчеркнул, что выступает за вывод российских войск с территории Молдавии. Н. Тимофти указал на необходимость смены нынешнего статуса миротворческой операции на Днестре миссией гражданских наблюдателей с международным мандатом, которая будет охранять спокойствие без танков и самолетов²².

Очевидно, что несмотря на ряд заявлений по внешней политике, которые сделал Н. Тимофти, в частности, о том, что он выступает за сохранение и развитие традиционных дружественных и экономических связей с Россией, сделать это будет весьма непросто, поскольку реальные рычаги управления находятся в правительстве. Нельзя сказать, что правительство В. Филата каким-то образом портит отношения России с Молдавией, но и никаких усилий по их улучшению тоже не предпринимает. В любом случае Молдавия — это парламентская республика, и избрание Н. Тимофти — это скорее ритуальный момент, выводящий страну из политического кризиса. Само по себе избрание Н. Тимофти не решает ни внутри-, ни внешнеполитических проблем Молдавии, но это выход из той ситуации, которая сложилась еще в 2009 г.

Несмотря на избрание президента, политический кризис в Молдавии не преодолен: налицо отсутствие желания различных политических сил искать компромисс в вопросах внутренней и внешней политики, использование тех или иных парламентских инициатив в целях устранения идеологических конкурентов. Следовательно, можно сделать вывод об отсутствии консолидации не только в среде политической элиты, но и в самом молдавском обществе.

²² Тимофти Н. Молдавия будет решать проблемы с Россией с позиций равноправия // РБК Санкт-Петербург. 2012. 22 марта.

Особенно острым выглядит отсутствие консолидации в вопросах разрешения и преодоления последствий Приднестровского конфликта. Очередное громкое предложение последовало от лидера социалистов И. Додона, выступившего с заявлением о необходимости федерализации Молдавии²³. Многие годы, особенно во время правления команды президента В. Воронина, тема федерализации была своего рода политическим табу. По мнению социалистов, из всех возможных сценариев только сценарий федерализации Молдавии позволит республике обрести полный контроль над своими границами, преодолеть двоевластие, но в то же время сохранить часть автономности и самобытности для Предднестровья, включая символику и политическое представительство.

Однако достаточно очевидно, что данная концепция не может быть реализована в обозримой перспективе не только из-за разногласий между Кишиневом и Тирасполем, но и потому, что ЕС и США вряд ли согласятся поддержать ее. Сомнения вызывает также поддержка со стороны Украины, которую И. Додон полагает своим союзником в решении данного вопроса.

Следует учитывать и то обстоятельство, что у Приднестровской Молдавской Республики существует своя «Концепция внешней политики», в разработке которой принимали участие депутаты Верховного Совета республики²⁴. По инициативе членов парламента ПМР проект, внесенный президентом ПМР, был дополнен разделами о содействии внешнеэкономической деятельности, об информационном обеспечении внешней политики, а также были объединены подразделы, посвященные сотрудничеству с Россией и Украиной. Согласно данной концепции, основными приоритетами внешней политики являются: укрепление и защита

23 Федерализация Республики Молдова является единственным реальным решением для приднестровской проблемы // aVA.md / analytics — commentary — 19.04.2012.

24 Ястребчак В. Об основных положениях Концепции внешней политики Приднестровской Молдавской Республики // <http://mfa-pmr.org>

независимости и суверенитета, а также открытость в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений с государствами ближнего и дальнего зарубежья. Одним из приоритетов является реализация национальных интересов через вступление в ООН, а также развитие сотрудничества с международными организациями, финансовыми и экономическими институтами. Указанные положения никак не вяжутся с высказанной молдавскими социалистами идеей федерализации Молдавии.

БЕЛОРУССИЯ

В Белоруссии после недолгого периода политического плюрализма 1991—1994 гг. утвердился авторитарный режим А. Лукашенко. Одна из основных причин его становления состоит в том, что Белоруссия была глубоко интегрирована в хозяйственную систему СССР, в ней наблюдался относительно высокий на фоне других советских республик уровень жизни. Поэтому от распада Советского Союза Белоруссия пострадала сильнее, чем многие другие. В течение долгого времени эта страна избегала постсоветского капитализма. Вместо этого за счет заемных российских ресурсов здесь сохранялись основы государственной экономики советского образца и советский социальный патернализм. Однако в последние годы под давлением ряда факторов, в том числе сокращения ресурсов, поставляемых из России, этот социализм без руководящей роли коммунистической партии начал трансформироваться в национальную модель все того же постсоветского капитализма²⁵.

В настоящее время Белоруссия отстает от большинства бывших советских республик по показателям перехода к рынку. Лишь 30% валового национального продукта производится в стране частным сектором²⁶, невелико и социальное расслоение. Белоруссия не прошла через «шоковую тера-

25 Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С. 13.

26 Transition Reform 2010: Recovery and Reform. European Bank for Reconstruction and Development // <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10/pdf>

пию», в ней нет долларовых миллиардеров, по крайней мере декларированных. В частные руки до сих пор не передано ни одно крупное предприятие. Между тем с 2007 г. в стране введена плоская шкала подоходного налога, отменена «золотая акция», введен заявительный принцип регистрации бизнеса и ожидается приватизация ряда крупных предприятий. В настоящее время этот перечень еще формируется и пока в него входят 19 предприятий. В основном это акционерные общества Министерства промышленности и концерна «Белнефтехим»²⁷.

В силу своего географического положения Белоруссия обречена испытывать влияние внешних сил. Из двух несомненных признаков Белоруссии — авторитарный политический режим и близость к России — отличительным является именно последний. Авторитарные режимы не редкость в СНГ, однако степень близости Белоруссии к России не имеет равных на территории постсоветского пространства. А. Лукашенко не может себе позволить дистанцироваться от России не только по экономическим причинам, но и потому, что это оттолкнет от него немалую часть населения. При этом он понимает, что полное снятие напряженности во внешнеполитических отношениях чревато утратой суверенитета. А. Лукашенко удалось добиться высокой степени консолидации правящего класса Белоруссии, в котором либо отсутствуют, либо слабо проявляют себя пророссийские силы.

В действительности Белоруссия открыта и Западу, хотя это не так часто осознается: почти половина экспорта страны приходится на государства Запада, при том, что экспортируется 60% всего произведенного²⁸. Кроме того, белорусы весьма активно ездят на Запад, 87,5% граждан в возрасте до 30 лет выезжали в страны Евросоюза²⁹. В Минске уверены в

27 Госкомимущество Беларуси подготовило план приватизации стратегических предприятий на 2012 год // Белорусское телеграфное агентство. 2012. 17 февр.

28 Иоффе Г. Авторитаризм без олигархии // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С.32.

29 Красилицков В. Белорусская развилка // Независимая газета. 2011. 19 янв.

том, что борьба за демократию в республике — это фасад, за которым Запад ведет свои геополитические игры с Россией. И правящий режим, и оппозиция научились извлекать выгоду из данной ситуации. Симбиоз режима и оппозиции проявляется следующим образом: режиму оппозиция нужна для того, чтобы легитимировать победу на выборах, а оппозиции режим нужен потому, что борьба с ним оправдывает существование данных политических сил в глазах мирового сообщества.

Существенные перемены в западной политике по отношению к Белоруссии произошли после белорусско-российского нефтегазового обострения 2006—2007 гг. Начавшееся после этого потепление в отношениях с Западом получило дополнительный стимул после российско-грузинской войны, когда А. Лукашенко отказался признавать независимость Абхазии и Южной Осетии. В декабре 2008 г. Международный валютный фонд открыл для Белоруссии кредитную линию на 2,5 млрд долл., а после отказа России в предоставлении Белоруссии кредитного транша увеличил эту сумму до 3,6 млрд³⁰.

Однако потепление отношений с Западом закончилось после окончания президентских выборов в декабре 2010 г. Жесткий разгон демонстрации протеста против фальсификации результатов голосования и арест более чем 600 демонстрантов вынудили Европейский союз ввести санкции в отношении белорусского лидера и его окружения. Санкции выразились в запрете на въезд в страны ЕС 158 лиц, включая самого А. Лукашенко, руководителя его администрации, официальных журналистов, судей и руководителей избирательных комиссий. Тем не менее экономические меры, которых больше всего опасались белорусские чиновники и к которым настойчиво призывали ЕС американские сенаторы, так и не были приняты.

Как бы то ни было, белорусский политический режим на данный момент обладает внушительным запасом устой-

30 Иоффе Г. Указ. соч. С.44.

чивости, которая обеспечивается поддержкой как минимум половины электората, в то время как оппозиция пока еще слабо консолидирована, несмотря на широкую поддержку со стороны различных западных организаций. А. Лукашенко умудряется извлекать максимальную выгоду из продолжающегося геополитического противостояния между Россией и Западом, обеспечивая экономическую стабильность без сосредоточения финансовых рычагов в руках узкой группы лиц. Оппозиция до сих пор не смогла мобилизовать протестный потенциал белорусского общества. Это позволяет сделать вывод о том, что в нынешних условиях искать потенциальных союзников внешним акторам следует скорее в среде белорусской номенклатуры. Наиболее вероятно, что следующий белорусский лидер будет выдвинут именно из этой среды.

Очевидно, что белорусский политический класс, равно как и население страны, уже привыкли к ощущению пребывания в международной изоляции. Более того, общество свыклось и с крайне негативным образом, который сложился вокруг А. Лукашенко, а, следовательно, и вокруг республики на международной арене. Современная белорусская внешняя политика не развивается: нет значимых внешнеполитических инициатив, нет внешнеполитического «голоса», нет мобилизующей внешнеполитической цели³¹. Есть только одна задача — любыми средствами создать на внешней арене благоприятные условия для выживания режима.

Самыми влиятельными среди политических партий Белоруссии на данный момент являются шесть оппозиционных партий: партия БНФ, Консервативно-христианская партия—БНФ, Белорусская социал-демократическая партия (Громада), «Белорусская социал-демократическая Громада», Белорусская партия левых «Справедливый мир» и Объединенная гражданская партия.

31 Суздальцев А. Не поможет. Предыдущая неделя в Беларуси началась и закончилась на внешнеполитической ноте // www.politoboz.com. — 27.08.2012.

Программа Консервативно-христианской партии—БНФ отмечает, что внешняя политика Белоруссии должна быть направлена на сотрудничество с ЕС и на выход из сферы влияния России. В целом внешняя политика Москвы оценивается крайне негативно, поскольку она, по мнению партийных идеологов, угрожает суверенитету Белоруссии. По их же утверждениям, в составе Европейского союза страна будет гарантированно защищена от агрессии как со стороны Польши, так и со стороны России. В качестве эффективного средства отстаивания национальных интересов выдвигается идея Балтийско-Черноморского содружества Белоруссии, Литвы и Украины³². Одной из задач внешней политики ставится борьба за соблюдение культурных прав белорусского этнического меньшинства за границей. Единственным государственным языком в Белоруссии должен быть белорусский, причем категорически осуждается двуязычие.

Главной целью внешней политики Белоруссии, по мнению идеологов другой партии — партии БНФ, должно стать вступление страны в состав Европейского союза, что позволит эффективно противостоять террористическим и прочим угрозам национальной безопасности. Такое вступление соответствует белорусской культуре и истории. Россия исключается из числа главных партнеров Белоруссии, зато в этот перечень попали Литва, Латвия, Польша и Украина. Такой подбор не случаен, поскольку, согласно программе партии, все эти страны составляют относительно единый культурный и экономический регион. Данное внешнеполитическое объединение позволит связать в одно целое Балтийский регион Европейского союза и блока ГУАМ. Что касается отношений с Россией, то в программе высказывается требование отмены соглашения о создании Союзного государства, проведения демаркации белорусско-русской границы и установления пограничного режима. Партия считает необходимым доби-

32 Аврукевич А. Россия и русский язык в программах белорусских политических партий // www.rusrdin.ru — 07.03.2010.

ваться подписания международного договора с Россией, в котором было бы зафиксировано признание ею факта вхождения Белоруссии в состав Европейского союза. В области языковой политики партия однозначно выступает за признание белорусскому статусу единственного государственного языка, а русскому отводится место языка национального меньшинства.

В программе партии «Белорусская социал-демократическая Громада», лидером которой является один из авторов Беловежских соглашений и первый глава белорусского государства С. Шушкевич, в качестве главного внешнеполитического приоритета страны провозглашается нейтралитет. Однако это не помешало провозгласить курс на уменьшение зависимости от России как в экономической, так и в политической области путем вступления в Европейский союз. Кроме того, Белоруссии предлагается укрепить Балтийско-Черноморский союз.

Программа Объединенной гражданской партии, которую возглавляет А. Лебедько, также определяет основной стратегической целью внешней политики вступление в Европейский союз. Однако, в отличие от программ предыдущих партий, указывается на необходимость активного развития международной торговли и экономического сотрудничества не только с государствами—членами ЕС, но и с Россией. Специально отмечается, что Москва является стратегическим партнером Минска. Однако этот тезис не означает какого-либо тесного сближения, выходящего за пределы прагматичного сотрудничества. Несмотря на то, что программные документы партии опубликованы на русском языке, расширение сферы белорусского языка определяется как приоритет в культурной политике. Партия обходит молчанием вопрос о государственном двуязычии в Белоруссии, что заставляет задуматься о перспективах русского как государственного языка.

Белорусская социал-демократическая партия (Громада) во главе с А. Левковым считает, что в своей внешней политике страна должна стремиться к вхождению в состав Европейского

союза и содействовать вступлению в ЕС России, Украины и Молдавии. В отношениях с РФ Белоруссия должна придерживаться принципа равноправного стратегического партнерства. В своей программе партия постаралась обойти вопрос о государственном статусе русского языка. Вместе с тем показательно, что белорусскому языку, по мнению авторов программы, следует отводить особое положение как языку, генерирующему белорусскую национальную идентичность.

В программе Белорусской партии левых «Справедливый мир» (лидер С. Калякин) отмечается, с одной стороны, необходимость нормализации дипотношений с зарубежными государствами. С другой стороны, утверждается необходимость продолжения интеграции с Россией и Украиной и даже допускается возможность создания Союзного государства. Однако, безусловно, провозглашается идея державного суверенитета Белоруссии.

Таким образом, большинство оппозиционных партий либо выступают за ослабление политической связи с Россией путем вступления в Европейский союз, формирование тесного политического и экономического союза с государствами Балтии, Польшей и Украиной на основании общности их интересов и культурной близости, либо подчеркивают пользу от сотрудничества с Россией, но при сохранении независимости. Часть партий однозначно выступает за лишение русского языка статуса государственного, другие, замалчивая вопрос о судьбе и юридическом статусе русского языка, отдают приоритет белорусскому как символу белорусской национальности.

Либерально-демократическая партия и Социал-демократическая партия Народного согласия занимают место между непримиримой оппозицией и проправительственными партиями. К этой группе можно отнести еще «Белорусскую партию зеленых», но последняя в своей программе вообще не стала затрагивать внешнеполитическую проблематику. В программе Либерально-демократической партии, чей партийный лидер С. Гайдукевич регулярно при-

нимает участие в президентских выборах, утверждается, что в выборе союзников Белоруссия должна руководствоваться прагматичными национальными интересами. Приоритет в международных отношениях следует отдавать сопредельным странам, причем Российская Федерация специально не выделяется из списка, включающего также Польшу, Украину, Литву и Латвию. Вместе с тем составителями партийной программы предлагается «уравновесить» восточный и западный секторы внешней политики страны. В этих целях рекомендуется активизировать сотрудничество республики с государствами — членами Европейского союза, международными организациями (ОБСЕ) и принимать участие в евроинтеграционных процессах. Как и во многих партийных программах, вопрос о русском языке замалчивается, но требуется государственное стимулирование развития белорусского языка и белорусскоязычной литературы.

Социал-демократическая партия Народного согласия выстраивает, на первый взгляд, более привлекательную для России внешнеполитическую концепцию. Так, подчеркивается необходимость равноправных отношений с Россией, требуется соблюдение Закона о языках Республики Беларусь, который, как известно, сохраняет статус русского как государственного. Вместе с тем самым главным считается реализация концепции «Беларусь — мост Восток—Запад», что предусматривает, во-первых, выстраивание равных отношений как с Россией, так и с другими странами региона, а во-вторых, незыблемость независимости Белоруссии.

Среди партий, которые безусловно поддерживают политику правительства, можно назвать Белорусскую аграрную партию, Республиканскую партию труда и справедливости (РПТС), Белорусскую патриотическую партию (БПП), Коммунистическую партию Беларуси, Белорусскую социально-спортивную партию (БС-СП) и Республиканскую партию.

Какой-либо разработанной концепции внешней политики Республиканская партия труда и справедливости не

представила общественности до сих пор. В ее программе только указывается на необходимость создания равноправного союза «с Россией и другими странами, основанного на свободном передвижении товаров, капиталов и рабочей силы при введении единой межгосударственной валюты и расчетно-кредитного механизма»³³.

Коммунистическая партия также не дает развернутой концепции внешней политики. Однако основной внешнеполитической целью провозглашается укрепление национальной безопасности страны путем развития белорусско-российского Союзного государства и поэтапного воссоздания на добровольной основе обновленного Союза советских народов, укрепления его политической независимости и экономической самостоятельности.

По сравнению с РПТС и КПБ программа Белорусской патриотической партии гораздо больше внимания уделяет проблемам внешней политики. Более того, партия ратует за аннулирование соглашения от 8 декабря 1991 г. и ликвидацию его последствий, не отдавая себе отчета в том, что возникновение независимой Белоруссии и является последствием создания СНГ. В качестве практического шага в этом направлении предлагается заключить военный, экономический и политический союз Белоруссии, Украины и России, а в перспективе следует добиваться «единой государственности всех народов, проживающих на территории бывшего СССР». Следует отметить, что партия декларирует «проведение миролюбивой внешней политики»³⁴.

В программе Белорусской социально-спортивной партии рекомендуется использовать геополитическое положение страны, выстраивать равноправные отношения с остальными государствами, причем в первую очередь с сопредельными странами. Интересно, что партия, не выступая за реставра-

³³ Аврукевич А. Указ. соч.

³⁴ Петрушенко А. Парламентские выборы 2012: специальный проект // <http://deputat.nashdom.info> — 27.06.2012.

цию СССР в той или иной форме, высказалась за обеспечение «интегрирующей роли Республики Беларусь» в СНГ.

Республиканская партия в своей программе ограничилась лишь туманным пожеланием развивать добрососедские отношения с сопредельными странами, исходя из государственных интересов страны.

Итак, проправительственные партии зачастую не имеют четкой концепции внешней политики, но в большинстве случаев отмечают необходимость тесных отношений с Россией, выражают приверженность интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР и созданию Союзного государства. Вместе с тем партии, ратующие за интеграцию, стремятся не столько к воссоединению с Россией, сколько выдвигают проекты по реставрации СССР. Это превращает и без того невнятные формулировки об интеграции с восточным соседом в политические утопии. Утопичность выражается еще и в том, что все эти партии исходят из идеи неизбежности белорусского национального суверенитета. Они, как правило, не упоминают вопрос о статусе русского языка в Белоруссии, что вероятнее всего связано с признанием результатов референдума о двуязычии 1995 г.

Таким образом, ни одна из действующих в Белоруссии политических партий не является «пророссийской» по своей идеологии или установкам в точном смысле этого слова. Наиболее активные политические партии и их лидеры достаточно ясно показали, что главной целью их внешней политики в случае прихода к власти является вхождение в состав Евросоюза, выход из сферы влияния России, уменьшение роли русского языка. Единственное, что допускают некоторые из оппозиционных политических партий, — это взаимовыгодное сотрудничество с Россией в области международной торговли.

СТРАНЫ БАЛТИИ

Страны Балтии, по формальным историко-географическим критериям также относящиеся к постсоветскому пространству, в действительности уже принадлежат

Большой Европе³⁵. Взяв курс на евро-атлантическую интеграцию, эти страны осуществили политические и социально-экономические реформы, позволившие им стать членами НАТО и ЕС. Хотя в некоторых странах Балтии (Латвии, в меньшей степени Литве) существуют явления, характерные для постсоветского капитализма (высокий уровень коррупции, сращивание политической элиты и верхушки бизнеса) и указывающие на общность их происхождения с другими постсоветскими государствами, в целом Балтийские страны развиваются по европейским политическим алгоритмам, а местные национальные сообщества функционируют по законам, правилам и процедурам, характерным для демократического капитализма Европы.

Членство балтийских государств в ЕС и изменения геополитического ландшафта в регионе бросают вызов исторически отягощенным отношениям между Россией и Балтией. Безусловно, вступление в ЕС не устранило тяжелое наследие прошлого в отношениях между Латвией, Литвой, Эстонией и Россией. Для народов этих стран память о советской оккупации, как они воспринимают действия СССР, последовавшие за подписанием пакта Молотова—Риббентропа, не только стала неотъемлемой частью их национального самосознания, но и обусловила многочисленные препятствия на пути практического сотрудничества³⁶. Москва, в свою очередь, обвиняет страны Балтии в игнорировании фактов сотрудничества с нацистами.

Балтийские государства зачастую воспринимают ЕС как рычаг в направлении разрешения споров с Москвой. Этот рычаг действует как в негативном, так и в позитивном плане. Так, Литва пригрозила присоединиться к польскому вето на подготовку нового документа взамен «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) ЕС—Россия», если Москва

35 Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3-4. С.13.

36 Гроцки Д, Кемпе И. Неравносторонний треугольник // Россия в глобальной политике. 2007. № 3. С. 35.

не возобновит поставки нефти. Однако та же Литва еще до вступления в ЕС стала движущей силой в вопросе выработки приемлемого визового режима для граждан, перемещающихся между Калининградской областью и «материковой» Россией. Конструктивная роль Вильнюса проявилась в создании Объединенного комитета регионального развития с участием представителей Литвы и Калининграда.

Приход Д. Грибаускайте к власти в Литве многие аналитики расценивали как возможность пересмотра Вильнюсом традиционных ориентиров и приоритетов в сфере внешней политики. Д. Грибаускайте осмелилась подвергнуть сомнению значимость для современной Литвы внешнеполитического курса экс-президента В. Адамкуса, в основе которого лежало сотрудничество с США, подкрепляемое совместными военными операциями в рамках реализации американских геостратегических интересов.

Отказавшись от одновекторности внешней политики, Д. Грибаускайте сконцентрировала политические усилия на формировании проевропейского курса внешнеполитической составляющей политики Вильнюса. Главная претензия к Д. Грибаускайте в настоящее время сводится к тому, что, отказавшись от классических основ внешней политики Литвы, она не смогла предложить альтернативной внешнеполитической стратегии, понятной для политической элиты страны³⁷. Национальная безопасность Литвы и ее внешняя политика находятся в прямой зависимости от отношений с Россией, США и Польшей.

В последние годы произошло существенное охлаждение отношений с США и Польшей, что может осложнить для Литвы успешную реализацию национальных интересов и целей. Суть проблемы во взаимоотношениях с Польшей заключается в правах польского национального меньшинства в Вильнюсском крае и в целом в республике. Поляков не удо-

³⁷ Баторшина И.А., Воловой В. Современная внешняя политика Литвы: корректировка традиционного курса // Балтийский регион. 2011. № 4. С.37.

влетворяет тот факт, что они не могут указывать в паспортах свои фамилии и названия улиц в местах своего компактного проживания на польском языке, а также то, что с 2013 г. учащиеся нелитовских школ должны будут сдавать литовский язык на том же уровне требований, что и литовцы. При этом очевидно, что Польша как стратегический союзник важнее Литве, чем Литва Польше. Польша сегодня является приоритетным партнером США в Европе. Поэтому близкие отношения с Варшавой могут дать Литве возможность привлечь внимание США к своим проблемам. Во-вторых, Польша — это «большое» европейское государство с гораздо большим влиянием в Европе, чем Литва.

Заметно изменились позиции Вильнюса в отношении стран постсоветского пространства. Во времена В. Адамкуса Литва активно взаимодействовала с Грузией и Украиной в рамках американской стратегии распространения «демократии на Восток», преследуя цель их скорейшей евроатлантической интеграции. Такую позицию можно было поддерживать или критиковать, но она оставалась четкой и последовательной. С приходом же к власти Д. Грибаускайте ситуация заметно изменилась, свидетельством чего стала приписываемая президенту фраза: «Подписываем договоры о партнерстве с нищими, а с принимающими решения странами находимся в конфронтации»³⁸. Видимо, вследствие этого Грузия и Украина оказались во многом забыты Вильнюсом как значимые партнеры.

Усугубляет ситуацию сомнительность варианта нормализации отношений с Россией в условиях начатой реструктуризации энергетической отрасли и открытого противостояния с «Газпромом». Однако следует отметить, что внешняя агрессивность Литвы по отношению к Москве с приходом Д. Грибаускайте уменьшилась, но с места отношения двух стран так и не сдвинулись.

38 *Cibulskis G., Popovaitis I.* Prezidentės simtadienis. 15min. lt, 19 октября 2009 г. // <http://15min.lt/id/aktualu/lietuva/prezidentės-simtadienis-56> — 60691 — 13.07.2011.

Выборы в Сейм Латвии актуализировали в политологическом сообществе страны вопрос об основаниях существующей политической системы. Получила распространение точка зрения о том, что политическая система Латвии построена в значительной, если не в главной, степени на антироссийской позиции правящей элиты³⁹. Тем не менее большинство экспертов сходятся во мнении, что попытки изменить сложившийся *status quo* могут привести к возникновению конфликтов и расколу в обществе.

Для латвийского политологического сообщества весьма актуальной остается проблема приписываемого России так называемого комплекса «старшего брата», которая, по мнению ведущих латвийских политологов, выступает препятствием в достижении взаимопонимания на уровне элит. В свою очередь, «оккупационная риторика», особенно часто используемая во время электоральных кампаний, является источником легитимности нынешней латвийской политической элиты.

Российско-эстонские отношения являются в значительной мере функцией российско-американского сотрудничества, что влияет на динамику антироссийской риторики политической элиты Эстонии. О том, что поддержка со стороны США крайне важна для Эстонии, свидетельствует ход последней парламентской избирательной кампании. 7 марта 2011 г. в Эстонии финишировали выборы депутатов Рийгикогу. По сравнению с Латвией исторический аспект политики в электоральном процессе Эстонии оказался менее востребованным. Наиболее актуальными оказались вопросы ослабления экономических связей с Россией и национализм во внутренней политике Эстонии. Следует отметить, что в завершившейся парламентской кампании ведущие партии, объединяющие ключевых представителей национальной политической элиты, практически не включали в предвыборную риторику фактор России в целом и так называемый

39 Смирнов В., Сутырин В. Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010—2011 годов // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 147.

«русский вопрос» (русского национального меньшинства) в частности как один из центральных.

Россия остается для политической элиты Латвии, Литвы и Эстонии существенным внешним раздражителем, что весьма очевидным образом проявляется, в частности, в ходе электоральных кампаний в трех балтийских республиках. Постоянное апеллирование к советскому прошлому — это специфика политического процесса, которая вряд ли исчезнет в обозримой перспективе. Реакция на российский «внешний раздражитель» (будь то русские корни мэра Риги Н. Ушакова, «рука Москвы» в политической карьере экс-президента Литвы Р. Паксаса или мэра Таллина, лидера Центристской партии Эстонии Э. Сависаара) была и будет эмоциональной⁴⁰. Ключевой вопрос состоит в качестве этой реакции: насколько среди политической элиты балтийских стран будут преобладать идеологизированные установки или прагматические схемы сотрудничества?

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Среди наиболее актуальных проблем Южного Кавказа можно выделить: наличие большого количества беженцев и вынужденных переселенцев оттуда, неконтролируемые миграционные процессы, приведшие к обострению межнациональных отношений; ускоренное распространение радикальных идеологий; проблему спорных территорий; деятельность ряда этнонациональных региональных и международных организаций, отрицательно влияющих на формирование общественно-политических настроений народов Кавказа.

Сложность социально-экономической ситуации в регионе заключается в том, что после распада СССР в СНГ произошел разрыв экономических связей с другими регионами и республиками бывшего СССР. В результате были потеряны рынки сбыта сырья. Неспособность конкурировать с другими странами по качеству продукции и отток специалистов на

⁴⁰ Смирнов В., Сутырин В. Указ. соч. С. 150.

Запад вследствие вспыхнувших в регионе вооруженных конфликтов обусловили разрушение промышленного и сельскохозяйственного потенциала. Все это привело к обнищанию практически всех слоев населения, снижению его образовательного уровня, гигантскому росту безработицы.

Усиливающееся значение Южного Кавказа в военно-стратегическом отношении делает его экономическое развитие второстепенным. Это в наибольшей степени относится к Грузии и Армении, хотя и Азербайджан не исключение. Тем не менее все государства региона заинтересованы в том, чтобы Южный Кавказ начал играть важную роль как транзитная территория — для каспийских энергоносителей, для товаропотоков Запад — Восток и Север — Юг. Армения по ряду причин изначально оказалась исключенной из процесса выстраивания новых энергокоридоров. В результате на роль транзитных государств пока могут претендовать только Азербайджан и Грузия⁴¹.

Перспективы социально-экономического и политического развития региона осложняются тем, что географическое положение сделало Южный Кавказ заложником глобальных геополитических процессов. Степень заинтересованности США в Кавказе с момента распада СССР постоянно увеличивалась. Свою роль сыграли ошибки российской внешней политики, отягощенной отсутствием ясного видения стратегических целей на Кавказе.

В регионе сформировались как минимум две внешнеполитические стратегии поведения. Грузинская — предполагающая максимально возможный уход из-под геополитического влияния РФ на Запад, Азербайджанская — предпочитающая политику гибких альянсов, «качелей»: сбалансированное развитие отношений как с Западом, так и с РФ, возможность осторожных компромиссов с различными интересами мировых держав. Армянская внешняя политика в чем-то стремится быть

⁴¹ Гусейнов В., Поклонов О., Демиденко С. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992—2008 годы). М., 2008. С. 182.

похожей на азербайджанскую, однако объективная географическая «закрытость» страны, помноженная на этнонациональные претензии к соседям, не позволяет играть в региональную диверсификацию. Можно, скорее, говорить о многовекторности по отношению к Москве, Вашингтону и Брюсселю.

АЗЕРБАЙДЖАН

В отличие от большинства республик бывшего СССР суверенизация Азербайджана происходила в крайне неблагоприятной политической обстановке. Она определялась армяно-азербайджанским вооруженным конфликтом в Нагорном Карабахе, политическим противостоянием местной оппозиции и республиканских властей, а также противоборством земляческих кланов, оспаривающих власть. Одновременно полным ходом происходили дезинтеграционные процессы в экономике и политике союзного государства. Все это в совокупности обусловило противоречивый, нестабильный, конфликтный характер процессов социально-политической трансформации азербайджанского общества, реформирования института государственной власти и его правовой базы.

Азербайджан столкнулся с проблемой, характерной для подавляющего большинства постсоветских республик: не выполнена одна из важнейших задач трансформационного периода — осознание всеми социальными категориями населения их конституционных прав. Практическое решение этой задачи — главный инструмент преодоления условий неконтролируемого обществом ограничения прав и свобод граждан. Непрозрачность, неконтролируемость деятельности властных структур становится, в свою очередь, источником их деградации.

Современную постсоветскую политическую систему, сложившуюся в Азербайджане, охарактеризовать непросто, хотя подобная система отнюдь не уникальна. Сегодняшний Азербайджан не вписывается в привычную для Запада и для российской политологии «традиционно-современную» бинарную оппозицию.

Речь идет о фрагментированном социуме, где частично (это касается мегаполиса Баку) утвердились модернизированные социально-экономические и политические отношения, к которым применимо понятие «модернизированного Востока»⁴². В то же время в сельских регионах социум транслирует традиционные консервативные правила «архаики». Центральная власть ради устойчивости и эффективности своего правления вынуждена умело управлять в этих условиях, сочетая в своей практике как методы демократии, так и авторитаризм. В определенном смысле экономика в целом организована по принципу присвоения ренты властью, и это касается не только земли или недр, но и любой другой собственности. Отсюда и кажущиеся непосвященным неожиданными повороты к рынку и демократии в сочетании со столь же неожиданными авторитарными тенденциями и клановостью.

Азербайджанское государство позиционируется как демократическое, поскольку риторика «демократии» — единственный способ легитимации власти. Идеология власти строится на следующих основах. Постулируется: а) все советское было недемократично и неэффективно. Г. Алиев в рамках возможного для советского руководителя сделал все для нивелирования негативных сторон советской системы; б) национальное, азербайджанское политическое представление демократично по сути, и поэтому Азербайджан движется к демократии, однако с поправкой: «у нас свой путь развития демократии», базирующийся на силовых элементах контроля и мобилизации нации на развитие; в) в качестве необходимого аргумента для блокирования риторики оппозиции официальная доктрина указывает, что система И. Алиева есть разумное противопоставление «хаосу» 90-х годов, «борьба с распадом»⁴³.

⁴² Нысанбаев А. Глобализация и диалог культур // Евразийское сообщество. 2002. №1. С. 113.

⁴³ Гусейнов В., Поклонов О., Демиденко С. Указ. соч. С. 217.

Однако в том, что реальная оппозиция осталась вне управления страной, есть и объективные причины. Оппозиция, как и власть, морально устарела, она не генерирует новые идеи, не чувствует реалий нового времени, пользуется устаревшей политической риторикой. Лидеры оппозиции стали, по сути, «кабинетными лидерами»⁴⁴. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что из года в год сторонников и членов основных оппозиционных партий становится все меньше, некоторые покидают страну, другие уходят в науку и так далее.

Опасность данного положения вещей заключается в том, что власть, устранив оппозицию, не учитывает, что на смену светской оппозиции приходят силы, связанные с религиозными течениями, которые становятся все более популярными в азербайджанском обществе. Нельзя забывать, что 70% населения страны — шииты, а другая часть — сунниты. Безусловно, азербайджанское общество не столь религиозно, как, скажем, иранское или турецкое, но с каждым годом влияние арабских стран на него усиливается, в особенности в среде молодежи, где все более популярными становятся идеи мусульманских религиозных движений. А слабость и беспомощность светской оппозиции тем более усиливает популярность указанных движений.

Для Азербайджана характерна приверженность власти рыночным ценностям в экономике и светскому политическому и бытовому устройству общества, открытости глобальным инвестициям. Это отчасти служит аргументом в защиту государственной политики от критики со стороны западного сообщества в дефиците ценностей «либеральной демократии» и бездействии в аспекте защиты прав человека. Можно сказать, что облик азербайджанской власти определяется личностными характеристиками людей, находящихся на вершине иерархии. При этом важен не столько уровень их

44 Шахиноглу Э. Азербайджан: внутренняя и внешняя политика // Материалы науч. семинара «Основные тенденции внутренней и внешней политики Азербайджана», 17 дек. 2010 г., Рига // [http:// ru.seribd.com / 45419565](http://ru.seribd.com/)

интеллекта и управленческого профессионализма-интуиции, сколько то, как они распоряжаются этой властью.

Азербайджан избрал тактику сочетания дипломатических и экономико-партнерских отношений с западными инвесторами. За Баку не было замечено желаний вступить в «тяжбу» с кем-либо, действовать методом шантажа либо других некорректных действий, таких, например, как пересмотр условий ранее подписанных контрактов. В то же время Азербайджан стремится извлекать максимум прибыли из сотрудничества не только с западными, но и с российскими компаниями. При определении ориентира в «нефтяной» дипломатии приоритет отдавался принципам «открытых дверей» и «сбалансированной политики». Хорошо продуманная Алиевом-старшим и грамотно реализуемая Алиевым-младшим нефтяная стратегия привела к появлению «биржи нефтяных контрактов», на которой иностранные компании ведут друг с другом борьбу за каждый процент долевого участия в каждом из перспективных проектов.

Разрешив западным корпорациям участвовать в разработке новых нефтяных месторождений на Каспии, руководство Азербайджана маневрировало между интересами ведущих нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих стран мира. Разумеется, возможность этого «маневра» небезгранична, особенно в условиях, когда доходы от экспорта нефти являются самым главным источником поступления в госбюджет.

Достаточно очевиден и тот факт, что США и ЕС стали менее активны в вопросах демократизации Азербайджана по сравнению с предыдущими годами, поскольку Азербайджан выступает как приоритетный партнер США по антитеррористическим операциям в Ираке и Афганистане. Кроме того, НАТО использует воздушное пространство Азербайджана при доставке грузов в Афганистан. Как уже было сказано, Азербайджан активно сотрудничает с Западом по энергетическим проектам. По этим причинам Вашингтон не так строг с властью Азербайджана в вопросах демократизации. По сути, внешняя политика Азербайджана в отношении западных

партнеров сводится к джентельменскому соглашению: «мы поддерживаем вас в вопросах энергетики и безопасности, а вы, в свою очередь, не вмешиваетесь в нашу внутреннюю политику».

Сотрудничество России и Азербайджана значительно осложнено озабоченностью Москвы взаимодействием Азербайджана с Западом в целом и с НАТО в частности. Тем не менее к концу 2009 г. России с трудом, но все же удалось наладить доверительные отношения с Азербайджаном в военной сфере, хотя определенная напряженность между ними сохраняется. С другой стороны, Баку столь же ревностно относится к российско-армянскому военно-техническому сотрудничеству. При этом необходимо учесть, что азербайджанскую сторону беспокоит не столько сам факт поставок российских вооружений Армении, сколько то, что эти поставки осуществляются на безвозмездной основе. Осложнили отношения и непростые переговоры по Габалинской РАС. Москва предлагала не просто продление на 5—7 лет эксплуатации действующей станции, а строительство и использование новой РАС на гораздо более длительный срок⁴⁵. Но поскольку достигнуть взаимоприемлемых договоренностей не удалось, Россия вообще отказалась от ее использования.

Другая проблема, которая периодически омрачает двусторонние российско-азербайджанские отношения в политической и военной сферах, — это деятельность функционирующей под патронажем России ОДКБ. Азербайджанскую сторону сильно раздражают некорректные, а зачастую грубые высказывания должностных лиц различного уровня в России, направленные на «насильственное» возобновление членства Азербайджана в ОДКБ. Именно по этой причине Азербайджан не планирует в обозримом будущем вступать в организацию, а заявления Генерального секретаря ОДКБ, в том числе проармянские или призывающие к сохранению

⁴⁵ Мамедов С. Габалинская РАС оказалась на иранской волне // Независимая газета. 2011. 22 дек.

на неопределенное время статус-кво в зоне Карабахского конфликта, будут отвергаться как не соответствующие национальным интересам страны. Важным следствием этого, вероятнее всего, станет окончательная утрата Азербайджаном интереса к участию в ОДКБ.

При этом напряженность во взаимоотношениях с Секретариатом ОДКБ не отражается на двусторонних отношениях Азербайджана с Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией в военной и экономической сферах. Азербайджан продолжает наращивать интенсивность диалога со странами, которые долгие годы были его традиционными партнерами в военной, политической и экономической областях. Укрепляя связи с Украиной и Белоруссией, Азербайджан не теряет интереса и к углублению сотрудничества с Россией, однако отчетливо дает понять Москве, что стремится развивать связи с ней на основе двусторонних соглашений, не вступая в ОДКБ⁴⁶.

К концу первого десятилетия XXI в. интерес к сотрудничеству с Азербайджаном стали проявлять не только страны постсоветского пространства, но и государства Восточной Европы. В последнее время у Азербайджана начали складываться доверительные и теплые отношения в военной сфере с Чехией, Польшей и Болгарией. Рост экономических возможностей Азербайджана, сопровождающийся серьезным ростом его расходов на оборону, к рубежу 2008—2009 гг. превратил Баку в очень заманчивого партнера по военно-техническому сотрудничеству. В числе стран, желающих наладить устойчивое сотрудничество в военной сфере с Азербайджаном в этот период, оказалась и Польша.

Дипломатия Азербайджана в области энергетики в последние годы оказалась довольно результативной. Значимым стало подписание соглашения с Турцией по газу (цена поставок и транзита), а также принятие решения о строительстве

⁴⁶ Ниязов Н. Становление и развитие политики военной безопасности Азербайджанской республики в 1994—2011 гг. // Автореф. дис. ... д.и.н. С.—Пб., 2012. С. 27.

Трансанатолийского газопровода. Таким образом, страна получает транзит на европейские рынки через турецкую территорию.

В свою очередь, отношения между Азербайджаном и США также довольно противоречивы. С одной стороны, Вашингтон демонстрирует большой интерес к Азербайджану, о чем свидетельствуют визиты высокопоставленных персон из Пентагона и Госдепартамента в республику. США выражает заинтересованность во взаимодействии с Азербайджаном в энергетической области и по конкретным вопросам военно-стратегического характера. С другой стороны, на встречные шаги в виде поддержки по вопросам, представляющим интерес для азербайджанского руководства (в первую очередь по урегулированию карабахского конфликта), Вашингтон не готов. Поэтому при наличии значительного взаимного интереса сторон к развитию отношений существенного прогресса в них пока не наблюдается⁴⁷.

АРМЕНИЯ

Армянская политическая элита изначально формировалась из достаточно узкого круга людей — интеллектуалов, пришедших во власть во время революции 1988—1990 гг. После 1991 г. советские элиты были отстранены от власти как на общегосударственном, так и на региональном уровнях, поскольку вследствие коллапса экономики советского типа исчезла потребность в идеологах из рядов представителей бывшей оппозиционно настроенной интеллигенции, а для нужд государственного строительства понадобились не склонные к фронде чиновники-технократы, готовые принимать реальность, а не конструировать ее⁴⁸.

Средние управленческие слои в Армении в настоящее время еще достаточно гибки в плане рекрутирования в свою

47 Мусабеков Р. Риски и вызовы: внешняя политика Азербайджана в 2012 году // <http://news.day.az/politics/309819.html>

48 Искандарян А. Армения между автократией и полиархией // Pro et Contra. ., 2011. Т. 15. № 3—4. С. 23.

среду новых членов, хотя они все больше напоминают некую политическую касту, вытесняющую политизированную интеллигенцию из власти. Немногочисленные оппозиционеры еще остаются в парламенте, но реального влияния на политические процессы они оказать не могут. Противостояние власти зачастую приобретает радикальный характер, митинговая активность достаточно велика, но в реальности оппозиция оказывает незначительное влияние на политические решения. Номинально в стране существуют демократические институты (многопартийность, свобода слова), но в действительности складывается олигархическая система политической власти⁴⁹.

Нынешняя политическая ситуация в республике может быть охарактеризована как нестабильная. В 2007 г. в ходе президентской избирательной кампании в Армении произошло обострение политического противостояния. Ключевым событием, повлиявшим на предвыборную гонку, стало вступление в борьбу за пост главы государства бывшего президента Армении Л. Тер-Петросяна, который стал основным конкурентом премьер-министра С. Саркисяна. С этого момента политическая обстановка в стране начала приобретать конфликтный характер. Л. Тер-Петросян возглавил внепарламентскую оппозицию, формализованным социальным центром которой стал Армянский национальный конгресс.

Проправительственные СМИ, как по команде, принялись критиковать первого президента, называя время правления Л. Тер-Петросяна «кошмарными девяностыми», возврата к которым допустить нельзя.

Президент Армении Р. Кочарян, поддержавший кандидатуру С. Саркисяна, подверг резкой критике намерения Л. Тер-Петросяна развивать торгово-экономические отношения с Турцией и Азербайджаном, которые, по оценке первого президента Армении, «в нормальных условиях должны

⁴⁹ Золян С. Армения в 2008 г.: феодальная демократия или демократический феодализм // Кавказ—2008 / Институт Кавказа. Ереван, 2010.

были бы стать настоящими партнерами Армении и впятеро увеличить экспорт местной продукции», сбалансировать внешнеторговый оборот. Глава республики также обвинил Л. Тер-Петросяна в готовности отдать Нагорный Карабах Азербайджану и превратить собственную страну в турецкий придаток.

Внешиполитическая тема была крайне актуальна на прошедших выборах — сторонники экс-президента Л. Тер-Петросяна были уверены, что радикально исправить положение Армении в регионе способен только Л. Тер-Петросян. Справедливости ради нужно отметить, что все важнейшие договоры России и Армении были подписаны при Л. Тер-Петросяне: самое первое присоединение Армении к СНГ, договоры о коллективной безопасности, о совместной защите границ, о единой системе ПВО, о базе Гюмри, большой договор о дружбе с Россией, о создании «Армросгазпрома» и другие.

Правящая республиканская партия представляет собой характерный для постсоветских стран конгломерат чиновников и аффилированных с ними бизнесменов. Она выступает в качестве механизма карьерного лифта для социально активных молодых людей. Как уже было отмечено, теперь в систему коалиции входят «Процветающая Армения» и «Оринац еркир» — типичные партии одного лидера, без выраженной идеологии; при этом во главе первой стоит крупнейший бизнесмен страны Г. Царукян, а во главе второй — типичный представитель нового политического класса, своего рода «политический бизнесмен»⁵⁰, бывший спикер парламента А. Багдасарян.

Партия «Дашнакцутюн», созданная еще в конце XIX в., не столь персонифицирована, однако, ее платформа представляет собой скорее не идеологическую программу, а набор ценностных установок, в число которых по сугубо историческим причинам входят и националистическая, и социалистическая компоненты. Эта партия обладает финансовыми и медий-

50 Искандарян А. Указ. соч. С.25.

ными ресурсами для более широкой политической борьбы, но это требует выхода за пределы традиционного националистического электората, то есть размывания ценностной платформы, что может резко ослабить поддержку партии за рубежом. А, как известно, основные источники финансирования «Дашнакцутюн» формируются как раз в армянской диаспоре. Характерно, что «Дашнакцутюн», вошедшая после президентских выборов в состав правящей коалиции, вышла из нее после того, как республиканцы инициировали процесс нормализации армяно-турецких отношений.

Собственно, оппозицию представляет в парламенте лишь «Наследие», самая малочисленная партия, у которой, впрочем, точно так же отсутствует отчетливая идеологическая платформа, помимо лозунга неприятия нынешней политической системы в целом.

Таким образом, партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, в Армении еще нет. Фактически на политическом поле действуют не партии, а элитные группы, в первую очередь бизнес-группы, и законодательное собрание постепенно становится полем для представительства экономических интересов.

Еще в ходе предвыборной кампании президент С. Саргсян обозначил приоритеты Республиканской партии Армении во внешней политике. С его точки зрения, за последние годы Армения усилила возможности реагирования на внешнюю агрессию в рамках ОДКБ. Однако, как полагает нынешний президент, этого недостаточно, и Нагорно-Карабахская Республика должна стать полноправным членом проходящих переговоров по урегулированию конфликта. Он подчеркнул, что Армения предоставляет Карабаху всестороннее содействие и продолжит бороться за международное признание самоопределения народа НКР. С. Саргсян также заявил, что отрицание Геноцида его партия считает продолжением данного преступления. По его словам, «французский законопроект о криминализации отрицания Геноцида армян воодушевил многих, а решение Конституционного совета Франции

разочаровало некоторых»⁵¹. Лидер РПА подчеркнул, что важной составляющей внешней политики республики является защита исторической и политической истины.

С одной стороны, С. Саргсян неоднократно заявлял о необходимости повышения продуктивности реализации подписанных с Россией договоров. С другой стороны, с его точки зрения, не менее значимы вопросы подписания соглашений с ЕС «Об упрощении визового режима» и «Глубокой и всеобъемлющей свободной торговле». Он также подчеркнул, что членство РПА в Европейской народной партии является осознанным шагом и изменит как внешнюю, так и внутреннюю характеристику страны.

Важнейшим фактором внешне- и внутривнутриполитической жизни Армении остается проблема Нагорного Карабаха. В Ереване действует нечто вроде «карабахского лобби». В данном случае речь не идет о субэтническом представительстве, а об отстаивании интересов Карабаха. Особенно отчетливо это сказывается во внешней политике. Ведение переговоров об урегулировании конфликта и отношения с Азербайджаном образуют отдельный сектор армянской внешней политики, в котором практически все политические силы нацелены на консервацию сложившейся ситуации. Лозунг «ни пяди земли», изначально популярный в Карабахе, за последние несколько лет стал одним из центральных внутренних дискурсов в Армении⁵².

Именно карабахским конфликтом определяется приоритет внешней политики Армении в отношении России. Между Арменией и Азербайджаном наблюдается полномасштабная гонка вооружений, для чего Азербайджан использует доходы от продажи нефти. Поскольку у Армении нет подобной возможности, льготные поставки вооружения из России, а также наличие зонтика безопасности в виде ОДКБ становятся основным ресурсом Армении в данном конфликте.

51 Внешнеполитические приоритеты // Голос Армении // <http://www.golos.am> — 2012. 21.04.

52 Искандарян А. Указ. соч. С.28.

Вопросы урегулирования карабахского конфликта, а также нормализации отношений с Турцией остаются главным камнем преткновения для различных политических сил Армении. Следует подчеркнуть, что именно отношение к данной проблематике в первую очередь оказывает влияние на симпатии армянских избирателей.

Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн», которая вышла из правящей коалиции в 2009 г. из-за несогласия по вопросам внешней политики, объявила своим внешнеполитическим приоритетом нормализацию дипломатических отношений с соседними странами и устранение сухопутной блокады Армении без предварительных условий. Как отмечается в предвыборной программе АРФД, нормализация отношений с Турцией должна произойти с учетом стратегии национальной безопасности Армении и армянского народа. При этом «Дашнакцутюн» планирует «отозвать подписи армянской стороны из-под подписанных в Цюрихе в 2009 году армяно-турецких протоколов об установлении двусторонних отношений и исключает принятие какого-либо решения или документа, который ослабит процесс международного признания «геноцида армян»⁵³. АРФД также исключает связь армяно-турецкого процесса с урегулированием нагорно-карабахского конфликта, а условия Анкары для установления отношений оцениваются представителями партии как незаконные и оскорбляющие национальное достоинство.

Центральное место во внешнеполитической проблематике, с точки зрения «Дашнакцутюн», занимает вопрос о международном признании Нагорно-Карабахской Республики. Переговоры с Азербайджаном, по мнению ее представителей, должны вестись с учетом первоочередности установления статуса Карабаха и решения вопросов его безопасности. Уступки же со стороны Армении и Нагорного Карабаха должны быть соразмерны одновремен-

53 «Дашнакцутюн»: Проект внешнеполитической концепции Армении вызывает серьезное беспокойство // <http://regnum.rf> — 30.03. 2012.

ным уступкам Азербайджана. Кроме того, партия требует, чтобы Карабах был признан основной стороной конфликта и полноправным участником переговорного процесса. Кроме того, согласно программе «Дашнакцутюн» планирует внедрять механизм проведения референдумов по важнейшим вопросам внешней политики страны.

В свою очередь, позиция партии «Наследие», которая во внешней политике придерживается прозападной ориентации по урегулированию карабахского конфликта и по нормализации армяно-турецких отношений, мало чем отличается от программных установок «Дашнакцутюн». Достаточно вспомнить, что именно парламентская фракция партии «Наследие» была автором резолюции о признании независимости Нагорного Карабаха, отвергнутой Национальным собранием Армении. Кроме того, необходимо учесть, что Посольство США в Ереване неоднократно демонстрировало свою поддержку партиям «Наследие» и «Свободные демократы». Из чего можно сделать вывод о том, что на данном этапе США, прежде всего, заинтересованы в ослаблении российского влияния в Армении, а не в приходе к власти политических сил, способных договориться с Азербайджаном и Турцией.

Отметим, что негласным «патроном» партии «Прозвещающая Армения» является бывший президент Р. Кочарян. Следует также подчеркнуть, что во время своего президентства Р. Кочарян занимал намного более жесткую, чем С. Саркисян, позицию по урегулированию карабахского конфликта.

Что касается «Армянского национального конгресса» во главе с первым президентом Армении Л. Тер-Петросяном, то его предложение пойти по пути поэтапного урегулирования карабахского конфликта стоило ему поста главы государства. Сейчас он также заявляет о необходимости урегулирования карабахского конфликта и нормализации армяно-турецких отношений, однако не акцентирует внимание на конкретных вариантах.

Если говорить о других аспектах внешней политики, то практически все партии подчеркивают значимость связей со странами СНГ, а также дальнейшего продолжения стратегического сотрудничества с Российской Федерацией. Если и есть некоторые отличия во внешнеполитических доктринах, программах партий, то здесь, наверное, можно выделить только две — это партия «Дашнакцутюн» и партия «Наследие». Программы этих двух партий, в частности, указывают на необходимость отзыва армянских подписей под договором, промульжированным в 2010 г. в Швейцарии. В то же время в большинстве партийных программ европейский вектор указывается как один из приоритетов внешней политики и внешнеэкономического развития Армении. По мнению политолога А. Искандаряна, в Армении не существует ярко прозападных или ярко пророссийских сил, поскольку все они «ориентированы на армянскую реальность». «Мне вообще не кажется релевантным говорить о прозападном и пророссийском направлении в политике армянских партий. Риторика в разных странах и обществах продаётся, и политики используют эту риторику для рынка», — говорит А. Искандарян⁵⁴.

Особое место во внешней политике Армении занимает проблема взаимоотношений с Ираном. Различные политические силы предлагают свои выходы из возможных форс-мажорных ситуаций, связанных с обсуждаемым на многочисленных политических площадках мира военным ударом по Ирану.

Партия «Оринац еркир» в своей предвыборной программе предлагает обеспечить улучшение армяно-иранских отношений. Партия заявляет о том, что не желает пассивно ожидать решения иранской проблемы в негативном направлении. Согласно авторам программы, ее партийные контакты направлены на содействие конструктивному восприятию

54 Ни одна из партий Армении не будет разрывать отношения с СНГ и ОДКБ: политолог // <http://www.iarex.ru/news/25184.html> –18.04.2012.

Ирана основными партнерами Армении в мировом сообществе, которые, как известно, играют главную роль в переговорном процессе с иранским политическим руководством. Напомним, что в 2012 г. «Оринац еркир» стала членом-наблюдателем Европейской народной партии, авторитетного межпартийного альянса, обладающего значительным международным политическим влиянием. Кроме того, «Оринац еркир» как член коалиции власти взяла на себя политическую и организационную ответственность за деятельность Министерства чрезвычайных ситуаций.

Демократическая партия Армении при формировании своей внешнеполитической повестки провела ряд обсуждений по ядерной проблеме Ирана, а также по развитию ситуации в регионе в целом. ДПА считает необходимым проявлять большую дипломатическую активность и вовлеченность в международные процессы на Ближнем Востоке. Армения, с точки зрения авторов программы, должна стремиться обеспечить себе роль активного игрока в регионе, а также исполнять роль посредника в урегулировании проблем в Сирии и Иране. В то же время, учитывая позицию США и прагматизм Ирана, ДПА считает маловероятным возможное военное развитие ситуации в ближайшем будущем.

Что касается Республиканской партии Армении, то в ее предвыборной программе данный вопрос не освещается. В то же время представители партии неоднократно высказывали ту точку зрения, что военный путь решения иранской проблемы не имеет перспектив. С точки зрения РПА, война против Ирана таит в себе огромные риски для всего региона, а обеспечение национальной безопасности занимает приоритетное место в деятельности Республиканской партии.

Партия «Объединенные армяне» также не приемлет военный путь разрешения конфликта. Партия выступает за сотрудничество с Ираном, США и Российской Федерацией, при этом не противопоставляя себя военно-политическим интересам сверхдержав. В то же время «Объединенные армяне» считают, что перспективные программы по модер-

низации вооруженных сил обусловлены стратегическими интересами Армении и на них нужно выделять серьезные средства из бюджета страны.

Коммунистическая партия Армении несколько раз выступала с заявлениями в защиту Ирана. КПА — единственная партия, которая осмелилась в резких тонах осудить поведение США и НАТО не только по вопросу Ирана, но также Сирии, Афганистана и Ирака⁵⁵.

Партия «Наследие» также сочла неприемлемым военное решение проблемы ядерной программы Ирана. С целью обеспечения транспортной и энергетической безопасности двух стран в предвыборной программе «Наследия» поставлена задача развития экономического сотрудничества с Ираном путем сохранения имеющихся добрососедских отношений. По мнению членов партии, сложившаяся вокруг Ирана ситуация создает серьезную угрозу безопасности для граничащих с ним Армении и Нагорного Карабаха. Партия считает своей задачей озвучивать свою обеспокоенность в данном вопросе на различных международных площадках. В частности, в ходе заседания комиссии по вопросам обороны Парламентской ассамблеи НАТО, где в качестве докладчиков выступали заместители госсекретаря США, представители партии говорили о своей озабоченности в связи с возможными военными действиями в отношении Ирана. По мнению членов «Наследия», если не удастся предотвратить военное развитие ситуации, то Армения должна быть готова защищать свои границы, а также целостность и безопасность совместно с вооруженными силами Арцаха. Похожей позиции придерживается и партия «Пролетающая Армения».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все политические партии Армении единодушны в своем желании не допустить военного вмешательства в Иран. Отличается лишь риторика представителей различных партий, в зависимости

55 Меликсетян А., Чилингарян А. Готовы ли партии к форс-мажорным обстоятельствам? // <http://www.yerkramas.org> –01.05. 2012.

от степени готовности выступать с критикой в адрес США по данному вопросу.

Несмотря на это, Армения не находится в тотальной зависимости от России, в торговом балансе ее главным партнером является Германия. Политическое сотрудничество Армении с европейскими структурами по своему формату и уровню институционализации ничуть не уступает соседям по Южному Кавказу. Армения активно сотрудничает с НАТО, принимала участие в операциях в Ираке и Косово. Важным рубежом в сотрудничестве между Арменией и НАТО стало открытие в Ереване Информационного центра альянса. Это составная часть Программы действий персонального партнерства (IPAP) Армения-НАТО. В докладе группы оценки НАТО, находившейся с визитом в Армении, отмечалось, что страна добилась положительных результатов в плане реализации данной программы.

Однако в сфере безопасности сотрудничество с Россией приоритетно, что прекрасно осознают как руководство республики, так и представители большинства политических партий. Этим обстоятельством зачастую продиктована «пророссийская» риторика тех или иных представителей армянской политической элиты. Встречное стремление России к присутствию на Южном Кавказе, особенно после войны с Грузией, делают этот интерес взаимным. На сегодняшний день Ереван и Москва развивают контакты в рамках ряда международных и региональных организаций. Близость позиций двух государств по актуальным международным проблемам создает основу для взаимовыгодного сотрудничества в рамках ООН, ОБСЕ, СЕ и других организаций. Армения и Россия активно выступают за совершенствование и реформирование структуры СНГ, а также активно сотрудничают в рамках ОДКБ.

Внешняя политика нынешней власти Армении остается противоречивой, поскольку она желает двигаться в разных направлениях с одинаковым успехом: всеми силами развивать партнерство с Евросоюзом, не ухудшив при этом отношений с США, а также сохранить на прежнем уровне сотрудниче-

ство с Россией, и, наконец, установить доверительные отношения с Китаем.

ГРУЗИЯ

Особенность внутривластной ситуации в Грузии состоит в том, что состав парламента формировался на «бархатно-революционной» волне и к 2007 г. перестал отражать истинный расклад сил в обществе. Среди наиболее активных оппонентов М. Саакашвили оказались представители политической (Г. Хаиндрава, И. Окруашвили) и экономической (Б. Патрикацишвили) элиты, в том числе его бывшие ближайшие сподвижники. В основе событий осени 2007 г. лежало разочарование широких слоев грузинской общественности во внутривластном курсе, проводимом руководством республики.

Необходимо отметить, что М. Саакашвили с самого начала своего прихода к власти продемонстрировал способности харизматического лидера популистского толка, и война с Россией в августе 2008 г. позволила ему легитимировать нахождение у власти путем консолидации общества перед внешней угрозой. Кроме того, прозападная ориентация внешнеполитической линии грузинского руководства в настоящий момент не вызывает сомнений, однако она обусловлена, прежде всего, преимуществами экономического и политического характера, которые могут дать Грузии западные страны. Очевидно, что данная ориентация присуща как представителям действующей власти, так и оппозиции, поэтому в контексте российско-грузинских взаимоотношений речь может идти лишь о некотором потеплении в случае прихода к власти в Грузии относительно умеренных политических сил, а не о смене вектора данного взаимодействия.

Важнейшей задачей для грузинского руководства является сближение с Западом. В качестве главного стратегического направления в «Концепции безопасности Грузии», принятой парламентом 29 декабря 2011 г., указана европейская и евро-атлантическая интеграция. Фактор международной под-

держки указывается авторами документа в качестве одного из важнейших рычагов сдерживания «российской агрессии»⁵⁶.

Грузинская политическая система страдает теми же недугами, что аналогичные системы многих постсоветских государств. Грузинские эксперты вынуждены констатировать, что за 20 лет независимости в Грузии устойчивые политические партии со своей идеологией, ценностной базой и сменяемым руководством так и не сформировались⁵⁷. Причина заключается в том, что партии формировались «сверху», под конкретного лидера, который пользовался личной симпатией определенной части общества. Мало кто задавался вопросом, какая идеология у такой партии: левая, правая, центристская или какая-то другая. Разницу между партиями определяли личности лидеров, по большому счету, даже названия партий не имели принципиального значения. На этом фоне ведущей силой становилась партия власти — «Союз граждан» Э. Шеварднадзе, часть которой потом трансформировалась в «Национальное движение». Как только Э. Шеварднадзе ушел в отставку, «Союз граждан» прекратил свое существование. То же самое может произойти и с «Национальным движением» после ухода М. Саакашвили с политической арены.

Несмотря на то, что в грузинском обществе звучат разговоры об отсутствии идеологических партий, тысячи людей начали вступать в партию Б. Иванишвили, когда он заявил о ее создании, хотя до сих пор остается совершенно неясным, какова идеология этой партии, ее стратегия развития страны. Как заметил грузинский политолог А. Чачия, появление Б. Иванишвили вызвало восторг, выразившийся в классической фразе: «Только Вы можете спасти Грузию!». «Как, каким способом, какой внешней политикой, какой экономической моделью, какими социальными реформами

56 *Нароушвили А.* Мы декларируем наши принципы, они не могут быть тайными // <http://www.apsny.ge/interview>

57 *Векуа Г.* Возможности трансформации политической системы Грузии // www.georgiamonitor.org — 21.02. 2012.

— это никого не интересовало... В свое время с таким же экзальтированным призывом обращались и к Шеварднадзе, и к Саакашвили», — отмечает политолог⁵⁸.

В 2010 г. парламент Грузии принял изменения в Конституции, которые преобразовали распределение власти между центральными органами. Из чисто президентской республики Грузия превратилась в «парламентско-президентскую». Однако большинство экспертов сходятся во мнении, что это лишь формальность. Фактически права парламента почти не были расширены, зато резко усилены полномочия премьер-министра, причем за счет полномочий президента. Премьер-министр становится по новой Конституции наиболее влиятельным лицом в государстве, в руках которого сосредоточена реальная власть.

В самом грузинском обществе нет предпосылок для того, чтобы политическая система страны функционировала по формально «европейским» критериям. Население в основном занято борьбой за выживание и ему мало интересны тонкости и детали многопартийной парламентской демократии. Нет и политических партий, которые могли бы участвовать в такой системе. Не сформирована национальная буржуазия, многочисленный средний класс, на который может опираться парламентская демократия. В регионах страны, за пределами Тбилиси, царят либо разруха и обнищание населения, либо процветают клановые и партийные связи в экономике и в управлении регионами. Крупный бизнес почти полностью завязан на властных структурах, а мелкий и средний бизнес, несмотря на разрекламированные успехи в улучшении бизнес-среды, также занят борьбой за выживание и почти не имеет перспектив расширения.

В этой ситуации вступление Б. Иванишвили в грузинскую политику может привести к некой частичной «европеизации» политической системы и политического ландшафта Грузии. После победы его партии на выборах в парламент сильно

58 Чачия А. Политика — это, прежде всего, борьба идей // Грузинформ. 2012. Апр.

изменится характер нынешней неконкурентной и однополярной ситуации.

Возможное вступление Грузии в НАТО или приближение к статусу члена может очень серьезно осложнить ситуацию не только на Кавказе, но и на всем постсоветском пространстве. Ясно, что это является четкой «красной линией» для России, а также для Ирана, который опасается начала военных действий против себя. На данный момент Грузия не удовлетворяет критериям, сформулированным для членов НАТО, и в первую очередь из-за характера политической системы. Во всяком случае с американской стороны все больше признаков того, что они разочарованы нынешней политической конструкцией и ожидают от Грузии большего. С другой стороны, США сталкиваются со все большими вызовами в различных регионах мира, особенно на Ближнем Востоке и в купе с нерешенными экономическими проблемами Америки, это может удержать их от попыток ускорить «европеизацию» политической системы Грузии, чреватую неопределенностью.

Проведение нынешнего выборного цикла (2012—2013 гг.) может дать ответы на эти вопросы. В любом случае на сегодняшний день единственной фигурой, которая может потенциально создать некий противовес и независимый политический центр, конкурирующий с правящим режимом, является Б. Иванишвили. Заявления Б. Иванишвили и его политических партнеров пока что достаточно противоречивы и не позволяют четко решить, какую роль сыграет создаваемое им объединение в политической системе и как это отразится на внешней политике Грузии. Остальные политические силы на данный момент не представляют реальную альтернативу правящей партии. Таким образом, внутренние возможности трансформации политической системы Грузии в ближайшем будущем фактически зависят от «одного неизвестного» — Б. Иванишвили и его партии⁵⁹. Хотя теоретиче-

59 Векуа Г. Указ. соч.

ски остается и возможность того, что сам режим окажется под сильным внешним давлением и будет вынужден изменить свои нынешние подходы.

Б. Иванишвили, который в свое время начал строить свое состояние в России и до сих пор держит там часть активов, одновременно с иронией и обидой реагирует на слухи о том, что он — «проект Кремля»⁶⁰. Он выразил недоумение в связи с тем, что клеймо «проекта Кремля» используется только применительно к нему, напомнив, что ряд представителей политического истеблишмента также работали в России. Одновременно Б. Иванишвили считает, что политика Грузии в отношении России должна измениться. «Мы должны суметь быть дипломатичными и наладить отношения с той властью России, которую выберет народ этой страны», — отметил он⁶¹. В числе приоритетов внешней политики в программе партии Б. Иванишвили — углубление отношений с ЕС и США. Подтвердив курс на развитие связей с Западом, он обвинил М. Саакашвили в том, что именно его действия отдалили для страны перспективы вступления в НАТО.

В какой-то степени пророссийская риторика в вопросах внешней политики наблюдается у представителей политической организации «Народного собрания» Н. Бурджанадзе, а также у К. Кукавы. Если посмотреть на политическое движение Б. Иванишвили и «Нацдвижение», то обе эти силы демонстрируют прозападную ориентацию, они заявляют о необходимости интеграции Грузии в НАТО и в Евросоюз. С другой стороны, политической организации, которая открыто заявляла бы о необходимости сотрудничества с Россией, на данный момент просто нет. Разговор о необходимости решения политических проблем между двумя странами ведется, но конкретного плана и конкретных предложений пока не предлагается.

⁶⁰ Иванишвили планирует победу на выборах и импичмент для Саакашвили // <http://newsgeorgia.ru> — 01.11.2011.

⁶¹ Там же.

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН

После распада СССР страны Центрально-Азиатского региона столкнулись с необходимостью решения чрезвычайно сложной задачи построения государства в соответствии с собственными политическими традициями и политической культурой. Этот процесс развивался в условиях формирования новых государств-наций, роста этнического национализма, стремительного развития радикального политизированного ислама, «догоняющей» модернизации, обусловленной технологической и экономической отсталостью этих стран. Изъяны политического процесса, которые характерны для европейских ННГ, проявились в регионе еще более остро.

Различные политические и экономические шаги, которые сделали отдельные государства Центральной Азии с момента обретения независимости, привели к резким экономическим контрастам между ними. Казахстан и Узбекистан осуществляют заметно более амбициозные, чем остальные страны региона, экономические и политические реформы. Природные ресурсы, главным образом нефть и природный газ, Казахстана и Туркменистана резко контрастируют с бедностью Киргизии и Таджикистана, хотя они обладают уникальными природными богатствами в виде полезных ископаемых и запасов воды. Ситуацию усугубляют признаки укрепляющегося авторитаризма и политических репрессий, которые наблюдаются во всех странах. Социальное недовольство подогревается усиливающейся нищетой народа и увеличивающимся расслоением общества. А нестабильность на южных границах и угроза наркотизации и радикальной исламизации угрожают разрушить и без того слабую социальную инфраструктуру региона и подорвать власть государства⁶².

По сути, ни одному из государств Центральной Азии не удалось превратиться в полноценного регионального лидера.

62 Дадабаева З. Особенности развития политической системы в Центральной Азии. М.: ИЭ РАН. 2009. С. 9—10.

Сложившиеся в Центральной Азии политические системы представляют собой авторитарные формы правления. Для таких режимов характерен политический дуализм: с одной стороны, существуют формальные демократические институты — выборы, кажущиеся независимыми национальные законодательные и судебные органы, даже демократические конституции. С другой стороны, эта относительная свобода реализуется настолько, насколько она не препятствует монополии режима. Правящие партии в этих странах имеют несравнимо больший доступ к финансовым и административным ресурсам, чем другие партии. Допуск оппозиционных партий к выборам происходит под контролем государственных структур.

Очевидно, что в центральноазиатских республиках наблюдается стремление имитировать демократию, а не развивать ее. Власти этих стран осознают, что введение законодательных ограничений в электоральные правила ставит под угрозу получение помощи от развитых стран. Поэтому, чтобы избежать критики со стороны международного сообщества, они стараются формально соблюдать демократические процедуры. Однако шансы прихода во власть законным путем в рамках существующей системы для альтернативных политических движений фактически равны нулю.

Нельзя не отметить столь характерную для данного региона особенность, заключающуюся в превалировании региональной, племенной и клановой солидарности. Политическая система в Центральной Азии основана на комбинировании тенденций приверженности традиционной культуре власти и проведения политических реформ, продиктованных необходимостью модернизации экономики. Приоритет отдается сохранению власти, а не национальным интересам страны. При решении государственных задач учитываются узкие групповые интересы отдельных кланов.

Рычаги управления экономическими процессами находятся под влиянием отдельных элитных группировок, сформированных по регионально-клановому принципу, что при-

водит к преваляированию частных интересов над национальными, теневой политической сферы над публичной политикой. Все это создает нестабильность в обществе, способствует консервации неэффективных методов управления и тормозит административно-политические и экономические реформы.

Поскольку эффективных институтов, обеспечивающих мирную передачу власти, в рассматриваемых государствах не существует, у представителей опальных кланов нет легитимных политических способов осуществления их устремлений. Это означает, что элитам приходится использовать неправоновые методы, как это произошло в ноябре 2002 г. при попытке переворота в Туркменистане.

Тем временем изменения в глобальной политике свидетельствуют о неизбежности нового этапа трансформационных процессов в Центрально-Азиатском регионе. Из периферийного он превращается в район пересечения интересов крупных мировых держав, чьи интересы сталкиваются в вопросах доступа к энергетическим ресурсам и контроля над ними.

КИРГИЗИЯ

События, произошедшие в Киргизии на протяжении последних семи лет, свидетельствуют о наступлении второго этапа процессов посткоммунистической трансформации в Центральной Азии, поскольку они напрямую повлияли не только на изменения внутри страны, но и на корректировку внутри- и внешнеполитического курса в соседних странах. Вынужденная отставка президента Киргизии А. Акаева показала, что чаяния населения в азиатских и в европейских государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза, не так уж сильно отличаются друг от друга.

При всем различии национальных реалий «цветные революции» имеют общеродовые черты. Принципиально важно, что киргизский опыт показал необязательность наличия сильной организованной оппозиции, не говоря уже о популярных и эффективных лидерах. Как и в случае «революции роз» в Грузии, поводом для «революции тюльпанов»

в Киргизии стали нарушения в ходе парламентских выборов. Бедность, коррупция и опасения, что в течение последних месяцев своего пребывания в должности президент постарается не допустить конкурентов к борьбе за политическую власть в стране, побудили деятелей оппозиции и народные массы выйти на улицы.

Революция в Киргизии привела к власти представителей так называемых «южных кланов», которые традиционно, несмотря на жесткие действия А. Акаева, укрывали у себя представителей Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и были связаны с наркомафией. Это нисколько не отрицает главной причины восстания — невыносимых условий существования большинства населения, однако плоды народного восстания в исламских странах часто пожинаяют силы, связанные с радикальными исламистами.

Успех «революции тюльпанов», судя по всему, оказался неожиданным даже для некоторых участников этих событий. Между тем Киргизия как раз считалась страной, наиболее «готовой» к свержению действующего президента при поддержке народа.

Вынужденное бегство президента одной из стран Центральной Азии изменило политическую ситуацию во всем регионе. В свете революции в Киргизии стало очевидно, что факторы региональной, родовой и этнической лояльности оказывают все большее влияние на политические процессы. Однако наличие подобных форм лояльности привносит в политическую ситуацию неопределенность. Элиты в Центральной Азии — за исключением Таджикистана — вполне отдадут себе отчет в том, насколько опасны попытки мобилизации населения по этническим или субэтническим признакам, и на сегодняшний день нет оснований предполагать, что старшее поколение политиков или те, кто идет им на смену, захотят реализовывать свои планы, прибегнув к столь опасному способу.

С другой стороны, после революции радикальных изменений во внешней политике Киргизии и относительном балансе сил в Центральной Азии не произошло. Новые лидеры

страны по-прежнему хотели сохранить хорошие отношения с Россией, США и Китаем. Однако обстоятельства смены власти в Бишкеке, безусловно, повлияли и на отношение мировых держав к Киргизии, и на то, как стали складываться взаимоотношения в сфере безопасности региона в целом.

В России предпочли бы, чтобы А. Акаев остался на своем посту, и надеялись, что это поможет упрочить стабильность в Центральной Азии. Но как только Москва осознала, что ее поддержка А. Акаева способна дестабилизировать ситуацию, она предоставила киргизскому лидеру решать проблемы самостоятельно. Это позволило ей остаться в предельно хороших отношениях с теми, кто пришел на смену А. Акаеву. Кроме того, Россия дала понять: она является союзником — политическим и в сфере безопасности — государств Центральной Азии, а не защитником центральноазиатских лидеров. Для Киргизии Россия — важный экономический партнер, однако для России данное сотрудничество не столь приоритетно, как с Казахстаном или Туркменистаном, поскольку фактический объем торговли с Киргизией у России намного меньше, чем с указанными странами.

Революция усугубила взаимоотношения между Киргизией и Узбекистаном вследствие ухудшения ситуации в приграничных районах. Кроме того, насильственное изгнание одного центральноазиатского лидера заставило нервничать других президентов стран этого региона. «Революция тюльпанов» едва ли подстегнула политические реформы в регионе, скорее она спровоцировала проведение более репрессивной политики в отношении светских и религиозных оппозиционных группировок в соседних странах, обостряя тем самым политические риски в Центральной Азии. Это, в свою очередь, негативно сказывается и на отношениях этих государств с Китаем, заинтересованного в стабильности региона для развития транспортного коридора (как для энергоносителей, так и для торговли в целом), идущего через Центральную Азию в обход России⁶³.

63 Кынев А. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции» // <http://igpi.ru/info/people/kunev/1128082583.html>

По прошествии пяти лет с момента «тюльпановой революции» киргизское общество в полной мере продемонстрировало тотальное разочарование в ее результатах. Это объясняется тем, что, как и в случае других «цветных» революций, политическая система не претерпела фундаментальных изменений. К власти пришла другая клановая группировка, которая была озабочена в первую очередь переделом собственности, а не проведением демократических реформ. Сохраняющийся крайне низкий уровень жизни большинства населения, нежелание властей решать социальные и экономические проблемы республики, продолжающаяся борьба за власть между кланами севера и юга страны, раскол правящей элиты и нарастание авторитарных тенденций в период президентства К. Бакиева привели к новой революционной вспышке в апреле 2010 г.

В результате государственного переворота, произошедшего в Бишкеке в апреле 2010 г., узбекская диаспора Киргизии также увидела возможность использовать вакуум власти для удовлетворения своих давних требований: предоставления узбекскому языку статуса официального, получения пропорционального представительства узбекского населения страны в законодательных и административных органах республики, а возможно — и статуса автономии. Восприятие узбекскими общинами событий 2010 г. как некоего сигнала к усилению политической борьбы за свои права вылилось в кровавые столкновения между двумя этносами в Оше и Джалалабаде. При этом представители других народностей — русские, татары, корейцы, дунгане, казахи — не участвовали в конфликте, и становились жертвами только по случайности⁶⁴.

Позиция России в отношении конфликта в Оше разочаровала многих в Киргизии: власти страны надеялись на помощь крупных держав, поскольку полагали, что размещение на их территории двух военных баз дает им гарантии

64 Козюлин В. Ошский конфликт: драма с продолжением // http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2232_1.pdf

некой безопасности. Однако наличие иностранных баз не облегчило ситуацию с доставкой гуманитарной помощи, поскольку последовали заявления о том, что это противоречит их мандату. Бездействие США и России показало, что лояльность крупным державам не гарантирует их поддержку в трудные времена.

Узбекское меньшинство Киргизии разочаровано отсутствием иностранного содействия в прекращении конфликта. Визит Н. Бордюжи на Юг страны вызвал упреки: руководитель ОДКБ не посетил узбекских районов, не встретился с людьми, общался только с киргизским руководством, спецпредставителем ООН, сотрудниками ОДКБ.

Сочетание бурных политических событий и этнического конфликта на Юге превращает Киргизию в уязвимое государство, в значительной мере подверженное внутренним потрясениям. 30 октября 2011 г. в первом туре президентских выборов победу одержал А. Атамбаев, соратник Р. Отунбаевой по Социал-демократической партии. Тем не менее политическая система остается несбалансированной, поскольку разногласия между правительством и парламентом, а также между политическими партиями, представленными в парламенте республики, весьма ярко выражены, и на данный момент предпосылок для смягчения ситуации не наблюдается.

События последних лет в Киргизии наглядно продемонстрировали, что потенциал революционной активности на постсоветском пространстве не исчерпан, поскольку не были устранены причины народных волнений и не решены принципиальные задачи демократизации институтов власти, придания им открытости и прозрачности; достижения договоренности в вопросах разделения собственности между клановыми группировками; создания реально функционирующей системы разделения властей; модернизации системы управления; сокращения разрыва между бедными и богатыми слоями населения, а также между центром и периферией; приведения в действие социальных лифтов.

Проблемы формирования и внутренней, и внешней политики Киргизии возникали в последнее время из-за того, что в действиях президента и премьер-министра, направленных на управление государственными делами, просматривалась ситуация, когда они как бы находились в оппозиции друг к другу. Отсутствие у главы государства и премьер-министра единства подходов к решению вопросов внешней политики отчетливо проявилось в их очень хаотичных, порой дублирующих друг друга зарубежных поездках. Складывается впечатление, что в выборе посещаемых ими государств предпочтение получили страны, с которыми у каждого из них хорошо налажены отношения, связанные с собственными бизнес-интересами (Катар, Турция и т.д.).

По этой причине в парламенте Киргизии разгорелась бурная дискуссия о том, кто должен определять внешнюю политику государства. По мнению ряда депутатов, необходимо сделать ее прерогативой главы государства и реализовывать при помощи правительства, т.к. институт президентства более стабилен. «Внешняя политика страны должна быть стабильной и предсказуемой, поэтому правильнее будет, если ее будет определять президент. Работа правительства нестабильна, и если его состав будет постоянно меняться, то это может негативно отразиться на внешней политике, что недопустимо», — добавил он⁶⁵. Однако противники законопроекта настаивали на том, что если его инициаторы, таким образом, хотят передать выработку внешней политики главе государства, то надо менять Конституцию.

В конечном итоге парламент Киргизии одобрил законопроект, согласно которому определение внешней политики возлагается на президента страны. В третьем чтении депутаты поддержали законодательную инициативу К. Иманалиева. 4 июля 2012 г. А. Атамбаев подписал закон «О взаимодействии госорганов в сфере внешней политики», который

65 Звягинцев И. Политические партии Кыргызстана: деградация или развитие? // www.polit.kg —21.10. 2011.

делает его ответственным за внешнеполитические отношения Киргизии.

Как бы то ни было, архитектура внешней политики Киргизии не сильно видоизменилась за последние годы. В свое время она была сформулирована еще А. Акаевым, суть замысла которого заключалась в том, чтобы используя географическое положение Киргизии в самом центре Евразии, сбалансировать в нём интересы трёх держав — США, России и Китая. Таким образом, Киргизия вошла в ОДКБ, ШОС и одновременно предоставила России базу в Канте, а США — аэропорт Манас под базу Ганси⁶⁶. Действительно, пересечение различных интересов держав в Киргизии даёт возможности для политического торга. Однако минус этой архитектуры заключается в том, что Киргизия продемонстрировала свою непоследовательность во внешней политике, не сформулировав ее основных принципов.

Сейчас ситуация в Киргизии в большой степени зависит от границы Казахстана и Китая, поскольку основной капитал Киргизии генерируется за счёт реэкспорта товаров из Китая в Казахстан и Россию. Однако Киргизия также зависит от поставок нефтепродуктов из России и Казахстана. Провоз товаров через Узбекистан — колоссальный риск для киргизского малого и среднего бизнеса. Также у Киргизии много нерешённых проблем на границе с Узбекистаном и Таджикистаном, связанных с делимитацией и демаркацией границ.

Исходя из данной ситуации, перед руководством Киргизии встают две наиболее серьезные проблемы: 1) поиск способов удешевления грузоперевозок товаров как минимум по трём географическим направлениям; 2) снижение зависимости от российской нефти, что отражается на ее внешней политике.

⁶⁶ Карабаев Н. Внешняя политика Кыргызстана — это трехголовый змей, у которого перепутались головы // Фонд эффективного партнерства (Кыргызстан) // www.region.kg — 09.04.2012.

КАЗАХСТАН

Больше других похожа на политическую систему Киргизии политическая система в Казахстане: в обеих странах развиваются институты гражданского общества, элиты — политическая и экономическая — не вполне едины, а имя президента периодически «всплывает» в связи с темой коррупции. Но существуют и важные различия.

Казахстан — куда более богатая страна, чем Киргизия, с намного более мощной экономикой. Благодаря крупным запасам нефти и газа Казахстан привлекает значительно больший объем иностранных инвестиций, а также извлекает выгоду из высоких мировых цен на нефть. Поэтому бедность в Казахстане представляет намного меньшую проблему, чем в Киргизии, причем в Казахстане бедные люди по сравнению с Киргизией рассредоточены по огромной территории, отчего им гораздо труднее самоорганизовываться.

В стране существуют оппозиционные силы, и можно было бы предположить, что именно Казахстан станет следующим из государств Центральной Азии, где оппозиция попытается осуществить демократическую революцию. Но следует отметить, что казахская политическая элита пока еще не готова противопоставлять себя президенту страны.

Широкие полномочия, которыми обладает президент Н. Назарбаев, предоставляют ему большую свободу действий. Он утверждает, что является сторонником реальных, хотя и постепенных политических реформ, которые должны сопровождаться конкретными шагами по улучшению социальных и экономических условий жизни населения Казахстана.

Каково бы ни было влияние событий в Украине, Грузии или даже Киргизии на казахскую элиту, пока Н. Назарбаев остается у власти, демократические политические реформы в Казахстане без его участия вряд ли возможны. Это не означает, что у демократических реформ нет вообще никакой перспективы, однако наличие властных полномочий у Н. Назарбаева до 2013 г. заметно осложняет их осуществление.

Поскольку уровень жизни в стране продолжает повышаться, а влияние «семьи» президента (куда входят не только родственники, но и ближайшее окружение Н. Назарбаева) на экономику страны скорее уменьшается, нежели увеличивается, влиятельные члены элиты хотя и поддерживают идею политических реформ, тем не менее заинтересованы в том, чтобы переход к открытой политической системе происходил постепенно⁶⁷.

Большая часть элиты полагает, что нахождение у власти Н. Назарбаева, несмотря на все его недостатки, было и остается весьма положительным фактором развития страны, и что он сохранил независимость Казахстана в непростых условиях. Цель этих людей состоит не в том, чтобы мешать президенту или отстранить его от власти, а в том, чтобы после его ухода Казахстан оставался страной с открытой и конкурентной политической системой, выборным законодательным органом, по крайней мере, квазинезависимыми средствами массовой информации и системой политических партий либо какими-то другими эффективными средствами проникновения потенциальных членов элиты в политическую систему.

Элита, которая стремится к этому, постепенно становится все более многочисленной и эффективной. Ее ряды пополняются главным образом за счет представителей экономического сектора, а также за счет тех сотрудников государственного сектора и других профессиональных сфер, которые сумели удачно использовать возможности обучения за границей или в лучших учебных заведениях Казахстана, устроенных по западному образцу. Формирование этой элиты еще раз доказывает, что проведение рыночных реформ способствует развитию демократического общества, потому что люди, получившие экономическую власть, начинают стремиться к политической власти, хотя бы для того, чтобы иметь возможность защитить свою собственность.

⁶⁷ Олкотт М. Центральная Азия: перспективы смены власти // Pro et contra. 2005. Т. 9. № 1. С. 59.

Очевидно, что большинство политиков Казахстана осознают необходимость перемен. Однако в 2011 г. власть столкнулась с неведомыми прежде потрясениями: ростом исламистской активности, террористическими актами и событиями в Жанаозене, приведшими к многочисленным человеческим жертвам. Произошедшие события заставляют местную правящую элиту задуматься о необходимости серьезных экономических и, возможно, политических перемен.

Что касается политической оппозиции в Казахстане, то она формировалась параллельно с развитием многопартийной системы. Главными факторами её формирования стали дифференциация правящей элиты и локальные процессы политической маргинализации. То есть её инициация происходила в основном «сверху» и не являлась следствием организационно-политического оформления интересов крупных социальных групп в ходе борьбы масс за представленность их интересов на Олимпе власти⁶⁸.

Оппозиция во многом возникла благодаря активному вовлечению в политическую борьбу отдельных политических деятелей (зачастую бывших представителей правящей элиты), которые сначала организационно реализовали свои партийные проекты, а потом стали подстраивать свои идеологические платформы под конкретные интересы электората. Однако их неудачи на выборах объясняются тем, что они так и не смогли представить обществу конкретный образ альтернативного политического курса, который отражал бы интересы значимой части казахстанского электората.

Таким образом, следует констатировать, что институт оппозиции в Казахстане как факт существует, но находится в аморфном состоянии. И главная причина этого заключается в том, что оппозиционные политические субъекты слабо институционализированы в качестве устойчивых партийных организаций. Отсюда проистекает и идеологическая нераз-

68 Казахстанская политическая оппозиция: состояние и перспективы развития // www.zonakz.net/articles/35708, 2011.

бериха, отсутствие выверенной комплексной стратегии действий, четкой ориентации на электоральные ниши, безынициативность и неспособность актуализировать злободневные запросы общества.

Что касается развития внешнеполитических связей, то стоит отметить, что казахстанский капитал, несмотря на определенные риски, ищет сферы для размещения в менее развитых странах постсоветского пространства, испытывающих дефицит в инвестициях. При этом он пытается занять место в ведущих отраслях экономики. В последнее время казахстанские инвесторы осваивают внутренний рынок Грузии, остро нуждающейся в иностранных вложениях. Наибольший интерес казахстанский капитал проявляет к таким сферам экономики этой республики, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство и туризм. Расширение инвестиционного сотрудничества во многом способствует сближению двух стран.

УЗБЕКИСТАН

В отличие от Казахстана и Киргизии, избравших путь рыночных реформ, правительство Узбекистана упорно отказывается от приватизации и открытия своего рынка для иностранных конкурентов. Поэтому в Узбекистане не возник класс предпринимателей, способных четко сформулировать свои интересы и настаивать на большей прозрачности в реализации государством властных полномочий и политической ответственности. И мелким бизнесменам, и обычным узбекским гражданам трудно сконструировать свой протест в силу отсутствия в стране институтов гражданского общества.

В Узбекистане сложилась авторитарная политическая система. Но хотя власть президента и органов безопасности простирается до самых отдаленных районов страны, для ее успешного функционирования необходимо сотрудничество со стороны общества. А добиваться этого становится все труднее. Кроме того, Узбекистан не полностью защищен от воздействия сил глобализации.

В Узбекистане нет официально зарегистрированных оппозиционных партий, а преследуемые критики правительства загнаны властями в подполье. Все четыре партии, участвовавшие в парламентских выборах 2009 г., поддерживают нынешний режим. Государственная цензура официально отменена, однако правительство продолжает жестко контролировать СМИ. Журналистов и правозащитников, нарушающих неписанные законы, нередко избивают или подвергают аресту за «клеветническое изображение Узбекистана за границей»⁶⁹.

Жесткое подавление восстания в Андижане в мае 2005 г. силами правительственных войск, в ходе которого, по неофициальным оценкам, были убиты сотни демонстрантов и просто мирных жителей, находившихся рядом, практически лишило президента И. Каримова общественной поддержки. Андижанские события, которые сопровождались захватом тюрьмы и административных зданий, стали катализатором новых процессов как во внутренней, так и во внешней политике Ташкента. Осознав взрывоопасность обстановки, центральная власть предприняла меры для ослабления недовольства населения и некоторой демократизации внутренней жизни, а губернаторы всех областей республики получили приказ не доводить население до открытых массовых выступлений. В Фергане, например, рабочие нескольких предприятий не только стали вовремя получать заработную плату, но им возместили прежнюю задолженность. Появились президентские указы, ослабляющие давление контролирующих органов на предпринимателей.

Расследование, проведенное в республике после андижанских событий, вскрыло коррупцию практически во всех эшелонах власти. Результатом стали перестановки в министерствах и ведомствах. В начале ноября 2006 г. И. Каримов внес в парламент проект закона «Об усилении роли полити-

⁶⁹ Волосевич А. Узбекистан: Охота на журналистов продолжается // <http://www.fergananews.com/article.php?id=6693>

ческих партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны», а также проект закона о поправках в отдельные статьи конституции, в которых ограничивались права политической оппозиции.

Как бы то ни было, подавление режимом И. Каримова восстания в Андижане в стратегическом отношении не решило проблему, поскольку не устранены были причины восстания — массовая нищета и отчаяние населения. В этих условиях ужесточение репрессий лишь спровоцировало выступления против власти.

Последовавшее за андижанскими событиями ухудшение отношений с Западом, в частности с ЕС, который ввел санкции против Узбекистана (запрет на въезд высокопоставленных узбекских чиновников в страны Шенгена, вето на поставки Ташкенту оружия), временно подтолкнуло Ташкент к сближению с Россией. Отношения с Москвой были налажены в достаточно короткие сроки, о чем свидетельствует подписание договора с Газпромом о долгосрочных поставках узбекского газа. Тем не менее, вернувшись в стан своих партнеров по СНГ, Узбекистан ревниво оберегал право на особое мнение по многим вопросам, в частности, не принял предложение России участвовать в создании Таможенного союза на основе ЕврАзЭС. В 2008 г. страна и вовсе покинула данное сообщество, сочтя его неэффективным⁷⁰. Незадолго перед этим Узбекистан заблокировал подписание договора о зоне свободной торговли, категорически протестуя против отмены экспортных и импортных пошлин. В 2010 г. Узбекистан вновь порушил планы России, не подписав документ о создании Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ.

Начиная с 2009 г. стала очевидной перемена внешнеполитического курса во взаимоотношениях с Россией. Это

⁷⁰ Жмарев Г. Как дальше будут развиваться российско-узбекские отношения // <http://fincake.ru/blogs/hercy/posts/4467.html>

объясняется тем, что Евросоюз начал постепенно отменять санкции, введенные в отношении Узбекистана, сославшись на «прогресс в области прав человека»⁷¹. В том же году был принят план действий по укреплению двустороннего сотрудничества в сфере политики, безопасности, экономики и развития, а также обеспечения мира и стабильности в Афганистане. За последние годы президент Узбекистана И. Каримов провел несколько встреч с политиками из США и ЕС: в декабре 2010 г. с госсекретарем США Х. Клинтон, в январе 2011 г. — с главой Еврокомиссии Ж.М. Баррозу, комиссаром ЕС по энергетике Г. Эттингером и генсеком НАТО А.Ф. Расмуссенем⁷². Как следствие, Ташкент разрешил США перевозить по своей территории невоенные грузы. Одновременно с этим руководство страны выступило против планов размещения российских войск на юге Киргизии, а также отказалось участвовать в учениях коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ.

Кроме того, перед лицом внутренних и внешних угроз в Ташкенте осознали необходимость укрепления отношений с ближайшими соседями в Центральной Азии. В частности, следствием андижанских событий стало более тесное сотрудничество спецслужб Узбекистана с ведомствами соседних республик в борьбе с экстремистами.

В настоящее время в Узбекистане функционируют четыре политические партии и одно Экологическое движение, прошедшие регистрацию в Министерстве юстиции и имеющие парламентские фракции в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Это «Движение предпринимателей и деловых людей», Либерально-демократическая партия Узбекистана, Народно-демократическая партия Узбекистана, Национально-демократическая партия «Миллий тикланиш» (Национальное возрождение), Социал-демократическая партия «Адолат» (Справедливость).

71 Расов С. Санкции в обмен на лояльность // http://www.4cs.ru/materials/publications/wp-id_729/

72 НАТО и Узбекистан // <http://www.nato.bz/ru/uzbekistan.html>

Несмотря на видимую многопартийность, существующие партии представляют единую политическую силу, лояльную нынешней власти. Оппозиционные партии в Узбекистане отсутствуют или находятся в изгнании.

Летом 2012 г. Законодательная палата Олий Мажлиса приняла закон «Об утверждении Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан». Концепция была разработана под руководством Президента И. Каримова и внесена в парламент главой государства в порядке законодательной инициативы. В документе дана оценка трансформации современной системы международных отношений в контексте интересов Республики Узбекистан. Определены основные цели, принципы, задачи, а также приоритеты внешней политики государства. Раскрыты процесс формирования и механизмы реализации внешнеполитической деятельности Узбекистана.

С учетом складывающейся ситуации в мире и регионе, а также в соответствии с принципиальной позицией Республики Узбекистан по актуальным вопросам международного и регионального развития в Концепции сформулированы следующие основные положения:

1) Республика Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности, приоритетными направлениями модернизации страны, действующим национальным законодательством и принятыми международными обязательствами;

2) Узбекистан проводит миролюбивую политику и не принимает участие в военно-политических блоках, оставляет за собой право выхода из любого межгосударственного образования в случае его трансформации в военно-политический блок;

3) Республика Узбекистан принимает политические, экономические и иные меры по предотвращению своего

вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах, а также не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов.

Как подчеркнули представители фракции партии «Адолат», особое внимание в концепции отводится приверженности Узбекистана таким основополагающим принципам международного права, как равноправие и взаимная выгода, уважение суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности границ и невмешательства во внутренние дела других государств, мирное урегулирование споров, а также неприменение силы или угрозы силой⁷³.

Депутаты от фракции НДПУ подчеркнули, что главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана в концепции определен регион Центральной Азии, с которым связаны его жизненно важные интересы⁷⁴. В документе четко изложена позиция Республики Узбекистан о том, что проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил.

Как подчеркнули члены фракции партии «Миллий тикла ниш», одной из внешнеполитических задач Узбекистана на современном этапе, как это предусмотрено в концепции, является содействие достижению мира и стабильности в Афганистане. В документе отмечается, что Узбекистан проводит традиционно добрососедскую и дружественную политику в отношении Афганистана, учитывая исторический опыт и твердую приверженность долгосрочной стабильности и миру в этой стране. Республика Узбекистан выступает за соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела Афганистана и будет строить отношения с ним на двусторонней основе, с учетом национальных интересов обеих

73 Узбекистан не будет участвовать в военно-политических блоках // <http://www.gazeta.uz/2012/08/04/concept/>

74 Там же.

стран и исходя из общепринятых норм международного права, уважая выбор, который сделает афганский народ.

По словам депутатов от «Экологического движения», в концепции особое внимание обращается на нерешенные жизненно важные проблемы рационального использования трансграничных рек из-за отсутствия единых позиций стран Центральной Азии по этому вопросу и игнорирования отдельными государствами норм международного права, регулирующих межгосударственные отношения в области совместного водопользования⁷⁵. Узбекистан, отмечено в концепции, выступает за решение всех экологических проблем региона на основе взаимного учета интересов, конструктивного диалога и международного права.

Документ создает правовую базу для участия или не участия в интеграционных проектах, таких как Таможенный Союз, ОДКБ, СНГ и даже ШОС. Подчеркивается авторитет только одной межгосударственной организации — ООН.

Документ четко устанавливает, что Узбекистан не будет участвовать в миротворческих операциях за рубежом. Видимо, Ташкент хочет застраховать себя от обязательств в случаях, подобных тем, которые имели место в Оше и Джалалабаде соседней Киргизии в июне 2010 г. Утверждается, что экологическая безопасность и справедливое распределение водных ресурсов в регионе является базальтернативным условием региональной безопасности. Этим моментом власти Узбекистана обогащают правовую базу для оказания давления на Таджикистан.

Принятие внешнеполитической Концепции совпало с началом охлаждения взаимоотношений Узбекистана с Россией. Пункт о недопустимости размещения военных баз и объектов иностранных государств адресован трем глобальным акторам в Центрально-Азиатском регионе — России, Китаю и США. Что же касается базы Германии в Термезе, то для властей Узбекистана это не создает какие-либо политические

75 Там же.

напряженности с точки зрения законодательства. Поэтому, скорее всего, она будет квалифицирована как «перевалочный пункт», не подпадающий под понятие «военная»⁷⁶.

Концепция оформляет традиционные линии поведения официального Ташкента. В последние годы во внешней политике Узбекистан чувствует себя очень усталым, его инициативы не воспринимаются, региональные и глобальные игроки смотрят на власти с недоверием⁷⁷. Концепция декларирует, что Узбекистан более не склонен к резким геополитическим переориентациям. Вместе с тем документ отражает лишь текущие настроения в коридорах власти. Не исключено, правда, что нынешняя внешнеполитическая линия не продержится долго. Власть находится в конфликте с обществом, относится с осторожностью и страхом ко всему окружающему миру.

Постоянным очагом напряженности является Ферганская долина, поделенная между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией. Она населена представителями разных национальностей, конфликты между которыми приобретают особую остроту из-за нищеты и скученности населения. Здесь традиционно сильны исламские традиции, а жители долины отличаются оппозиционностью к любой власти. Противостояние юга, а фактически — Ферганской долины, и действующей власти характерно как для Киргизии и Таджикистана, так и для Узбекистана.

Конечно, узбекское правительство весьма обеспокоено тем, что политические изменения в Киргизии ведут к распространению влияния «Хизб ут-Тахрир» в Узбекистане. Члены «Хизб ут-Тахрир» постоянно пересекают государственные границы с Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией, перевозят в Узбекистан материалы, напечатанные в соседних государствах.

76 Караваяв А. Особенности узбекской многовекторности // Голос Республики. .2012. № 26 (248). 20 июля.

77 Парламент Узбекистана утвердил концепцию внешней политики // www.mir24.tv — 31.07.2012.

Формально политическая элита Центральной Азии, конечно, не выступает против ислама, но она с большой настороженностью относится к активизации сторонников возрождения ислама и исламских фундаменталистов, которые ратуют за то, чтобы учение Корана легло в основу законов и норм современной жизни. Здешние элиты хотят сохранить светский характер их государств и не допустить, чтобы правоверные мусульмане принуждали единоверцев к публичному соблюдению религиозных обрядов (что понемногу уже становится привычным делом во всей Центральной Азии).

Очень важный фактор политической жизни в Узбекистане — регионализм и сохраняющаяся власть региональных элит: это еще одна причина, по которой Ташкент отказывается от полноценных политических и экономических реформ. Отсутствие формальных политических институтов, которые могли бы смягчить соперничество элит, усугубляет политическую неустойчивость. Оставшиеся не у дел политические группы, стремящиеся усилить свое влияние, апеллируют к региональным и родовым группам и этническим меньшинствам с целью расширения потенциальной базы поддержки. По той же причине может заметно возрасти роль оппозиционных религиозных групп, особенно тех, которые занимают менее радикальную позицию.

ТАДЖИКИСТАН

Экономика этой страны была слабой и в советскую эпоху, а позже она серьезно пострадала в результате семилетней гражданской войны. Следствием войны, в частности, стало то, что в отличие от соседних стран Центральной Азии в Таджикистане большинство граждан не поддерживают политически рискованные инициативы.

Таджикистан представляет собой уникальный пример постконфликтного общества в Центральной Азии, где сильная президентская власть зиждется на победе, одержанной в гражданской войне. И хотя из этой войны Таджикистан вышел, сохранив территориальную целостность, структура

политической и экономической власти в стране существенно изменилась. Власть перешла от Худжанда к Кулябу (географические названия) и от старшего поколения, привычного к комфортабельной жизни высших слоев советской элиты, к более молодому поколению, на себе испытавшему тяготы сельского труда и войны.

Э. Рахмон сумел сконцентрировать власть в своих руках и ограничил свободу действий оппозиционных политических группировок. Чувство облегчения, возникшее у таджиков после окончания долгой гражданской войны, способствует сохранению политической апатии в обществе, что сводит на нет усилия оппозиции. Страх перед новой гражданской войной оказывается сильнее, чем недовольство властью предержащими, о чем свидетельствуют результаты президентских и парламентских выборов.

Несмотря на произошедшие за 18 лет правления Э. Рахмона обнищание населения и усиление проявлений вседозволенности чиновников на местах, разделивших государство на передаваемые по наследству районы, на президентских выборах в ноябре 2006 г. он одержал победу над соперниками, набрав 79% голосов. Срок его полномочий заканчивается в 2013 г.⁷⁸ Объясняется это тем, что накануне выборов президенту удалось обеспечить относительную стабильность в стране, ускорить темпы развития экономики, заключить стратегически важные торгово-экономические и военно-политические соглашения с Россией, КНР, Ираном, США и другими западными странами, имеющими реальные рычаги влияния на ситуацию в Таджикистане.

По окончании военной кампании в Афганистане значение Таджикистана для политиков США существенно возросло. К тому времени, когда Вашингтон стал добиваться более решительных действий в отношении производителей опиума

78 Георгиев В. Президентские выборы в Таджикистане состоялись. Наблюдатели оценивают их по-разному // [http:// www.fergananews.com/article.php?id=4697](http://www.fergananews.com/article.php?id=4697)

и героина в Афганистане, оказалось, что транзит наркотиков через Таджикистан налажен еще лучше, чем раньше.

Очевидно, что правительство Э. Рахмона будет стараться по-прежнему не развивать демократию, а имитировать ее. Как и в Киргизии, в Таджикистане действует множество неправительственных организаций, поддерживаемых международным сообществом, и этот сектор в совокупности является вторым или третьим по количеству рабочих мест. Э. Рахмон и члены его команды понимают, что введение строгих ограничений на деятельность НПО попросту усугубит экономические проблемы страны и, несомненно, вызовет международный протест, что поставит под угрозу значительную иностранную помощь, которую получает Таджикистан. Это не означает, что Э. Рахмон всесилен, но его власть в большей мере ограничена нелегальными или неформальными политическими структурами Таджикистана, нежели официальными институтами.

Основная проблема для Э. Рахмона — сохранение баланса сил между региональными кланами. Общий уровень напряженности в стране снижается за счет синдрома «усталости от войны», а также одобряемой властями трудовой миграции из Таджикистана в Россию (до 1 млн человек в год), которая сокращает социальную базу оппозиции. Реальную конкуренцию власти в отдаленном будущем могут составить молодые, перспективные, амбициозные выпускники престижных зарубежных вузов. По мнению наблюдателей, именно молодые члены правящей партии НДПТ со временем вступят в борьбу за высокие правительственные посты и депутатские мандаты в парламенте⁷⁹.

Политическая ситуация в Таджикистане на фоне катастрофического состояния дел в экономике и социальной сфере остается чрезвычайно сложной. Стабильность в стране, равно как и позиции таджикского руководства выглядят хрупкими, а перспективы дальнейшего развития ситуации —

79 Дадабаева З. Указ. соч. С. 24.

неясными и весьма тревожными. Состояние экономического коллапса, из которого Таджикистан за 20 лет независимости не смог выбраться, разрушенная социальная сфера, фактически «прозрачная» для транзита наркотиков таджикско-афганская граница, бедственное положение населения, рост протестных настроений в обществе, усиливающаяся напряженность внутри правящей элиты, опасность террористических угроз извне — вот далеко не полный перечень сложных вопросов современного Таджикистана.

Правящий режим оказывает все более возрастающее давление на оппозицию, в особенности на ПИВТ. С одной стороны, Э. Рахмон пытается расколоть оппозицию, заигрывая с теми или иными ее деятелями. С другой стороны, проводится политика откровенного прессинга на оппозицию: оказывается мощное морально-психологическое давление на активистов оппозиционных партий, в интернете блокируются их сайты.

В итоге политика Э. Рахмона, направленная на абсолютную узурпацию власти, присвоение экономических активов и подавление оппозиции, вызывает все больший рост недовольства и напряженности в таджикском обществе, особенно в тех этнических подгруппах (кланах), которые оказались отодвинутыми от власти и собственности, считают себя «обиженными и обделенными».

Однако следует отметить, что потенциал таджикской оппозиции сегодня очень незначительный, так как она не представляет сплоченную и организованную силу. Оппозиция в республике фактически существует лишь формально. Такие партии, как КПТ, СДПТ и ДПТ и тем более АП и ПЭР, не имеют сколько-нибудь серьезного веса и влияния. Из всех оппозиционных таджикских партий только ПИВТ представляет собой более-менее реальную силу и имеет определенное, хотя пока недостаточно сильное влияние на таджикское общество.

Обращение президента Э. Рахмона к России с призывом к уважению партнерских отношений с Таджикистаном

можно расценивать в качестве следующего хода в многопозиционной внешнеполитической игре президента, фактически находящегося под протекцией США. Предстоящий вывод войск американских союзников из Афганистана может резко видоизменить региональную ситуацию, как это происходит на Ближнем Востоке с ослаблением военного присутствия США в Ираке.

Речь идет, прежде всего, о радикализации общественных настроений (а здесь идеологическая база ПИВТ может стать главным полюсом притяжения протестного потенциала) и активизации трансграничных проблем и угроз. Такая вероятность тем более велика, что американцы и их союзники по НАТО будут покидать Афганистан преимущественно через страны Центральной Азии, посулив местным режимам избытки вывозимого вооружения.

Президент Таджикистана, с одной стороны, призывает учитывать активное членство своей страны в союзном с Россией оборонном блоке ОДКБ, а с другой — планомерно сокращает российское участие в решении наиболее сложной и оперативной проблемы: охраны внешней границы, единого с Россией пространства безопасности на афганском рубеже. При этом таджикская сторона пытается внушить, что сама справляется с этой сложнейшей задачей, хотя факты говорят о противоположной ситуации.

Отсутствие логики в действиях Э. Рахмонова в российском направлении можно объяснить лишь одним — наличием другой логики в его отношениях с другими центрами силы, активно работающими в среднеазиатском регионе. Чем завершится для таджикского президента данное маневрирование, покажет время.

ТУРКМЕНИСТАН

Наиболее близкой к тоталитарной выглядит политическая система Туркменистана. Вплоть до 2006 г. она, по сути, представляла собой «театр одного актера». Поведение С. Ниязова заставляло задуматься о том, как международное

сообщество должно относиться к правителю тоталитарного типа, у которого нет глобальных амбиций. Ведь, соглашаясь признать законность власти С. Ниязова и оказывая ему некоторое минимальное уважение как лидеру суверенного государства, международное сообщество фактически становилось тем самым соучастником культа Туркменбаши.

Как бы то ни было, Вашингтон последовательно отстаивал свое решение налаживать сотрудничество с Туркменистаном в сфере безопасности, несмотря на вопиющие нарушения прав человека в этой стране, потому что туркменский лидер разрешил провозить через территорию Туркменистана в соседний Афганистан большие партии гуманитарной помощи. Россия «закрывала глаза» на выходы Туркменбаши из-за важности для нее поставок туркменского газа, который используется в самой России по ценам ниже рыночных, в то время как собственный газ она может выгодно продавать на рынках Европы.

С. Ниязов, по сравнению с другими руководителями стран СНГ, крайне редко участвовал в совместных мероприятиях. Существует мнение, что Туркменбаши крайне раздражала критика в адрес Туркменистана, чаще всего исходившая от руководителей соседей — Казахстана и Узбекистана. Именно это послужило причиной провозглашения Туркменистаном нейтралитета и отказа от вступления в ОДКБ. В 2005 г. Туркменбаши объявил об изменении статуса Туркменистана в СНГ до уровня ассоциированного членства⁸⁰.

После смерти Туркменбаши 21 декабря 2006 г. в стране активизировалась борьба за власть и за распределение «газо-долларов» между опытными аппаратчиками и силовиками. Гражданские бюрократы-ниязовцы и руководители силовых структур играли большую роль в политической жизни Туркменистана, поэтому влияние стиля предшественника на

⁸⁰ Казанцев А. Туркменбаши: итоги правления // <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=6534&issue=184>

политические процессы и на «газовую дипломатию» велико и при нынешнем президенте.

На состоявшихся в феврале 2007 г. первых в независимом Туркменистане альтернативных президентских выборах К. Бердымухамедов получил почти 90 %-ную поддержку народа. Очевидно, что подобный рейтинг не соответствовал реальным настроениям избирателей и расстановке политических сил в республике.

В настоящее время на ключевых постах наблюдается все больше родственников Г. Бердымухамедова или людей из его окружения, которые назначаются на полгода, потом критикуются и отправляются в отставку, то есть стиль руководства и кадровая политика не изменились. Ротация высокопоставленных чиновников положительных результатов не дает еще и потому, что кадровый потенциал ограничен, чиновники не имеют соответствующей квалификации, навыков современных методов управления производством⁸¹.

По оценке некоторых зарубежных аналитиков, туркменское общество глубоко разочаровано Г. Бердымухамедовым, хотя речь не идет о публичном протесте. «Новый президент стремился к режиму личной власти, отсюда и жесткое преследование политических оппонентов. Практически вся оппозиция изгнана из страны»⁸², — отмечает германский аналитик М. Лабуш. Как говорится в докладе Human Rights Watch, в Туркменистане уже зафиксированы новые случаи уголовного преследования по политическим мотивам, продолжаются и широко практиковавшиеся ранее аппаратные чистки. Вместе с тем в правлении нового президента отмечаются и некоторые признаки оттепели, связанные с развенчанием культа личности С. Ниязова, началом конституционных реформ, развитием контактов с международными межправительственными организациями и новым бизнес-сообществом. Однако все это не меняет общей оценки Туркменистана как «одного

81 Волков В. Интервью «Евразийскому дому» // http://erkin.net/engine/print.php?newsid=223&news_page=1

82 Лабуш М. Интервью // <http://www.voanews.com/russian/2008-11-21-voa14.cfm>

из самых репрессивных и авторитарных государств мира», а его политической практики как «вызывающего поспориения европейских ценностей»⁸³.

Во внешней политике сохраняется ниязовский стиль лавирования между Россией и Западом. Во всех заявлениях Г. Бердымухамедов провозглашает курс на реализацию идей неприсоединения и нейтрального статуса, что означает продолжение политики Туркменбаши на развитие межгосударственных отношений в двустороннем формате. Тем не менее для соседей богатого газом Туркменистана отчасти выгоднее продолжение политики С. Ниязова, нежели стремительная демократизация и либерализация.

Новому руководству республики приходится сталкиваться с довольно сильным давлением со стороны деловых кругов Европы и Китая, которые, пользуясь наметившимися тенденциями к выводу страны из прежней добровольной международной изоляции, добиваются прямых поставок туркменского газа в обход России. Европейский парламент считает возможным заключить торговое соглашение с Туркменистаном только при условии соблюдения прав человека, которые, в частности, включают освобождение всех узников совести и политзаключенных, доступ в республику независимых НПО и возможности мониторинга со стороны ООН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые независимые государства приступили к преобразованиям примерно в одно и то же время, что и бывшие социалистические страны Восточной Европы. Однако их политический облик принципиально отличается от восточноевропейских государств. Если бывшим социалистическим странам Восточной Европы удалось создать устойчивые демократические режимы с действенной системой сдержек и противовесов и реальной многопартийностью, избежать авторитаризма, то большинство стран постсоветского про-

83 Справка о ситуации в Туркменистане // <http://www.hrw.org/ru/news/2008/09/03>

странства еще очень далеки от этого. Разница в результатах двадцатилетних усилий в трансформационных процессах заключается в том, что странам бывшей Восточной Европы не пришлось строить свою государственность с нуля, создавать институты власти. Сохранился опыт и традиции деятельности в них демократических институтов и партий. Кроме того, восточноевропейские общества продемонстрировали высокую степень консолидации широких слоев населения в вопросах перехода к рыночной экономике и демократическим моделям западного типа.

В восточноевропейских странах успешно функционируют многочисленные институты, восприняты атрибуты власти и ценностные направления, свойственные западноевропейской капиталистической системе. В этом смысле, несмотря на все кризисы, две системы оказались в конечном счете совместимыми. Подобное понимание позволяет рассматривать в качестве критерия успешной трансформации «европеизацию» Восточной Европы, то есть переход в пространство политической географии ЕС. Подготовка к вступлению в ЕС и НАТО, возможно, послужила главной причиной успешности происходивших в этих странах трансформационных процессов, поскольку она потребовала соответствия европейским демократическим стандартам. ЕС и НАТО выступили в роли мощной политической силы, заставившей политический истеблишмент указанных стран проводить преобразования, позволяющие им вписаться в политический ландшафт современной Европы. Даже балканские страны, в которых зачастую отсутствовали традиции демократии (в первую очередь речь идет о государствах бывшей Югославии), должны были подчиниться этим требованиям и вступить на путь демократических преобразований на базе соответствия Копенгагенским критериям.

Страны постсоветского пространства оказались представленными самим себе и пошли по накатанному пути традиционализма. Поэтому результаты реформ совершенно иные, и говорить о завершении в них периода транзита не

приходится. За истекшие после распада СССР 20 лет большинство ННГ не решили тех многочисленных социально-экономические задач, которые отягощали советские республики и обусловили гибель Советского Союза. За указанный период в них не была создана дееспособная и устойчивая модель хозяйственного и экономического развития, способная адекватно реагировать на вызовы глобализации. Все они постепенно встроились в систему мирового разделения труда как поставщики сырья, энергоресурсов, в лучшем случае полуфабрикатов, что сделало их крайне чувствительными к колебаниям конъюнктуры мирового рынка. Многие из них так и не вышли на показатели потребления на душу населения, существовавшие в Советском Союзе. Ощущение бесперспективности и отчаяния, которые охватывают большие слои населения постсоветских стран, с одной стороны, ведут к политической пассивности, сосредоточенности на внутренних проблемах, а, с другой стороны, создают мощный социальный заряд разрушительной силы, способный привести к выходящим из-под контроля массовым стихийным волнениям.

Второй этап посткоммунистической трансформации в ННГ характеризовался ростом недовольства правящими режимами среди широких слоев населения, однако наиболее активными акторами протестного движения оказались недовольные представители самих элит. Вследствие отсутствия традиций и опыта осуществления обратной связи, а также контроля за действиями власти со стороны институтов гражданского общества в тех странах, где произошли «цветные революции», политические системы не претерпели принципиальных изменений. В результате к власти пришли другие группировки кланового типа, озабоченные, в первую очередь, переделом собственности, а не проведением демократических реформ.

В Грузии правительству М. Саакашвили удалось добиться определенных успехов в борьбе с коррупцией, однако пути осуществления антикоррупционных акций зачастую носили репрессивный характер и осуществлялись в виде экспро-

приации. Несмотря на достижения в экономической области, Грузии так и не удалось преодолеть разрывы в доходах населения — одну из ключевых проблем, столь характерную для постсоветских государств. Что касается Украины, то несбалансированность политической системы, а также поспешность проведения реформ новым руководством страны привела к очередному политическому кризису, в результате которого «оранжевые силы» потерпели поражение. В результате мы наблюдаем дрейф в сторону авторитаризма власти и сворачивания достижений демократии, в то время как программа реформирования политических и экономических институтов далека от логического завершения. Наконец, опыт Киргизии наглядно продемонстрировал, что, несмотря на смену правящего режима, борьба за власть между клановыми группировками продолжилась, раскол правящей элиты привел к новой революционной вспышке.

В странах постсоветского пространства, где в течение рассматриваемого периода также наблюдался рост недовольства действующими политическими режимами (Белоруссия в декабре 2010 г.; Армения в марте 2008 г.; Узбекистан в мае 2005 г.), «цветных революций» удалось избежать путем жесткого подавления оппозиции, разгона демонстраций и преследования политических оппонентов. В отсутствии конструктивного диалога с обществом, направленного на решение социальных и экономических проблем, подобные действия элит помогают им удержаться у власти лишь в краткосрочной перспективе, поскольку они не ликвидируют причины возникновения революционной активности. Исключение в данном контексте представляет лишь Молдавия, где в 2009 г. также осуществлялось силовое подавление протестов, но оно достаточно быстро прекратилось. В результате в стране осуществился легитимный переход власти от одной политической силы к другой, что позволило исключить революционный сценарий. Существуют также примеры авторитарных и полуавторитарных режимов на постсоветском пространстве, где оппозиция достаточно слаба для того, чтобы открыто противостоять

действующей власти (Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан) и основные политические противоречия выявляются внутри правящей элиты (между представителями разных ее поколений). Однако это обстоятельство не снимает с повестки дня проблему роста недовольства населения социально-экономическими реалиями, а стало быть, не гарантирует власть имущих от возможности канализации данного недовольства в русло политического протеста и делает общую ситуацию нестабильной и непредсказуемой.

Общим итогом второго этапа посткоммунистической трансформации (охватившего первое десятилетие XXI в.) для указанных стран становится то, что потенциал революционной активности не исчерпан, причем даже в тех странах, где уже состоялись «цветные революции» (примером тому является Киргизия), поскольку не решены были принципиальные для данного этапа задачи: демократизации институтов власти; модернизации системы управления; сокращения разрыва между богатыми и бедными слоями населения, благодаря которому возможно достижение солидарности относительно базовых ценностей; приведения в действие социальных лифтов; выстраивания социально-экономического баланса между центром и периферией; достижения договоренностей в вопросах разделения собственности. Пожалуй, главной причиной провала в решении упомянутых задач стала невозможность осуществления реального разделения ветвей власти в большинстве постсоветских стран. Сращивание политических, административных и бизнес-элит в один класс, обусловленное их желанием совместными усилиями удержать приобретенную за годы постсоветской трансформации собственность, существенно осложняет достижение данной цели, поскольку реально работающая система разделения властей неминуемо повлечет за собой потерю монополии на основные средства производства в ННГ. В таких условиях надежд на серьезный демократический прорыв в обозримой перспективе остается все меньше, в особенности в тех странах, где сохранилась система «патронального президентства». Для этих стран

характерными явлениями за последние 10—15 лет стали «зачистка» информационного поля, возбуждение уголовных дел в отношении политических оппонентов, отъем имущества и запугивание представителей оппозиции и НПО.

Тем не менее второе десятилетие XXI в. ознаменовало начало третьего периода посткоммунистической трансформации, поскольку наблюдается качественное изменение некоторых параметров существующих на постсоветском пространстве общественно-политических систем. В первую очередь это связано со становлением информационного общества, усилением влияния процессов глобализации в исследуемом регионе, а также с развитием среднего класса. Новые технологии и возможности обусловили усиление консолидации различных общественных слоев в зависимости от их интересов, в первую очередь в социальных сетях в интернете, что само по себе уже становится неотъемлемой частью общественно-политических реалий (достаточно обратиться к событиям, происходившим в России с декабря 2011 г., когда основным средством мобилизации общества для выхода на демонстрации протеста стали социальные сети). Упрощение получения доступа к информации порождает все большее недоверие к ангажированным проправительственным СМИ, а стало быть, и к самой власти во всех постсоветских республиках, даже в тех, где происходит блокировка доступа к тем или иным ресурсам (как, например, в Узбекистане). Наступление нового этапа трансформации связано также с приходом нового поколения в различные сферы общественной жизни, для которого мобильность передвижения и скорость получения информации становятся чуть ли не главными ценностями, а, следовательно, востребуется прозрачность системы международных отношений в целом.

Очевидным итогом указанных периодов посткоммунистической трансформации становится тот факт, что роль политических партий в формировании внешней политики большинства постсоветских государств весьма несущественна. Разумеется, речь не идет о странах Балтии, вступивших на путь современного европейского парламентаризма. Что каса-

ется Украины, Молдавии, Киргизии, Армении и Грузии, то идеология политических партий этих стран зачастую остается размытой, их концепции внешней политики представляются неясными, а стало быть, несмотря на наличие дискуссий в парламентах, трудно говорить о реальной конкуренции идей в данной сфере. По большому счету, партии используют те или иные лозунги во внешнеполитическом дискурсе исключительно в качестве предвыборной бутафории. Подобный политический популизм препятствует формированию реальных векторов развития международной деятельности указанных стран. Что же касается остальных республик бывшего СССР, то речь не идет даже о наличии в них реальной парламентской конкуренции, а стало быть, и конкуренции в сфере внешнеполитических проектов.

За 20 с небольшим лет независимости все страны постсоветского пространства привыкли к существованию на международной арене в режиме «качелей», балансируя между интересами крупнейших акторов мировой политики (США, ЕС, России, Китая) в данном регионе. Подобная практика выстраивания международных отношений привела, в конечном итоге, к невозможности следования четко разработанной стратегии, в которой были бы четко определены цели и задачи внешнеполитического курса и соответственно механизмы их достижения. Это объясняется тем фактом, что в большинстве постсоветских республик большинство мест в парламентах имеют представители проправительственных партий, единственной целью которых является обслуживание действующей власти, стремящейся удержать рычаги управления страной любыми методами.

Что касается наиболее радикальных представителей политического спектра постсоветского пространства, то «левый» фланг в большинстве указанных стран представлен коммунистическими партиями, образовавшимися на базе бывших региональных отделений КПСС. Их риторика и политические технологии мало соответствуют реалиям XXI в., хотя теоретически именно левая, социалистическая идеология, происходя-

щая из опыта сосуществования в рамках Советского союза, призвана обеспечить платформу для консолидации фрагментированного постсоветского пространства. Однако во многих странах компартии успешно институционализированы в рамках имитирующих демократию и плюрализм парламентских систем и этим объясняется их нежелание модернизироваться и выступать со сколь либо масштабными проектами. Что же касается социалистических и социал-демократических партий, то их позиции в постсоветских странах пока еще весьма слабы, как правило, они не пользуются широкой поддержкой населения. В то же время большую опасность для любых интеграционных проектов на территории бывшего СССР представляют «ультраправые» партии и движения. Скатывание в националистическую идеологию, а в случае с Азербайджаном и странами Центральной Азии, в радикальный исламизм будет только препятствовать попыткам дефрагментации постсоветского пространства.

Очевидно, что как социалистическим, так и либеральным партиям необходимо обновление идеологической и имиджевой составляющих. В том случае, если вместо имитации политической деятельности будут сформулированы четкие программы, отвечающие социально-экономическим интересам широких слоев населения, и, главным образом, зарождающегося в этих странах среднего класса, возможен спрос на их развитие со стороны той части элит, которая осознает необходимость реформ. Только при этом условии можно будет говорить о реализации современных интеграционных проектов, поскольку она напрямую зависит от принятия соответствующих законопроектов национальными парламентами, а в условиях постоянного балансирования между интересами крупнейших игроков мировой политики это не представляется возможным.

На данный момент отсутствие в большинстве постсоветских стран развитой партийной системы, которая позволяла бы ввести протест в русло политической борьбы за власть с помощью механизма парламентской демократии дополня-

ется неоформленностью гражданского общества. Процесс его формирования на постсоветском пространстве очевиден, хотя темпы эволюции в разных странах неодинаковы. Влиятельное гражданское общество — один из главных (если не самый главный) факторов демократизации, поэтому создание административных барьеров для деятельности различных общественных организаций, столь характерное для ННГ, во многом эти темпы снижает. Нежелание институционализации гражданских движений весьма опасно, поскольку способно спровоцировать радикализацию только зарождающегося в постсоветских странах среднего класса, изначально настроенного вполне лояльно, но тем не менее желающего иметь возможность отстаивать свои интересы в рамках закона.

Неправовые социальные отношения по-прежнему остаются движущей силой, социальной базой геолокальных, семейно-клановых и прочих компонентов социальной структуры. В условиях ничем не ограниченной конкуренции межклановые отношения периодически приобретают конфликтный, социально опасный характер острого противостояния. На этом фоне социальная дифференциация населения создает опасный потенциал внутривнутриполитического напряжения. Совпадение и даже сознательное отождествление границ социально-классовых различий и противоположностей с межклановыми, социально-территориальными различиями и привилегиями многократно умножают взрывоопасные социально-экономические и политические противоречия, различия в положении людей в зависимости от их принадлежности к тем или иным социально-территориальным сообществам. Такое положение неизбежно стимулирует возрастание социально-классового, межрегионального и политического противостояния в обществе.

В силу сказанного дальнейшее поступательное движение современных обществ и государств постсоветского пространства все острее ставит вопросы выработки новой, современной социальной стратегии, цель которой — преобразование социальной структуры общества, усиление в них общена-

циональных, интегрирующих начал, создание необходимых общественных предпосылок для комплексных реформ социальной и политической жизни.

В соответствии с этим должна формироваться реформаторская позиция «в верхах» и в социуме, прежде всего, в том пока только формирующемся слое общества, который принято считать средним классом. Ответственность за то, чтобы выработалась такая позиция, несет так называемый правящий политический класс. Если же он не соответствует статусу общенационального выразителя общественных потребностей страны, если его качественный состав и интеллектуальный потенциал не соответствует объективным потребностям эпохи реформаций и социально-политических преобразований, то на повестке дня — неотложное, основательное обновление этого класса.

От того, каким образом будет осуществляться данное обновление, напрямую зависит успешность решения не только социально-экономических проблем постсоветских государств на новом этапе трансформации, но и попыток преодоления дальнейшей фрагментации данного пространства путем осуществления проектов реинтеграции. Данное обстоятельство становится ключевым для понимания зависимости динамики внешнеполитических процессов от внутриполитической жизни указанных стран. Сценарий новых революций представляется возможным, однако его последствия могут крайне негативно сказаться как на стабильности региона в целом, так и на социальном климате внутри постсоветских стран. Гораздо менее болезненными представляются модели добровольной трансформации и обновления элит в случае, если они осознают необходимость построения диалога с обществом и приступят к осуществлению давно назревших реформ в социально-экономической сфере, что позволит им выйти на новый уровень развития в трансформационных процессах.

К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать несостоятельность СНГ как интеграционного объе-

динения. Несмотря на то, что исторических предпосылок для интеграции у стран СНГ было не меньше, чем в свое время у послевоенных Франции и ФРГ, непреодолимым барьером оказалась неспособность политических элит и их лидеров к преодолению разногласий и согласованию интересов во имя общей стратегической цели. Провал был предопределен унаследованной от прошлого политической культурой, в которой доминировали национальный эгоизм и сакрализация государственного суверенитета⁸⁴. Опыт преодоления этой культуры на примере европейской интеграции не был понят и воспринят ни в России, ни в других постсоветских странах.

Дефицит новой культуры межгосударственных отношений связан с опасением утраты суверенитета постсоветскими элитами, поскольку в их понимании этот процесс неминуемо повлечет потерю монополии на власть. Этим обстоятельством обусловлены как особенности двусторонних взаимоотношений между указанными государствами, так и общий внешнеполитический контекст балансирования между основными центрами мировой политики в зависимости от сиюминутных интересов и нежелания вкладывать усилия в развитие долгосрочных проектов. Обучение новой политической культуре — процесс длительный, поэтому ожидать быстрых качественных перемен в этих отношениях пока не приходится, хотя при условиях устойчивого хозяйственного роста и постепенной социально-политической стабилизации международное сотрудничество имеет благоприятные предпосылки.

Что касается интересов России как страны, позиционирующей себя в качестве инициатора проектов реинтеграции, то на данном этапе в ее интересах не конфронтация, а компромиссное и взаимовыгодное сотрудничество, в том числе и с новыми региональными силами, в выстраивании цельной системной политики путем финансирования различных проектов в постсоветских государствах.

84 Борко Ю. Россия и ее европейские партнеры в СНГ: драма отношений // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества, с. 67.

В среде постсоветских политических элит до сих пор не изжит ложный взгляд на региональную интеграцию, как на процесс, в котором государства участвуют в качестве целостных единиц. На деле же в интеграционных процессах участвуют не государства сами по себе, а люди, наделенные для этого полномочиями и ресурсами. Делегирование части национального суверенитета наднациональным органам не ослабляет национальные правительства, а, напротив, повышает свободу их действий перед лицом глобальных вызовов и транснациональных угроз, поскольку предоставляет им дополнительные механизмы и возможности политического контроля над ситуацией⁸⁵.

Ориентируясь на европейскую интеграционную модель многоуровневого управления, которая носит иерархический и сетевой характер (включая одновременно не только Комиссию и Парламент ЕС, но также множество ученых, экспертов, чиновников различных уровней, представителей общественных организаций и профсоюзов), РФ и центральные институты ЕС на межправительственном уровне получили бы дополнительные импульсы и возможности сотрудничества даже вопреки периодическому возникновению напряженности в их отношениях. В данном контексте трудно переоценить роль зарождающегося на постсоветском пространстве среднего класса, способного взять на себя инициативу в реализации данной модели управления.

Немаловажная особенность формирования среднего класса на постсоветском пространстве заключается в том, что оно происходит преимущественно в мегаполисах и больших индустриальных центрах, в то время как большая часть периферии остается на обочине описанных процессов. Данное расслоение служит еще одним фактором нестабильности, несбалансированности развития постсоветских обществ, а его преодоление в обозримой перспективе не представляется

85 Стрежнева М. Европейская политика соседства и стратегическое партнерство РФ—ЕС, охватывающее четыре пространства: попытка сравнения (с последующими рекомендациями) // Россия и объединяющаяся Европа: перспективы сотрудничества. С. 58.

возможным. Тем не менее именно средний класс, способный четко формулировать требования, предъявляемые власти, оказывает влияние на более низкие социальные страты, а также на представителей крупного бизнеса в контексте строительства институтов общественного контроля.

Безусловно, нельзя забывать о том, что различия экономических систем постсоветских государств отражают не только исторические традиции, но и разницу во взглядах элит на стратегию строительства национальных государств, их интеграцию в мировую экономику и политику. Традиции частной собственности в целом легче прививаются в странах, расположенных на европейской части постсоветского пространства, чем в государствах Центральной Азии: к примеру, в Туркменистане и Узбекистане государство до сих пор остается собственником основных активов. В то же время в Казахстане и Киргизии экономика в целом частная, поскольку проведение масштабной приватизации явилось сознательным выбором правящих элит этих государств. В странах европейской части постсоветского пространства, за исключением Белоруссии, не пожелавшей расставаться с советским опытом, доминируют экономики, в которых частная собственность играет ключевую роль. Следует отметить, что в данном контексте Азербайджан занимает промежуточное положение, поскольку нефтяная промышленность — ключевая отрасль его экономики — находится в государственной собственности. Основная особенность большинства постсоветских республик (в особенности в Южно-Кавказском и Центрально-Азиатском регионах) состоит в том, что немаловажную роль в повседневной жизни населения продолжают играть социально-территориальные, земляческие, семейно-родственные связи, с одной стороны, способствующие сохранению национальных традиций и обычаев, специфических форм внутринационального общения, но с другой — в немалой степени препятствующие модернизации постсоветских обществ.

Несмотря на существенные социальные, политические и экономические различия между этими странами, общим знаменателем в их развитии по-прежнему остается общественно-экономическое устройство, которое в целом можно охарактеризовать как «постсоветский капитализм»⁸⁶. В этом контексте особо важное место занимает вопрос о динамике постсоветского капитализма. Еще недавно, до глобального экономического кризиса считалось, что перспектива интеграции в Европейский союз, пусть и отдаленная, может стать мощным фактором трансформации постсоветских государств, по крайней мере, расположенных в европейской части бывшего СССР. При этом элиты данных стран зачастую демонстрировали иждивенческий подход, надеясь на то, что сближение с ЕС обусловит приток денег в национальные экономики, но при этом не спешили осуществлять реформы по европейскому образцу. Но даже такая поверхностная приверженность «европейскому выбору» позволяла правительствам многих постсоветских стран проявлять независимость по отношению к России.

Финансовый кризис 2008—2009 гг. не только отдалил на неопределенный срок перспективу расширения ЕС, но и обозначил разницу в восприятии повестки дня Европой и постсоветскими странами. Если для многих ННГ данная проблематика является предметом интенсивного осмысления и занимает чуть ли не главное место во внешнеполитическом дискурсе, то для Европейского союза вопрос о вступлении указанных государств даже до кризиса не был первостепенным. Европейская политика соседства и создание программы «Восточного партнерства» во многом были обусловлены желанием европейских наднациональных институтов отложить вопрос о подаче заявок на вступление указанных стран, но при этом углублять сотрудничество с ними в рамках единой дорожной карты. Для Европейского союза постсоветское про-

⁸⁶ Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3—4. С.13.

странство (в особенности его европейская часть) — это территория транзита, поэтому ЕС заинтересован в стабильности и предсказуемости данного региона. Европейцы отдают себе отчет в том, что без сотрудничества с Россией добиться успеха в обеспечении стабильности будет весьма затруднительно. Тем не менее у ЕС и РФ разные представления о степени совместимости европейского и постсоветского пространств⁸⁷. Как бы то ни было, сотрудничая с ЕС на названном направлении, Россия получает возможность наладить испорченные отношения со своими соседями, в частности, со странами Балтии (которые являются членами ЕС и на которых могут повлиять западноевропейские партнеры, заинтересованные в плодотворном сотрудничестве с Россией), а также с Грузией.

В связи с этим возникает необходимость выработки здравого, рационального подхода к отношениям с Западом в условиях усиливающейся международной конкуренции, лишённого как идеализма, так и изоляционистских настроений, основанного на прагматизме и балансе интересов, диверсификации подходов к различным партнерам России.

87 Дергачев В. Роковые рубежи Европы // Вестник аналитики. 2009. № 1.

Боришполец К.П.*

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И РЕАЛЬНЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СНГ

Национально-государственные интересы РФ в контексте развития постсоветского пространства обсуждаются на самых разных площадках. Особую актуальность проблематике этих обсуждений придали процессы, развернувшиеся в 2010—2012 гг., и существенное повышение результативности российской политики в зоне ближайшего регионального окружения. Дальнейшее продвижение отечественных интересов предполагает закрепление позитивных тенденций и преодоление ряда вызовов стратегического плана.

1. Нейтрализация попыток дестабилизации пространства СНГ

Обретение национального суверенитета и последующее развитие в условиях новой государственности стало серьезным испытанием для всех стран, возникших после распада

* Боришполец К.П. — кандидат политических наук, профессор МГИМО МИД РФ.

СССР. Россия и все ее партнеры по СНГ столкнулись со значительными политическими и социально-экономическими трудностями, которые постепенно преодолевались в форматах двустороннего и многостороннего сотрудничества постсоветских государств. Однако решение конструктивных задач во многом осложнялось спецификой внешнеполитических условий становления новой государственности, давлением религиозного экстремизма, этнической напряженностью и не всегда чистоплотной конкуренцией крупного нефтяного бизнеса. Не будет преувеличением сказать, что за истекшие два десятилетия общественные и государственные системы практически всех стран СНГ неоднократно приближались к критической черте, а кризисные тенденции в сфере социального и политического бытия многих из них еще далеко не преодолены. В крайне уязвимом положении находятся сегодня страны, которые пережили «цветные революции» и попытки утверждения на этой волне враждебных России политических режимов. Их национальная экономика и безопасность подвергаются растущей эрозии, а важнейшие точки внешней опоры, необходимые для устойчивого развития, оказались заблокированными. В целом проект «цветных революций» обогатил оппозиционных лидеров Грузии, Киргизии и Украины, продолжает обогащать политтехнологов в некоторых других странах СНГ, но он оказался абсолютно не приспособленным для преодоления вызовов жизнеобеспечения населения, подъема производства, гражданского воспитания в духе высоких гуманистических ценностей.

В этой связи, несмотря на принципиально новые отношения, которые сложились между странами СНГ, ставшими полноправными членами мирового сообщества, Россия постоянно уделяет большое внимание ситуации в зоне постсоветского пространства и стремится играть конструктивную роль в укреплении национальной государственности своих ближайших соседей. Что касается общего политического курса России, то он формируется, исходя из следующих основных моментов: достижение урегулирования латентных

военно-политических конфликтов, в том числе конфликтов, связанных с фактором новых вызовов и угроз; содействие экономическому развитию российских партнеров по СНГ; предотвращение любых форм милитаризации сопредельных с российскими границами регионов, обеспечение политических и экономических интересов РФ в процессах двустороннего и многостороннего сотрудничества; расширение дипломатических усилий по недопущению дискриминации русскоязычного населения.

Тактические шаги российской стороны во многом определяются ситуацией в сопредельных странах и, разумеется, состоянием международной среды. Сбалансированные, с учетом фактора ОДКБ, условия внешней безопасности большей части территории СНГ сталкиваются на современном этапе с серьезными вызовами, в частности, попытками подрыва позиций российской стороны в процессах урегулирования приднестровского и нагорно-карабахского конфликтов.

Политика России в вопросах урегулирования нагорно-карабахского и приднестровского конфликтов является предметом ее разногласий с США, рядом западных держав и европейскими институтами. Особенностью периода 2011—2012 гг. стало сочетание критических оценок российских оппонентов в отношении ситуации в конфликтных зонах с расширением закупок вооружений Азербайджаном и Молдавией, со значительным ростом турецких амбиций в нагорно-карабахском вопросе, активизацией украинско-молдавского диалога относительно обстановки в Приднестровье. В этой связи заметно возросли степень региональной поддержки и синхронизация сценариев, альтернативных российским подходам к урегулированию «замороженных» конфликтов на пространстве СНГ, причем и в Азербайджане, и в Молдавии расширилась категория лиц, способных стать агентом вооруженных провокаций.

Риски произвольного «размораживания» Нагорно-карабахского и Приднестровского конфликтов пока нарастают умеренными темпами. Но возможности такого «размораживания» все шире используются как аргумент поли-

тического давления на Россию, в том числе посредством деятельности лоббистских группировок различного толка. Одновременно все более отчетливо складывается система потенциальных рисков, обусловленных стремлением Азербайджана и Молдавии использовать конфликтную проблематику для противопоставления проектов сотрудничества с ЕС внешнеполитическому взаимодействию с Россией. Хотя результативность такого курса в ближайшем будущем ограничена, неопределенность общественных настроений по всем азимутам отношений конфликтующих сторон усиливается, что осложняет поддержание сбалансированного российского влияния на ситуацию. Необходимо также учитывать, что Приднестровье стало объектом активного расширения деятельности структур ЕС, международных неправительственных организаций в области подготовки управленческих кадров, и что аналогичные проекты готовятся для Нагорного Карабаха.

Другими словами, эволюционный подход к процессам урегулирования нагорно-карабахского и приднестровского конфликтов исчерпал запас прочности. При этом путь пошаговой нормализации обстановки вокруг «непризнанных» государств требует либо дополнительного подтверждения самостоятельности их роли как участников международного переговорного процесса, либо расширения консенсуса с европейскими партнерами путем серии уступок с российской стороны. Однако такие уступки окажутся для России во всех смыслах чрезвычайно затратными, поскольку проекты ускоренного восстановления территориальной целостности Азербайджана и Молдавии не подкреплены ни ресурсами, ни сколько-нибудь значительными шагами по линии постконфликтного урегулирования.

В условиях многополюсного мира западные, южные и восточные сегменты пространства СНГ играют большую роль в формировании общей картины глобального развития. Поэтому нейтрализация попыток дестабилизации пространства СНГ по-прежнему представляется долгосрочным

приоритетом российской внешней политики, имеющим универсальную значимость.

2. Обеспечение динамичного развития региональной экономической интеграции

2011—2012 гг. прошли под знаком активизации экономических интеграционных процессов в СНГ¹. В целом можно констатировать, что к настоящему времени произошел качественный скачок в улучшении условий развития экономик трех стран-участниц взаимодействия по линии ТС/ЕЭП — России, Белоруссии и Казахстана, повышении инвестиционной привлекательности общего экономического пространства и одновременно существенно снизилась вероятность дистанцирования главного интеграционного ядра от других членов СНГ, уменьшились риски вспышек «торговых войн», расширились возможности противодействия «серым» схемам международной торговли. Важнейшей стратегической задачей для консолидации интеграционного экономического сотрудничества в СНГ выступает формирование Евразийского экономического союза, ориентированного на оптимизацию форматов регулирования трансграничных финансовых, материальных и людских потоков, на эффективное внедрение инноваций в интересах устойчивого развития.

Экономические предпосылки реализации евразийской траектории достаточно широко освещены отечественными политиками и экспертами. При этом участники евразийского проекта в экономическом плане представляют собой весьма разнородную картину. Россия является ведущим экономиче-

1 Начиная с июля 2011 г. Россия, Белоруссия и Казахстан перенесли таможенный контроль на внешнюю границу общего пространства, а с конца 2011 г. были официально инициированы подготовительные мероприятия на этом направлении и со стороны Киргизии. С 1 января 2012 г. был принят базовый блок документов по Единому экономическому пространству из 17 соглашений, что позволит сформировать единый рынок емкостью более 170 млн потребителей и с совокупным валовым продуктом, превышающим 1385 млрд долл. Знаковым событием стала также поддержка в октябре 2011 г. большинством постсоветских государств соглашения о создании Зоны свободной торговли.

ским субъектом интеграционной деятельности, чей сырьевой, популяционный и производственный потенциал превосходит совокупные возможности других стран. Однако начавшееся движение по евразийской траектории не закрепляет автоматически за российской стороной статус абсолютного лидера. В контексте развития интеграционного сближения России целесообразно стремиться к углублению взаимодействия со своими партнерами в отраслях, которые вносят значимый вклад в формирование общего экспортного потенциала ЕЭП и одновременно являются стратегическими для производственного и внешнеторгового потенциала других заинтересованных в сотрудничестве стран.

Одновременно при сближении товарных рынков с партнерами по ЕЭП перед Россией стоит приоритетная задача создания совместных предприятий в сфере энергетики, сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности. Наименее благоприятной средой для этого остается пока белорусская экономика, тогда как возможности продвижения российского бизнеса в Казахстане выглядят более благоприятными.

В целом формирование Евразийского союза сопряжено с последовательным утверждением принципа системного регулирования хозяйственного взаимодействия, позволяющего укреплять как позиции российского ядра интеграционного проекта, так и наращивать потенциал других партнеров. На решение этой задачи ориентировано и углубление объединительных тенденций стран-участников.

В контексте углубления объединительных тенденций стран-участников возникает традиционная дилемма соотношения между тактическими и стратегическими инициативами. Создание Комиссии ТС и других многосторонних институтов решает в этом плане многие вопросы, но не устраняет все реальные риски. Необходимо постоянно учитывать, что, как показывает международный опыт, инструмент «дорожных карт» наиболее эффективен при наличии четкого стратегического консенсуса между участниками проекта.

Перенесение главного акцента на краткосрочные ориентиры, т.е. стремление обеспечить достижение главных целей через согласованные тактические шаги, обычно усиливает конкурентную борьбу различных групп влияния, которая затягивает реализацию задач межгосударственного уровня.

Важным для осуществления евразийского проекта является и усиление роли российских партнеров в обеспечении региональных позиций ЕЭП. Принимая во внимание, что с 2012 г. начал создаваться общий рынок услуг, предусматривающий предоставление национального режима предприятиям — резидентам сторон, унификацию требований к ним, взаимное признание лицензий в лицензируемых видах деятельности, — общие усилия России, Белоруссии и Казахстана, а также — хотя и в намного меньшей степени — Киргизии, позволят обеспечить потенциал, который станет основой для расширения состава ЕЭП. Представляется, что наиболее вероятные сроки расширения — 2013—2014 гг.

Как показывает мировой опыт, рентабельность интеграционных проектов зависит не только от прямых приобретений, но в не меньшей степени от минимизации потерь, возможностей рационально организовать многостороннюю среду сотрудничества и взаимной заинтересованности сторон. Преодоление различных «подводных камней» относится к области как тактических, так и стратегических решений.

В интересах совершенствования деятельности созданных недавно руководящих структур многостороннего регулирования в формате ЕЭП актуальным представляется расширение объемов планирования текущей работы, совершенствование повседневного мониторинга процесса интеграции, в решении которых продвинулась в первую очередь белорусская сторона. Дополнительного внимания требуют также вопросы баланса между контрольной и фискальной ролью таможенного регулирования, активизации шагов по расширению областей инновационного сотрудничества, ускорения согласования технических регламентов стран-членов ЕЭП, а также участников и наблюдателей ЕврАзЭС. Сохраняется необходимость

активно работать над сближением и по ряду других конкретных вопросов.

Между российскими, белорусскими и казахстанскими ведомствами пока остаются определенные «разночтения» в определении механизмов ценообразования, правил борьбы с контрафактом, зональных железнодорожных тарифов, масштабов государственной поддержки сельского хозяйства и некоторых других аспектов экономической деятельности. Есть и более комплексные по своему содержанию проблемы. Так, унифицированное таможенное законодательство является лишь одним из правовых регуляторов экономической сферы. Существует множество других элементов правоприменительной практики, которые еще предстоит включить в процессы экономической интеграции.

Все более актуальной становится и углубленная проработка содержательных вопросов расширения ЕЭП за счет присоединения новых членов. Как представляется, расширение географии ЕЭП, аналогичное оперативному, но сугубо формальному подключению к интеграционному объединению Киргизии, работа над которым далека от завершения, является на современном этапе только гипотетической перспективой. Потенциальные кандидаты в лице стран СНГ, поддержавших в октябре 2011 г. создание Зоны Свободной Торговли (ЗСТ), в частности Таджикистан и Украина, связывают свое развитие не с фиксацией одного стратегического вектора сотрудничества, а с возможностью получения ресурсов из нескольких альтернативных внешних источников.

Поэтому изменение позиций потенциальных участников ЕЭП предполагает достижение радикального перелома в настроениях правящих кругов этих стран и многомесячный период интенсивной профильной подготовки. Необходимо учитывать, что темпы интеграционного движения существенно ограничивает фактор амбиций части национальных элит стран-партнеров России. Преодоление этих настроений — дело времени, но оно требует дополнительных ресурсов, в том числе

по линии увеличения материального обеспечения функционирования многосторонних управленческих структур.

Но все же основным направлением деятельности по преодолению факторов, сдерживающих темпы интеграционного движения, является расширение совместного бизнес-пространства. Сегодня сократились сроки оформления документов в рамках таможенной территории, в разы сократились транспортные издержки на доставку товаров, а рынки России, Белоруссии и Казахстана стали взаимно более доступными для бизнесменов. Намечились шаги по активизации сближения производственных потенциалов.

Вместе с тем речь идет в основном о восстановлении традиционных приоритетов. Новые сегменты сотрудничества в повседневной практике пока не представлены. И если на уровне крупного бизнеса многие проблемы — как, например, участие в добыче и транспортировке углеводородов, энергетике, телекоммуникации, машиностроении, транспорте, банковском секторе — медленно, но все же разрешаются, то резервы сотрудничества в сферах деятельности среднего и малого бизнеса остаются, как и в предыдущие годы, очень большими.

И, наконец, нельзя не упомянуть последствия многовекторности внешнеэкономической стратегии российских партнеров. Вопреки распространенным представлениям, ее важнейшей характеристикой остается фрагментарность связей с развитыми индустриальными странами. Невелики объемы товарооборота российских партнеров по СНГ с США, а весьма внушительный вектор сотрудничества с ЕС реально неоднороден по степени присутствия европейских стран на рынках постсоветских государств.

Аналогичная картина отмечается в области сотрудничества со странами Ближнего и Среднего Востока, со многими из которых Казахстан, Киргизия и Таджикистан стремятся строить экономическое взаимодействие, апеллируя к элементам цивилизационной общности. Рост значимости внешнего вектора для российских партнеров за счет развития экономи-

ческого сотрудничества с ближайшим региональным окружением, в том числе с Китаем, в среднесрочной перспективе также ограничен номенклатурой товарообмена и недостаточными по объему инвестициями (Иран, Турция), а в случае с Китаем — его политикой пошагового продвижения своих интересов.

При том, что актуальные издержки открытой архитектуры внешнеэкономических связей в зоне СНГ сосредоточены преимущественно в сфере политического управления, экономические вызовы многовекторности, отражающие недостаток ее упорядоченности и фрагментарность, весьма значительны. Именно в этой области идет накопление потенциальных рисков.

Имеющиеся ресурсы интеграции евразийского формата создают заметный запас прочности для обеспечения поступательного движения, однако происходит и очевидное накопление проблем, требующих оперативного решения. Поэтому современный этап предполагает все более глубокую практическую проработку деталей отношений России и стран ближайшего регионального окружения.

Обеспечение высокой поступательной динамики интеграционного взаимодействия должно быть основано, во-первых, на углублении понимания странами-партнерами общности своего будущего как участников экономического объединения наднационального уровня; во-вторых, реалистичном формулировании промежуточных целей сотрудничества в сфере ТЭК, инновационного, агропромышленного, добывающего и обрабатывающего комплексов и планомерная их реализация; в-третьих, активизации участия частного бизнеса в расширении кооперации в реальном секторе экономики стран-партнеров.

В переводе на язык политической практики это означает, прежде всего, интенсификацию работы по созданию в рамках ЕЭП единого правового поля хозяйственной деятельности, в котором наряду с унификацией таможенного законодательства будет оперативно продвигаться унификация

валютного, финансового, гражданского регулирования. Пока законодательно-нормативная база интеграционных процессов существенно отстает от административных решений по упрощению таможенных процедур на внешних границах, а учреждение наднациональных структур не в полной мере решает практические задачи оптимизации условий деятельности бизнеса — в том числе российского — на площадках других стран. В этой связи необходимы дополнительные инициативы по формированию экономических регуляторов пространства интеграции, согласованию внешнеторговой стратегии, расширению практики частно-государственного партнерства.

Хотя реализация профильных направлений интеграционного сотрудничества зависит во многом от двустороннего взаимодействия России с ее партнерами в сфере ТЭК, транспортной инфраструктуры, расширения спектра единых технических регламентов, последовательного осуществления инновационных проектов с казахстанской и белорусской сторонами, повышение вклада Белоруссии, Казахстана, а также Киргизии в интеграционные процессы в евразийском формате становится все более актуальной задачей поступательного движения. На современном этапе укрепление интеграционного вектора в их развитии определяется в основном возможностями российской стороны обеспечить странам своего ближайшего регионального окружения дополнительные преимущества на международных рынках.

Рост заинтересованности российских партнеров в интеграционном сотрудничестве во многом зависит от массивного притока инвестиций в реальный сектор экономики, причем перспективы наиболее благоприятны для Казахстана и наименее — для Киргизии. Важно также, что достижение показателей, запланированных казахстанским и белорусским руководством, предполагает активное расширение вовлеченности российских инвесторов. Поэтому их выполнение может рассматриваться как значимый показатель эффективности всего интеграционного процесса.

Динамичное развитие региональной экономической интеграции в Евразии необходимо обеспечить соответствующими информационными инициативами. Целесообразным представляется оперативное введение тематики многостороннего экономического взаимодействия в постоянный контекст информационного сопровождения государственной политики всех участников ЕЭП, а в будущем — и на более широком уровне.

3. Активизация роли Союзного государства России и Белоруссии в процессе формирования Евразийского экономического сообщества

Союзное государство России и Белоруссии² — политический проект с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным и гуманитарным пространством имеет в обеих странах как сторонников, так и противников активной реализации.

Хотя, по некоторым авторитетным оценкам, формальная сторона вопроса заключается только в подписании Конституционного акта по типу Евросоюза (единые границы, единая таможня, единое платёжное средство, единая финансово-кредитная политика, единая ценовая политика, передвижение людей и капитала), и предпосылки такого подписания вполне сложились, политическая практика представляет собой более сложную картину на всех направлениях российско-белорусского сближения. Главной проблемой была и остается архитектура суверенитета единого государственного образования, особенно в том, что касается гарантий руководящего статуса правящих кругов его российского и белорусского сегментов. Поэтому Союзное государство России и Белоруссии (СГРБ) является сегодня преимущественно резервным механизмом регулирования долгосроч-

2 Официальные данные о СГРБ см.: Союзное государство: развитие и перспективы. Постоянный Комитет Союзного Государства // <http://www.soyuz.by/ru/?guid=110466> -19.03.2012

ного двустороннего сотрудничества. В контексте углубления интеграционных процессов евразийского масштаба наличие такого регулятивного механизма играет неопределимую роль, как пример пилотной модели постсоветской интеграции.

В 2012 г. исполнилось 15 лет со дня подписания Договора об образовании Сообщества Белоруссии и России — фактического начала строительства Союзного государства. Большинство экспертов признается, что взаимоотношения двух стран, участвующих в этом проекте, стали катализатором всех интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Однако, хотя по отдельным аспектам российско-белорусская интеграция намного глубже, чем в рамках других объединений, ее опыт не имеет прямой проекции на сотрудничество в более широких форматах. Пока только в рамках Союзного государства проводится скоординированная внешняя политика и в полной мере подтверждены равные права граждан в выборе места жительства, трудоустройства, в сфере образования.

К наиболее значимым результатам союзного строительства относятся: тенденция стабильного увеличения двустороннего внешнеторгового оборота³, осуществление свыше 60 специализированных совместных программ и мероприятий, финансируемых из союзного бюджета, реализация Минских 2003 г. договоренностей президентов двух стран, благодаря которым граждане Белоруссии и России имеют равные права в беспрепятственном передвижении, сферах труда, отдыха, здравоохранения, образования. В контексте гуманитарного сотрудничества создан Белорусско-российский университет, функционируют белорусские отделения Московского государственного социального университета и Московского государственного университета экономики, статистики и информ-

3 В 1999 г., когда был подписан Договор о создании Союзного государства, внешнеторговый оборот двух стран равнялся порядка 6,9 млрд долл., а в 2011 г. составил 38,6 млрд долл. (по сравнению с 2010 г. вырос на 37,7%). По итогам января — апреля 2012 г. на долю России приходилось 48% всего товарооборота Республики Беларусь. В первые четыре месяца 2012 г. внешнеторговый оборот Республики Беларусь с Российской Федерацией вырос еще почти на треть.

матики. Большой популярностью пользуется проводимый с 1998 г. под патронажем Союзного государства фестиваль «Славянский базар в Витебске», регулярно проводятся «перекрестные» Дни культуры регионов Белоруссии и России. С 2011 г. произошло оживление ряда крупных совместных проектов по линии культурного сотрудничества и спорта⁴, активизировались контакты между российскими и белорусскими книгоиздателями, кинематографистами.

В интересах общей безопасности создана и функционирует региональная группировка войск Республики Беларусь и Российской Федерации, которые в последние годы провели два крупных совместных учения: оперативно-стратегическое учение «Запад—2009» и оперативное учение «Щит Союза—2011». Подписано Соглашение о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании Единой региональной системы ПВО⁵. Сотрудничество по охране границы Союзного государства координирует постоянно действующий союзный Пограничный комитет⁶.

Таким образом, СГРБ является комплексной моделью постсоветской интеграции, но эта модель далека от завершения. Ее непосредственное влияние на развитие двустороннего экономического и культурного сотрудничества остается ограниченным рамками скромного по масштабам бюджета (в 2012 г. 4,87 млрд руб.), а в сфере безопасности СГРБ хотя и

4 Среди последних мероприятий на этом направлении можно отметить состоявшиеся с 18—19 мая 2012 г. в Санкт-Петербурге Дни культуры Республики Беларусь, а также масштабные Дни Москвы в Минске, которые пройдут в октябре 2012 г.

5 Подробнее см.: *Кобяков А.* Беларусь и Россия: дружба, интеграция, созидание. Другого пути нет // <http://www.soyuz.by/ru/?guid=120822-28.06.2012>.

6 В апреле 2012 г. на его очередном заседании Госпогранкомитет Беларуси и ФСБ России подписали протокол о взаимодействии по обмену информацией об обстановке и угрозах на внешних рубежах Союзного государства, утвердили проект программы укрепления пограничной безопасности Союзного государства на 2012—2016 гг. По итогам предыдущей программы по обустройству внешней границы в эксплуатацию введены 2 пограничные заставы, 6 пограничных постов и другие объекты пограничной инфраструктуры. См.: *Клицкевич Ф.* Союзное государство — фундамент постсоветского единения // Союзное Вече. 2012. 2 авг.

несет важную объединительную функцию, но институционализированную лишь в первом приближении.

Стратегический курс интеграционных процессов на постсоветском пространстве по формированию к 2015 г. Евразийского Союза актуализирует проблематику множественности форматов взаимодействия России с ее ближайшим региональным окружением. Хотя на предыдущих этапах многообразие задач различных проектов нередко приводило к функциональному дублированию, будущий институциональный статус Евразийского объединения предполагает динамичную консолидацию всех структур интеграционного сотрудничества. В практическом плане этот тезис приобрел особую остроту в связи с инициативой А. Лукашенко об упразднении ЕврАзЭС, а также позиции белорусской стороны относительно статуса СГРБ как главного ядра интеграционных процессов. Тем не менее вопрос о множественности постсоветских интеграционных форматов остается пока открытым, и российская сторона, по-видимому, не стремится к быстрому слиянию действующих объединений. Другими словами, сегодня речь идет главным образом об отработке механизмов их взаимодополняемости, особенно в том, что касается экономической составляющей.

Что касается СГРБ, то сложившаяся ситуация предполагает повышение его конкурентоспособности. Для этого СГРБ должно сосредоточиться на преодолении тактических вызовов российско-белорусского сотрудничества, предотвращении случаев перевода споров хозяйствующих субъектов в политическую плоскость. Полезным может стать регулярный патронаж знаковых совместных проектов: контракт на строительство белорусской АЭС, создание холдинга «РосБелавто», а также правовое сопровождение участия российского бизнеса в белорусской приватизации и соответствующая поддержка белорусских предпринимателей на российской территории. Вклад СГРБ в двустороннее сотрудничество получит важный импульс в случае расшире-

ния практических шагов по интеграции образовательного и научного пространства России и Белоруссии, оптимизации взаимодействия в сфере информационной составляющей, в том числе информационной безопасности. Полезной станет и разработка системных предложений по адаптации агропромышленных комплексов Союзного государства к условиям работы с учетом факторов ЕЭП и ВТО. Отдельная тема — подключение СГРБ к развитию парламентского измерения евразийской интеграции, в котором Парламентское собрание Союзного государства пока непосредственно не участвует.

Наряду с оптимистическими представлениями о возможностях позитивного вклада СГРБ на евразийском направлении, существуют и факторы, которые способны стать заметным тормозом реализации многостороннего интеграционного сотрудничества. Хотя белорусские эксперты признают, что уже на стадии ТС/ЕЭП их страна получит самый высокий долгосрочный экономический эффект — 15 % ВВП, причем для Казахстана этот показатель составит 4%, а для России всего 2 %⁷, нельзя исключить, что попытки белорусских структур по наращиванию односторонних преимуществ будут тормозить углубление партнерских отношений. Помимо сугубо бюрократических противоречий между представителями различных интеграционных проектов, необходимо указать на усилия белорусской стороны по разработке эшелонированной политики, призванной адаптировать новые евразийские тренды к своим традиционным интересам.

На современном этапе российская сторона оценивает возможности СГРБ более сдержанно, чем белорусская, предлагая сосредоточиться на прагматических вопросах углубления интеграционного сотрудничества (определение статуса союзной собственности, принятие единого платежного средства, вступление Белоруссии в ВТО). В то же время представители белорусской стороны стремятся сделать упор на ини-

7 <http://www.soyuz.by/ru/?guid=106242-25.01.2012>.

циативы расширительного плана, например, установление прямого диалога с ЕС, превращение СГРБ в институциональное ядро евразийской интеграции, форсированное принятие Конституционного акта, дополнительные усилия по привлечению к российско-белорусско-казахстанскому сотрудничеству Украины. Ряд этих инициатив носит декларативный характер, но тем не менее влияет на общественное и политическое восприятие деятельности СГРБ и его белорусского сегмента как активных субъектов, формирующих стратегические тренды на пространстве СНГ.

Задачи консолидации интеграционных траекторий в евразийском формате предполагают повышение роли СГРБ как участника поступательного движения. Но для того, чтобы использовать его потенциал в позитивном ключе, целесообразно диверсифицировать имеющиеся установки, в частности, усилить адресное внимание к повышению эффективности совместных программ, реализуемых по линии СГРБ; предложить СГРБ стать координатором многостороннего гуманитарного сотрудничества актуальных и потенциальных участников Евразийского проекта; инициировать открытие на площадке СГРБ специализированной международной программы по подготовке кадров для работы в структурах Евразийского проекта. Предоставление новых возможностей для деятельности СГРБ по указанным направлениям позволит снять заметную часть практических противоречий при развитии евразийского интеграционного процесса.

По итогам состоявшегося 31 мая — 1 июня 2012 г. официального визита Президента России В. Путина в Минск было принято совместное заявление президентов России и Белоруссии, в котором они подтвердили стратегический характер отношений между двумя странами.

Представляется, что интеграционный формат Союзного государства России и Белоруссии будет наращивать свой важный конструктивный вклад в консолидацию интеграционного взаимодействия в СНГ.

4. Корректировка подходов к планированию российско-украинского сотрудничества как фактор развития интеграционного вектора СНГ

Современный этап отмечен значительными возможностями для активизации участия Украины в интеграционном сотрудничестве в рамках СНГ. Вместе с тем эта тенденция еще не стала определяющей в политике украинского руководства, стремящегося сохранить перспективу стратегического сближения с ЕС. Другими словами, в ближайшем будущем украинская сторона продолжит ситуативную ориентацию на интеграционные проекты как «восточного», так и «западного» форматов. В принципе эта позиция отвечает запросам большинства украинской элиты, рассчитывающей играть роль крупного, если даже не основного, регулятора ресурсных потоков в Европейском регионе. В этой связи сравнительный анализ подходов Украины к участию в интеграционных процессах в рамках ЕС и СНГ предполагает учет предпосылок реализации интеграционного сотрудничества Украины на «восточном» и «западном» направлениях.

На протяжении всего постсоветского периода руководство Украины ориентировало страну на динамичное расширение хозяйственных связей с европейскими государствами и вовлечение в многостороннее сотрудничество по линии ЕС. Результатом этой политики стало существенное сокращение масштабов участия украинской стороны в экономическом взаимодействии со странами СНГ, в том числе и с Россией, и заметный рост экономических связей на европейском направлении. Однако реального разворота хозяйственной системы Украины в европейском направлении не произошло.

Хотя установившийся к 2003—2004 гг. примерный паритет объемов российских и европейских инвестиций к настоящему времени нарушен, и по официальным заявлениям инвестиционная доля ЕС за 20 лет украинской независимости составляет около 80%, сотрудничество со странами СНГ — прежде всего Россией, остается главной несущей конструк-

цией украинской экономики. На современном этапе в общем объеме украинского товарооборота торговля с членами СНГ (где Россия является доминирующим торговым партнером Киева)⁸ составляет 40%, а торговля со странами ЕС — примерно 28%. Помимо стоимостных показателей особую роль играет номенклатура товарообмена, при котором Украина получает из стран СНГ большие объемы стратегического сырья, значительная часть которого затем идет на экспорт, а также использует рынки восточных соседей для экспорта своей условно рентабельной продукции. Что касается европейских рынков, то возможности поступления на них традиционных украинских товаров остаются ограниченными, а объемы технологического импорта не отвечают комплексным запросам в сфере модернизации украинской экономики.

Учитывая непреодолимые трудности с выполнением бюджета⁹, проблематичность получения дополнительных финансовых средств за счет внешних заимствований и уже имеющиеся долговые обязательства, составляющие более половины ВВП страны¹⁰, необходимо констатировать, что вопросы экономического развития в партнерской связке как с ЕС, так и с СНГ являются для Украины гипотетической перспективой. В ближайшие три—четыре года речь может идти только о мерах по обеспечению функционирования украинской хозяйственной системы и поэтапного восстановления ее производственного потенциала. Поэтому ставка

8 Россия остается для Украины крупнейшим партнером по экспорту и импорту (21% украинского экспорта и 29% импорта). Самая высокая заинтересованность украинской стороны в экономическом сотрудничестве с Россией связана с энергетическим (газовый импорт) и сельскохозяйственным секторами (зерновой и плодоовощной экспорт). Показательным является и объем переводов украинских трудовых мигрантов. В 2010 г. самая большая доля переводов мигрантов из общей суммы в 5,9 млрд долл. приходилась на переводы из России — 1,6 млрд долл., что составляет примерно 27% от объема прямых иностранных инвестиций в украинскую экономику. К официальным показателям нужно добавить сложно поддающиеся учету данные о денежных средствах, ввезенных различными неофициальными путями.

9 Украина - технический банкрот // <http://www.regnum.ru/news/1576632.html> -01.10.2012.

10 <http://zet.in.ua/economic/macroeconomic/byudzhet/sravnenie-osnovnyx-ekonomicheskix-pokazatelej-rossii-i-ukrainy> / Из них госдолг Украины превышает 42% ВВП // <http://www.i-g-t.org/2011/02/21>

на реальный сектор экономики и его отрасли, сохранившие традиционную сопряженность с Россией и другими странами СНГ, является для Украины фактически единственным рациональным выбором. Дополнительным фактором, требующим повышенного внимания к реальному сектору экономики, выступает необходимость значительно увеличить экспортный потенциал страны, которую подчеркивают нынешние украинские руководители.

Приоритеты украинской стороны как в области интеграционного сотрудничества в рамках СНГ, так и по линии сближения с ЕС отмечены многими противоречиями. В целом же обещанная президентом В. Януковичем в конце 2011 г. политика «активной реализации евроинтеграционного курса» приобрела в настоящее время рутинный формат, и хотя она сохраняет статус особого приоритета внешнеполитической деятельности украинского руководства, но основные моменты этой политики подвергаются прагматической переоценке. Вместе с тем ожидать отказа украинской элиты от планов европейской интеграции в пользу восточного вектора сотрудничества нереалистично. Скорее всего, речь идет о попытках реорганизации системы связей с европейскими партнерами в соответствии с насущными потребностями украинской экономики, поскольку гипотетические перспективы наращивания транзитного потенциала Украины оказались заблокированы.

Учитывая особую значимость украинского направления, целесообразно активизировать среднесрочное планирование отечественных инициатив, что позволит повысить последовательность в осуществлении двустороннего сотрудничества. Ставка на обеспечение такой последовательности преимущественно за счет договоренностей в газотранспортной сфере недостаточно эффективна, поскольку ставит отечественную политику в зависимость от возможностей реагирования на постоянно обновляемую аргументацию украинской стороны. При этом существенно снизить уровень противоречий относительно цены на российский газ, объемов задолжен-

ности за его поставки, интернационализации контроля за украинскими трубопроводами в ближайшем будущем нерезально. Пока возможные варианты компромисса блокируются высокой обоюдной политизацией интересов хозяйствующих субъектов, которые в украинском случае очень разнородны, поскольку обременены многочисленными ожиданиями участников распределительных схем на местах и в правительственном аппарате. Поэтому хотя «газовая завязка» остается реальным рычагом продвижения российских интересов на Украине, она требует диверсификации форм использования, в частности, в контексте кадровых изменений в руководстве энергетикой и угольной промышленностью Украины после парламентских выборов 2012 г.

Важным для позитивного российско-украинского взаимодействия является поддержка сбалансированного государственного строительства на Украине путем сотрудничества не только с центральными властями страны, но и непосредственно с региональными элитами, в том числе западноукраинских областей. Заметным резервом адресного сотрудничества являются также предприятия украинского ВПК, туристической индустрии и университеты. В целом же среднесрочное планирование российского сотрудничества с Украиной должно быть ориентировано на преодоление дефицита социальности, поддержку проектов в области технических инноваций, культуры и межрегиональных связей, необходимых для сближения траекторий развития двух стран.

5. Повышение авторитета русскоязычной культуры и русского языка в странах СНГ

Конкурентоспособность русского языка и русскоязычной культуры как коммуникационного ресурса международного уровня на пространстве СНГ ослаблена. Хотя наиболее активный этап их вытеснения завершился примерно пять-шесть лет назад, давление со стороны титульных националистов повсеместно продолжается. Как правило, такое давление

является следствием не только межнациональной напряженности, но и «вписано» в борьбу представителей правящих кругов за государственную власть. Драматичные коллизии принятия языкового законодательства на Украине, многочисленные публичные дискуссии о роли национального языка, развернувшиеся сегодня в Казахстане и Киргизии, перевод преподавания ряда школьных предметов исключительно на государственный язык в Белоруссии и другие аналогичные факты свидетельствуют о серьезности рисков углубления цивилизационного раскола пространства СНГ.

Наряду с магистральными подходами к укреплению авторитета русского языка, которые Россия в течение двадцати лет осуществляет по линии двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами СНГ, целесообразно обратить внимание и на более прагматичные модели последнего времени. Так отвечающей как интересам российского общества, принимающего в массовом порядке трудовых мигрантов из соседних государств, так и самих мигрантов следует признать инициативу по сдаче иностранными работниками экзамена на знание русского языка. Но эта инициатива делает пока лишь первые шаги и требует дополнительной разъяснительной работы и усиленной популяризации.

Учитывая ограниченность материальных ресурсов для повышения авторитета русскоязычной культуры и русского языка, России целесообразно сосредоточиться на эффективности их адресного использования. Необходимо существенно усилить информационное сопровождение гуманитарного сотрудничества стран СНГ и русскоязычных культурных событий, русскоязычного образования, персонального опыта двуязычия представителей различных национальностей. Было бы полезно расширить график гастрольных обменов русскоязычных творческих коллективов стран СНГ на территории России, практику предоставления грантов деятелям культуры, освещающих проблематику участия русскоязычного населения в общественной жизни новых независимых государств. Позитивную роль могла бы сыграть и оптимизации

системы поддержки центров по изучению русского языка в провинциальных городах стран СНГ с привлечением ресурсов российских регионов. Большую положительную роль могла бы сыграть экранизация социально значимого сюжета, посвященного позитивным реалиям человеческого общения граждан России и стран СНГ.

Повышение авторитета русскоязычной культуры и русского языка в странах СНГ было и остается задачей российской политики поддержки соотечественников за рубежом. Однако необходимо подчеркнуть, что русский язык является официальным языком всех интеграционных объединений стран СНГ и, следовательно, теснейшим образом связан с институтами обеспечения российского регионального лидерства.

* * *

Россия стоит в переломной точке своего развития. Имеющиеся ресурсы создают заметный запас прочности для обеспечения поступательного движения, однако происходит и очевидное накопление проблем, требующих оперативного разрешения. Поэтому современный этап политики России на пространстве СНГ предполагает все более глубокую практическую проработку деталей отношений со странами ближайшего регионального окружения.

Романенко С.А.*,

Трухачев В.В.**

РОССИЯ, ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ И ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В ходе обсуждения в России перспектив Евразийского союза (ЕАС) выявилось существование различных концепций, методологических подходов и оценок конкретных проблем¹. Экспертно-аналитическое сообщество разделилось на сторонников и противников практической реализации этой идеи. Предлагаемые обоими «лагерьями» обществу и власти трактовки ЕАС весьма различны и охватывают практически весь спектр направлений общественной мысли — от либеральной, рациональной и прагматической до консервативной, этнонационалистической и романтической. Первая базируется на конкретных экономических и политических расчетах, анализе угроз, вызовов и рисков, с которыми может столкнуться, собственно, Россия и постсоветское простран-

* Романенко С.А. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЭ РАН.

** Трухачев В.В. — кандидат исторических наук, РГГУ.

1 Об этом подробнее, напр., см.: Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2012. С. 287—367; Pro et contra. 2011. Т. 15. № 3—4. Май-авг.; 2012. Т. 16. № 1—2. Янв-апр.

ство — как в случае успешного создания ЕАС, так и в случае неудачи этого проекта. Вторая преимущественно основана на геополитических и идейно-нравственных построениях, в основе которых лежат архаичные представления об окружающем мире в целом, отдельных странах и народах. Круг обсуждаемых проблем охватывает, в частности, принципы функционирования Союза, его цели, характер, этапы развития, состав его возможных участников — на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Вопрос о возможном составе участников важен не только сам по себе; он определяет характер и цели создаваемой организации. Сторонники создания ЕАС предлагают три варианта состава его участников — ограничиться пределами постсоветского пространства (за исключением Литвы, Латвии и Эстонии); включить в ЕАС некоторые страны Центрально-Восточной Европы; придать ему глобальный характер, включив в число его участников не только некоторые страны Западной Европы, но и Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Один из наиболее известных сторонников и идеологов современного «евразийства» И. Панарин считает, что «активизация процесса формирования Евразийского Союза, от Шотландии до Новой Зеландии также является Стратегической Идеологической Задачей России»². При этом он выдвигает задачу разработки для ЕАС «государственной идеологии», которая, по его мнению, должна опираться на «Диалог, Дружбу, Добро». Таким образом, изначально ясно, что целью является создание не региональной, не межрегиональной, но всемирной организации, которая будет представлять собой не столько экономического партнера, но экономическую, политическую, стратегическую и идейно-нравственную альтернативу Западу — США и ведущим госу-

2 Панарин И. Евразийская интеграция не имеет альтернативы // www.newspolitika.ru/igor-panarin-evraziyskaya-integratsiya-ne-imeet-alternativyi.html

дарствам Западной Европы. Ядром этой организации должна быть Россия.

В процессе ускоренного создания этой организации, дабы евразийские процессы не приняли «вялотекущий характер, как показал опыт строительства Союзного государства Россия-Беларусь», которая должна представлять собой «единое экономическое пространство от Атлантики до Тихого океана, от Шотландии до Новой Зеландии, в целях создания общего континентального (так в тексте — С.Р., В.Т.) рынка», И. Панарин выделяет пять этапов:

1 этап. Объединение трех государств (России, Белоруссии, Казахстана) в Евразийский Союз 30 декабря 2012 г.

2 этап. Вхождение в Евразийский Союз Украины, Армении и Таджикистана (до 30 декабря 2013 г.). Появление третьего центра Евразийского Союза — Киева.

3 этап. Присоединение к Евразийскому Союзу **Сербии, Словакии и Черногории** (до 30 декабря 2016 г.). **Появление четвертого центра Евразийского Союза — Белграда** (выделено нами — С.Р., В.Т.)

4 этап. Присоединение к Евразийскому Союзу Киргизии, Монголии, Узбекистана (до 30 декабря 2016 г.).

5 этап. Присоединение Турции, Шотландии, Ирландии, Новой Зеландии, Вьетнама и ряда других государств³.

Несколько иную концепцию предлагает другой «евразиец», охотно цитируемый за рубежом, А. Дугин. Согласно его видению, «Восточная Европа разочарована в Евросоюзе. Греция вообще готова выпасть. Турция отказывается всерьез рассчитывать на вступление. Поэтому на Востоке Европы образуется определенный *цивилизационный вакуум*. Я полагаю, что должен вот-вот сформироваться проект Великой Восточной Европы, как самостоятельной геополитической зоны — промежуточной между Западной Европой и Евразией. Великая Восточная Европа, включающая православные страны (Грецию, Болгарию, Румынию, **Сербию**, Македонию, Черногорию),

3 Там же.

славянские страны (Польшу, **Чехию, Словакию, Хорватию, Словению** — *выделено нами* — С.Р., В.Т.) и финно-угорскую по корням Венгрию и Турцию на юге — потенциальные партнеры именно Евразийского союза. Едва ли эта зона будет по-настоящему интегрирована в Евразию, но цивилизационная идентичность Великой Восточной Европы будет чем-то промежуточным между Евразией и Западной Европой, 50% на 50%».

Как и И. Панарин, А. Дугин придает современным международным экономическим и политическим отношениям характер глобального конфликта: «Создание Евразийского Союза означает демонтаж американской гегемонии и переход к строительству Многополярного Мира. В этом многополярном мире США могут остаться великой державой, но только не мирового, а регионального масштаба. К этому в Вашингтоне никто, кажется, не готов. Значит, будет самая настоящая борьба атлантизма против евразийства (которая ни на миг и так не прекращается). Великая война континентов»⁴.

Со своей стороны, протоирей В. Чаплин полагает, что «Россия должна развиваться с опорой на православные ценности»⁵. Однако не только сама Россия является многонациональным и поликонфессиональным государством. Евразийский союз будет еще более разнороден в этноконфессиональном отношении. Поэтому подобная постановка вопроса затруднит, если не сделает невозможным объединение вокруг России перечисленных выше И. Панариным и А. Дугиным государств.

Свою версию списка стран-членов ЕАС предлагает генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций «АПЭК» Д. Орлов — Финляндия, Венгрия, **Чехия** (*выделено нами* — С.Р., В.Т.), Монголия, Вьетнам,

4 Дугин А. Евразийский союз — ключевой полюс в многополярном мире // www.evrazia.org/article/1828

5 www.pravmir.ru/rossiya-dolzha-razvivatsya-s-oporoy-na-pravoslavnye-cennosti-schitaet-protvsevolod-chaplin

Болгария, Куба, Венесуэла. «Означает ли это, что те из приведенного списка государств, которые находятся в составе ЕС, должны были бы прервать связи с Брюсселем и повернуться (назад) к Москве. Это будет зависеть только от них»⁶.

По мнению вице-президента Фонда Развития Европейского Сотрудничества А. Смирнова, Россия будет «продвигать идею Евразийской интеграции и объяснять обществу цели и принципы (так в тексте — С.Р.) проекта. Мы не ограничиваемся географическими границами, потому что идея интересная и предлагает новый путь взаимодействия, в котором каждая страна получит определённые выгоды: уже сегодня проектом интересуются некоторые страны Латинской Америки, Сербия»⁷.

Аналитик Института национальной стратегии России Ю. Солозобов считает, что Россия и другие участники евразийской тройки при разработке основных документов учли уже разработанные ЕС нормы, что «таким образом к 2020 г. у нас будет зона согласованной торговли с ЕС. Мы рассматриваем целый ряд эффективных транзитных проектов, которые связывают страны азиатско-тихоокеанского региона и Европы». Он полагает также, что выгода очевидна: экономика наших государств будет основана на инновационной и индустриальной, а не сырьевой базе. Во-вторых, «Россия получит границы территориальной безопасности, поскольку всем полезно иметь стабильного и надежного партнера в центре Евразии»⁸.

По мнению политолога И. Преображенского, «интеграция Сербии в Евразийский союз не может существовать в принципе. Причина очень проста — это причина экономическая. Мы говорим об экономическом объединении наподобие тех объединений, которые уже существуют. Это, условно говоря, единый рынок в Америке, это Евросоюз, и другие

6 www.advance.hr/vijesti/euroazijska-unija-stvaranje-novog-bloka-i-komparativne-prednosti/

7 <http://www.iarex.ru/news/28833.html>

8 <http://www.ekonomskisavetdss.com/2011/12/evroazijski-savez-pocetak/>

подобного типа. И в них не могут входить страны, которые параллельно входят в другие интеграционные объединения, где степень интеграции зачастую выше. Если мы говорим о Сербии, то Сербия давно уже в значительной мере входит фактически в объединение Евросоюза. [У нее] действуют многочисленные соглашения с ЕС. Принимая Сербию в свой состав — разумеется, если бы Сербия об этом попросила, — Евразийский союз фактически открывает двери для европейских товаров, беспошлинно ввозимых на его территорию. Это приводит к абсолютно непредсказуемым последствиям с экономической точки зрения, и на это никогда не согласятся экономические круги в Евразийском союзе — он не для того создавался⁹. По мнению аналитика, в ЕАС следует делать упор на создание экономического, а не политического пространства. Однако «любые попытки вывести создание Евразийского союза из экономической сферы в политическую сферу могут похоронить сам проект. Если он еще в состоянии работать как экономический проект для таких стран, как Россия, Белоруссия и Казахстан, которые не входят в другие крупные международные политические объединения и союзы, то в качестве политического проекта он абсолютно нежизнеспособен, тем более, если к нему присоединятся какие-нибудь латиноамериканские или балканские страны, не имеющие никаких общеэкономических и политических интересов с РФ, Казахстаном и Белоруссией»¹⁰. Но возможно ли объединение в евразийском союзе стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы?

При всех различиях между тремя государствами и социумами, можно выделить несколько общих причин распада СФРЮ, ЧССР, а также СССР: кризис и распад распределительной (хотя и с элементами рынка) экономики; кризис административной и экономической системы государства в условиях гиперинфляции; кризис коммунистической идео-

⁹ <http://www.iarex.ru/news/28833.html>

¹⁰ Там же

логии; кризис этнотерриториальной федерации как формы решения национального вопроса; кризис тоталитарной политической системы, основанной на власти одной партии под руководством одного вождя; кризис теории и практики югославизма, чехословакизма и «единой исторической общности — советского народа» идейно-политической основы многонациональных государств¹¹. Несмотря на общие причины распада СССР, Югославии и Чехословакии, дальнейшее развитие созданных в результате их распада в 1991—1992 гг. новых национальных независимых государств пошло совершенно разными путями. Вместе с тем, несмотря на то что в чехословацком государстве¹² процесс национального самоопределения был осуществлен мирно, в результате политических переговоров, а на территории бывшей Югославии несколько лет шла ожесточенная война, эти два принадлежащие региону Центрально-Восточной Европы (субрегионам Центральной Европы и Западных Балкан) пространства объединяют несколько обстоятельств. Во всех странах произошли и успешно закончились национальные и социальные революции. Плановую экономику сменила рыночная, народную демократию — многопартийная парламентская, господство классовой целесообразности — верховенство права, многонациональную федерацию — национальные суверенные государства. Ни одна серьезная политическая сила не ставит вопрос ни о возвращении социализма, ни о восстановлении распавшихся многонациональных государств. На данный момент во всех новых государствах (за некоторым исключе-

11 Подробнее об этом, напр. см.: Романенко С.А. Югославский Рубикон // 1990-й. Опыт изучения недавней истории. М.: НЛО, 2011. С. 138-163; Шмелев Б.А. Причины распада СФРЮ // Балканы: между прошлым и будущим. М.: Апрель-85, 1995. С. 79—90; Задорожнюк Э.Г., Харцьева Г.Ю. Алгоритм распада // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противостояний). М., 1994. С.153—155; Щербакова Ю.А. Распад Чехословакии: попытка анализа общественных процессов // Конфликты в условиях системных изменений в странах Восточной Европы. М., 1994.

12 С 20 апреля 1990 г. Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР), названная так в 1960 г., стала называться Чешской и Словацкой Федеративной Республикой (ЧСФР, Чехословакией), прекратила свое существование 31 декабря 1992 г.

нием Черногории) изначально отсутствуют или были преодолены персоналистские авторитарные режимы; во всех странах установились парламентско-президентские республики. Существует гражданский консенсус и созданы соответствующие механизмы его осуществления. Полностью обновились политические классы. Все постчехословацкие и постъюгославские государства объединены стремлением — уже осуществившимся или осуществляющимся разными темпами — к возвращению в Европу, к членству в европейских и евроатлантических структурах с ЕС и НАТО) и интеграцию в них¹³.

Иная картина на постсоветском пространстве. Во многих национальных государствах сохранились унаследованные от советских времен однопартийные персоналистские режимы. Во многих из этих стран не произошла или произошла лишь частично смена политического класса, экономика не приобрела характер рыночной. Звучит парадоксально, но в политико-психологическом отношении распад СССР еще не завершился. Парламентаризм и многопартийность, даже если и присутствуют, во многом носят декоративно-имитационный характер. Отсутствуют гражданский консенсус и соответствующие механизмы его осуществления. Многие страны находятся в состоянии латентного, а то и открытого гражданского противостояния. В разных формах политические классы независимых государств, с одной стороны, уже не отдадут своей независимости, а с другой — связывают свою власть и ее сохранение с советским прошлым, с политической поддержкой России, несмотря на конкуренцию с ней в отдельных областях и имеющиеся межгосударственные противоречия, часть которых носит и этнополитический характер. Таким образом, ни национальные, ни социальные революции на постсоветском пространстве не завершены. Исключение

13 Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI в. М.: Институт права и публичной политики, 2002; Косово: история, характер и динамика конфликта // Косово: прошлое, настоящее, будущее. Спб: Алетейя, 2012. С. 14—56.

составляют Литва, Латвия и Эстония; остальные государства, социумы и этносы все еще находятся в состоянии перехода, как и все постсоветское пространство в целом¹⁴. Его субъекты не могут быть ни порознь, ни вместе.

В отличие от «постсоветского пространства» и «постъюгославского пространства» понятие «постчехословацкое пространство» не существует. Трудные и конфликтные проблемы в отношениях между Чехией и Словакией отсутствуют, что является следствием того, что разделение Чехо-Словакии было управляемым процессом. Чехия и Словакия давно определились с государственной границей. Первый договор о ней был подписан еще в 1992 г. Сегодня в Чехии и Словакии свыклись с тем, что две республики существуют как независимые государства. Ни одна крупная политическая сила не ставит вопрос об их воссоединении. К существующему положению вещей привыкли и простые люди. Проведенный в 2004 г. опрос показал, что только 22% чехов и 27% словаков сожалеют о разделении Чехии и Словакии, причем среди молодежи процент ностальгирующих еще ниже¹⁵. Для сравнения: проведенные весной 1992 г. опросы показывали, что за распад страны выступали только 17% словаков и 11% чехов. Еще 32% словаков и 6% чехов требовали конфедерации, но не разделения¹⁶. Как в Чехии, так и в Словакии отсутствуют реинтеграционные настроения. Поэтому соответствующих требований нет в программах политических партий, и тем более не существует соответствующих конкретных планов органов государственной власти.

Вышесказанное не означает, что в обеих странах нет отдельных групп населения, недовольных политикой ЕС или НАТО, что отсутствуют проблемы во взаимоотношениях

14 Рябов А. Распадающаяся общность или целостный регион? // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3–4. Май—авг.

15 Lide uz vydychali rozpad Ceskoslovenska// Bleskove.Cz, 31. Prosince 2004// <http://bleskove.centrum.cz/clanek.phtml?id=554357>

16 Чехи и словаки: непростой «брак» и тихий «развод»// Радио Прага. 2009. 31 окт. // <http://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/chexi-i-slovaki-neprosto-ji-brak-i-tixij-razvod>

Чехии и Словакии как с этими организациями, так и с отдельными входящими в них странами. Однако эти трудности и противоречия решаются в рамках вышеуказанных организаций, и речь не идет о смене модели интеграции, о переориентации на другие возможные экономические, политические и военные союзы.

Несмотря на распад единой страны, Чехия и Словакия стали друг для друга ближайшими партнерами. Так, например, в отчете МИД Чехии за 2005 г. об отношениях со Словакией говорилось: «Отношения Чехии и Словакии носят характер, выходящий за рамки стандартных. Связи, основанные на исторической, культурной и языковой близости, способствуют успешному сотрудничеству во всех областях». В отчете МИД Словакии за тот же год сказано: «В отношениях с Чехией у нас практически нет открытых вопросов... Чехия остается для Словакии ближайшим партнером и союзником, учитывая исторические, культурные, экономические и общественные связи»¹⁷.

Чехия и Словакия являются членами Евросоюза, НАТО, ООН, Совета Европы, ВТО, но в качестве основы внешней политики обе видят пребывание в ЕС и Североатлантическом альянсе. Как отмечал глава МИД Чехии в 1997—1998 гг. Я. Шедивый, еще Чехо-Словакия обозначила в качестве главного приоритета евро-атлантическую интеграцию¹⁸. Так что вхождение Чехии в НАТО в 1999 г. и в ЕС спустя пять лет, и прием Словакии в обе организации в 2004 г. было завершением процесса, начатого после краха социализма еще единым государством чехов и словаков. Но дорога туда была для Чехии и Словакии разной.

В Стратегии безопасности Словакии от 2005 г. сказано: «С вхождением в НАТО Словакия стала частью системы

17 Zprava o zahranišni politice Ceski republiky za rok 2005 / MZV CR// <http://www.mzv.cz/file/16756/Zprava2005hlavnitext.pdf>; Sprava o plneni uloh zahranicnej politiky Slovenkej republiky v roku 2005 / MZV SR// [ny%20rocnny%20komponent%202005.pdf](http://www.mzv.sk/nr%20rocnny%20komponent%202005.pdf)

18 Sedivy J. O deseti letech Ceski zahranicni politiky// Spolecnost v prerodu: Cesi ve 20.stoleti. Praha, 2000. S. 288—302.

коллективной... безопасности как основы стабильности, и ее безопасность гарантирована обязательствами союзников... Со вступлением в ЕС Словакия обрела гарантии политической и экономической стабильности». В том же духе выдержана и Концепция внешней политики, принятая в 2012 г.: «Интеграция в европейские и трансатлантические структуры предоставила новые возможности... В их рамках Словакия может эффективно отстаивать свои интересы»¹⁹.

Примерно о том же шла речь в Концепции внешней политики Чехии 2011 г.: «Основной целью чешской внешней политики является обеспечение безопасности и процветания Чехии и ее граждан, а также осуществление чешских интересов за границей... Свои интересы Чехия продвигает, будучи частью семьи европейских и мировых демократий... Принципиальное значение для дальнейшего развития Чехии имеет членство в НАТО и ЕС., открывающее путь к отстаиванию ее интересов»²⁰.

И для Чехии, и для Словакии большую роль играет осознание себя частью Центральной Европы вместе с Германией, Австрией, Польшей, Венгрией и Словенией. Об этом говорилось во всех концепциях внешней политики двух государств, принятых после 1993 г. В частности, в чешском документе от 2011 г. сказано: «Чехия вместе с соседями является частью единого правового, экономического, политического пространства». В том же духе выдержана и аналогичная концепция Словакии, принятая тогда же: «Центральная Европа — это геополитическое пространство, в котором Словакия формировалась вместе с другими странами и народами»²¹.

19 Bezpecnostna strategija Slovenskej republiky// <http://www.mod.gov.sk/data/files/833.pdf>; Strednodoba strategija zahranicnej politiky Slovenskej republiky// [http://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_D9D5A743A2CE0A4FC12578950037A688_SK/\\$File/strategia%20ZP%20SR.pdf](http://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_D9D5A743A2CE0A4FC12578950037A688_SK/$File/strategia%20ZP%20SR.pdf)

20 Konceptce zahranicni politiky Ceske republiky// http://www.mzv.cz/file/675937/konceptce_zahranicni_politiky_2011_cz.pdf

21 Konceptce zahranicni politiky Ceske republiky// http://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/vyrocn_i_zpravy_a_dokumenty/konceptce_zahranicni_politiky_ceske.html; Strednodoba strategija zahranicnej politiky Slovenskej republiky do r. 2015// <http://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/>

К числу главных угроз свой безопасности ни Чехия, ни Словакия не относят никого из своих соседей, и тем более друг друга. За период после распада Чехо-Словакии в Чехии были приняты четыре стратегии безопасности (1999, 2001, 2003 и 2011 гг.), в Словакии — одна (2005 г.). Во всех документах конкретные страны или регионы называются в качестве угроз крайне редко. В основном преобладают обезличенные, наднациональные явления вроде международного терроризма, с которым Чехия и Словакия, к счастью, до сих пор не сталкивались²². Хотя конкретные «горячие точки» не названы, очевидно, подразумеваются географически самые близкие к Словакии конфликты на территории бывших СССР и Югославии.

О том же самом говорится и в «Стратегии безопасности Чехии» от 2001 г. Но, в отличие от словацкого документа, в ней названы и конкретные регионы, откуда исходят угрозы, главная из которых — положение в бывшей Югославии. «Крупнейшей современной угрозой европейской безопасности является развитие обстановки в Юго-Восточной Европе, где ситуация далека от стабильности». Ситуация на постсоветском пространстве характеризуется следующим образом: «Непросто развиваются дела и в государствах СНГ, включая Россию... В Закавказье, Средней Азии и некоторых регионах России дело дошло до усиления этнической и религиозной напряженности». Упоминаются Ближний Восток и Северная Африка, «ряд рисков существует и в бедных странах третьего мира»²³.

В «Стратегии безопасности Чехии 2011 г.» конкретные регионы, откуда исходит опасность, не названы. А среди угроз числятся: «Терроризм..., расширение числа обладателей

[vw_ByID/ID_D9D5A743A2CE0A4FC12578950037A688_SK/\\$File/strategia%20ZP%20SR.pdf](#)

22 Ministerstvo obrany Ceske republiky. Ceske strategicke dokumenty// <http://www.mocr.army.cz/ministr-a-ministerstvo/odkazy/odkazy-46088> Ministerstvo obrany Slovenskej republiky. Materialy a dokumenty// <http://www.mod.gov.sk/materialy-a-dokumenty/>

23 Bezpecnostni strategie Ceske republiky. 2001// <http://www.mocr.army.cz/images/Bilakniha/CSD/2001%20Bezpecnostni%20strategie%20CR.pdf>

оружия массового уничтожения..., кибернетические атаки..., региональные конфликты в евроатлантическом пространстве и вокруг него..., негативные аспекты международной миграции..., организованная преступность и коррупция..., прекращение поставок энергоресурсов,... катастрофы природного и антропогенного характера»²⁴. Можно предположить, что пункт о поставках энергоносителей был навеян газовыми конфликтами между Россией и Украиной в 2006 и 2009 гг., а конфликты — это Южная Осетия, Карабах, Косово. Этот перечень позволяет сделать вывод о том, что ни Чехия, ни Словакия не стремятся стать членами нового интеграционного объединения стран Евразии ни по экономическим, ни по политическим причинам, исходя из оценки проблем собственной национальной безопасности как членов ЕС и НАТО.

Идея присоединения к Евразийскому союзу в Чехии не рассматривается. Об этом ничего не говорится даже весьма дружественно настроенной к России Коммунистической партией Чехии. Что же касается средств массовой информации, то комментируя идею В. Путина о создании и развитии Евразийского союза, они рассматривали этот план как возможное восстановление СССР в каком-то новом виде. Но говорилось об этом сугубо как о новости из-за границы, не имеющей к чешской внешней политике никакого отношения. Даже слово «Чехия» применительно к Евразийскому союзу не употреблялось²⁵.

В Словакии внимания к Евразийскому союзу несколько больше. Публицист М. Браксаторис в своей статье рассмотрел причины, по которым российские евразийцы хотят видеть

24 Bezpecnostni strategie Ceske republiky. 2011//<http://www.mocr.army.cz/images/Bilakniha/CSD/011.pdf>

25 См.: напр.: SSSR revival? Putin chce demokraticky eurasijsky svaz// Tyden.Cz, 2011. 4 rijen // http://www.tyden.cz/rubriky/zahranici/rusko-a-okoli/sss-r-revival-putin-chce-demokraticky-eurasijsky-svaz_213777_diskuze.html?page=1#prispevek-689681; Putin chce konkurovat EU. Navrhuje vytvoreni Eurasijske unie a potom Eurasijsky svaz// iHNed.Cz., 2011. 4 rijen // <http://zpravy.ihtned.cz/svet-rusko/c1-53095530-putin-chce-konkurovat-eu-navrhuje-vytvoreni-eurasijske-unie-a-potom-eurasijsky-svaz>

словаков в новом объединении. «В случае со Словакией можно говорить о славянском родстве и исторической близости. Часть российских политических аналитиков указывают, что из всех стран «Вышеградской четверки» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия — С.Р., В.Т.) у Москвы именно со Словакией сложились наилучшие отношения... Вместе с Сербией и другими православными балканскими государствами она могла бы стать частью особой зоны, имеющей особые отношения с Евразийским союзом, и интегрированной ...и в европейские, и в евразийские структуры»²⁶.

М. Браксаторис сослался также на мнение бывшего премьер-министра Словакии Я. Чарногурского. По его словам, в случае углубления экономического кризиса странам Центральной Европы придется выбирать между Берлином и Москвой. А значение Словакии для России заключается в том, что она лежит в буферной зоне между немецким центром Европы и Евразией. Однако сам Я. Чарногурский дал понять, что хорошие отношения с Россией не являются для словаков альтернативой членству в ЕС. «Наше русофильство... не находится в прямом противоречии с выбранной Словакией геополитической ориентации на Евросоюз»²⁷.

Отнюдь не все в Словакии довольны нынешним геополитическим положением страны. Вот что, например, написал историк В. Хессе: «Было бы неправильным, если Словакию, да и другие страны Центральной Европы, воспринимали бы как «ничье» или же «общее» пространство, как территорию для игр великих держав, как восточную периферию Запада или же западную окраину Востока»²⁸. Однако в этих словах отчетливо видно желание усилить страны Центральной Европы, которые бы перестали быть объектом политики для

26 *Braxatoris M.* Miesto Slovenska v koncepciach vytvarania eurazijskej jednoty // http://www.despiteborders.com/clanok.php?subaction=showfull&cid=1336696144&archive=&start_from=&tucat=50&

27 *Ibid*; Jan Carnogursky. Valdajsky klub // <http://www.jancarnogursky.sk/valdajsky-klub>

28 *Hesse V.* Nova geopoliticka pozicia Slovenska a funkcie Europy // voltaire.netkosice.sk/.../slovensko/Nova%20geopoliticka%20pozicia%20Slovenska%20a%20funkcie%20Euro...

великих держав. В какой-то мере В. Хессе противопоставляет Словакию Западу, однако совершенно не предлагает войти в орбиту Востока.

Словацкая национальная партия, много лет представленная в парламенте, отвергает одностороннюю ориентацию на Запад. Ее лидер Я. Слота сказал в 2012 г. в своем интервью: «Мы не должны экономически ориентироваться только на Запад, как сегодня. Словакии однозначно пошла на пользу ориентация на большой российский рынок, куда Запад пытается пробиться всеми возможными способами»²⁹. В то же время словосочетание «Евразийский союз» словацкие националисты не употребляли. Из слов Я. Слоты следует, что они поддерживают идею многополярного мира, но включать Словакию в нечто противостоящее Западу они не собираются.

Поскольку постъюгославское пространство рассматривается в Чехии как возможный источник угроз и нестабильности, правительство страны проводит в регионе Западных Балкан весьма активную политику. Оно исходит из того, что экономическое развитие постъюгославских государств и их скорейшая и успешная интеграция в европейские и евроатлантические структуры стабилизирует внутреннюю ситуацию в каждой из стран региона, а также и межгосударственные отношения. Прага неоднократно заявляла о поддержке вступления Сербии в ЕС³⁰. Однако это не означает, что сами Чехия и Словакия избегают интенсивных и взаимовыгодных экономических связей с Россией и ставят перед своими западнобалканскими партнерами выбор: или ЕС, или Россия. Примером эффективной и прагматичной внешнеэкономической политики может служить участие чешских банков в инвестициях Газпрома в Сербии³¹.

29 Jan Slota exkluzivne pre Extra plus: Slovensku pomoze vacsia ekonomicka orientacia na Rusko / Von z pasce Bruselu!// <http://www.sns.sk/aktuality/jan-slota-exkluzivne-pre-extra-plus-slovensku-pomoze-vacsia-ekonomicka-orientacia-na-rusko-von-z-pasce-bruselu/>

30 http://www.danas.rs/danasrs/politika/ceska_podrska_srbiji_u_eu.56.html?news_id=250549;
<http://srb.time.mk/read/01241fd49d/9d87698e94/index.html>

31 <http://www.croenergo.eu/gazpromova-ulaganja-u-srbiji-kreditiraju-i-ceske-banke-8566.aspx>

Распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) как многонационального государства начался в 1990—1991 гг. Первыми его этапами были войны в Словении (1991 г.), Хорватии (1991—1995 гг.) и Боснии и Герцеговине — БиГ (1992—1995 гг.), закончившиеся обретением этими государствами полной независимости, а также мирный выход из ее состава Македонии (1991 г.). Второй этап распада не только затронул образованную в 1992 г. Союзную Республику Югославию (СРЮ), или «третью Югославию», федерации двух формально равноправных республик — Сербии и Черногории, но и поставил под вопрос территориальную целостность самой Сербии. СРЮ просуществовала до 2003 г., когда уступила место конфедеративному Государственному союзу Сербии и Черногории. История этого своеобразного образования закончилась в 2006 г. — Черногория после референдума из него вышла.

Период с 1995 г. до 2010 г. для постъюгославского пространства, на наш взгляд, можно разделить на три этапа. Первый — этап *первичного примирения* в результате Эрдутского и Дейтонско-Парижского соглашений 1995 г., закончивших войну соответственно в Хорватии и Боснии и Герцеговине, а также после завершения кризиса в Косово, операции НАТО, резолюции СБ ООН 1244 и саммита в Сараево, 1995—1999. Период *стабилизации* 2000—2008 гг., начиная со смены власти в Хорватии и Сербии. Период *нормализации* межгосударственных и межэтнических отношений, *преодоления* последствий конфликтов 1990-х годов и *выстраивания* мирной архитектуры системы безопасности в регионе при сохранении межгосударственных границ (Косово — единственное исключение), период, который, начавшись примерно в 2008 г., продолжается по настоящее время. Характерной чертой этого последнего периода, среди прочего, является активизация усилий, направленных на вовлечение государств Западных Балкан в европейские и евро-атлантические структуры — в ЕС и НАТО. Причем уси-

лия эти принимают как страны Западных Балкан, так и ЕС, НАТО и их отдельные государства-члены.

Несмотря на значительные этно-культурно-конфессиональные различия, всем этносоциальным организациям присущи стадияльная и региональная однотипность — принадлежность к одному типу постсоциалистического социума в рамках одного Балканского региона. Это, в свою очередь, обуславливает совпадение некоторых специфических черт социальной структуры и связанные с этим проблемы. Все страны находятся в тяжелом экономическом положении, выход из которого они связывают с предоставлением иностранных инвестиций и займов. И все это — в условиях активизировавшегося и растянувшегося во времени процесса национального самоопределения — как обретения и утверждения собственной государственности.

Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория и Македония — каждое из этих государств, несмотря на свою генетическую связь с Югославией, ныне развивается по-своему и по-своему решает вышеназванные задачи, преодолевая при этом свои особенные трудности. Все эти государства ныне объединяют общие внутри- и внешнеполитические цели — быть на равных со своими соседями и стать составной частью Европы. А в нынешних условиях добиться этого каждое государство может, лишь войдя в ЕС и НАТО. В то же время между ними идет и соперничество за региональное лидерство.

Все без исключения концептуальные документы постюгославских государств содержат развернутую аргументацию в пользу их вступления в Европейский союз и НАТО. При этом их авторы обращают внимание как на внешнеполитические, так и внутриполитические процессы и обстоятельства, обуславливающие необходимость этих шагов.

Сербия (что является последствием операции НАТО в связи с ситуацией в Косово в 1999 г.) видит свой стратегический приоритет лишь в «ускорении процесса вступления в ЕС, осуществлении политических и экономических реформ»,

отрицательно относясь к вступлению в НАТО³². «Сегодня Сербия не является членом ни одного из военных союзов, и в резолюции открыто говорится, что Сербия не будет членом ни одного военного союза вплоть до непосредственного решения ее граждан, принятом на референдуме», — заявил занимавший тогда пост министра иностранных дел Сербии В. Еремич. Председатель Социалистической партии Сербии И. Дачич (с 27 июля — председатель правительства Республики Сербии) заявил в Скупшине, что необходимо принять резолюцию, которая определяла военный нейтралитет Сербии по отношению не только к военным союзам, но и к отдельным государствам. На вопрос, относится ли положение о нейтралитете и к России, И. Дачич ответил: «Да, и к России»³³. В то же время Сербия является членом программы ПРМ и поддерживает связи с НАТО. Политика Белграда в этой области колеблется в зависимости от внутривластной ситуации, однако представляется, что если не в среднесрочной, то в долгосрочной перспективе страна, также как и все ее соседи, вступит и в Североатлантический союз. Несмотря на произошедшую в результате парламентских и президентских выборов 2012 г. полную смену власти, Сербия продолжит свой путь к вступлению в Евросоюз — как заявил накануне своего официального визита в Венгрию 12 ноября 2012 г. президент страны Т. Николич. «Несмотря на то, что в последнее время отмечен рост числа людей, высказывающихся против евроинтеграции (об этом свидетельствуют проведенные в начале ноября 2012 г. опросы общественного мнения — С.Р.), правительство продолжит этот курс», — сказал он, отметив, что главную причину этой тенденции видит в нынешней экономической ситуации в ЕС и Сербии. Президент Т. Николич

32 Стратегија националне безбедности Републике Србије // <http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf>;

33 Rezolucija o zastiti suvereniteta, teritorijalnog intehriteta i ustavnog poretka Republike Srbije. Narodna Skupstina srbije 27. decembar 2007; http://www.b92.net/info/vesti/index.php?yyyy=2007&mm=12&dd=25&nav_category=11&nav_id=278069

также выразил мнение, что нормализация отношений между Белградом и Приштиной «отвечает интересам всех граждан Сербии», и в первую очередь — косовских сербов³⁴.

О стремлении разных групп внутри политического класса Сербии независимо от партийной принадлежности привести политику страны в соответствие с внешней политикой ЕС свидетельствует и присоединение официального Белграда наряду с Хорватией, Македонией, Албанией и некоторыми другими странами к санкциям ЕС против Белоруссии — согласно замыслу — одной из ключевых стран Евразийского союза и государств-основоположников³⁵.

Авторы «Стратегии национальной безопасности Сербии» (принята в октябре 2009 г.) не могли обойти историческую составляющую. «Унаследованные из прошлого проблемы, исторические противоречия, а также последствия конфликтов между народами и государствами на территории Юго-Восточной Европы, в особенности на территории Балкан, в новейшей истории и сегодня влияют на стояние безопасности в регионе» — пишут они³⁶.

Оценка геостратегического положения региона и, собственно, Сербии, данная сербскими аналитиками, переключается с хорватской. «Геостратегическое положение Юго-Восточной Европы, через которую пролегают линии энергоснабжения и коммуникации, связывающие развитые государства Европы с регионами Кавказа, Каспийского бассейна, Ближнего Востока и Средиземноморья, сильно и непосредственно влияет и на состояние безопасности государств континента. Столкновение интересов государств при использовании транзитных направлений и распоряжении ресурсами может привести к возникновению региональных кризи-

34 Сербия продолжит вступление в ЕС, несмотря на растущее в стране число евроскептиков, заявил Николич // <http://www.itar-tass.com/c12/569920.html>

35 <http://www.kurir-info.rs/sad-srbija-uvodi-drugima-sankcije-clanak-291041>; <http://grani.ru/Politics/World/Europe/m.208297.html>

36 Стратегија одбране Републике Србија // <http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20odbrane%20Republike%20Srbije.pdf>

сов и угроз безопасности и стабильности государств Юго-Восточной Европы», — говорится в документе³⁷. Подобно другим постъюгославским и балканским странам Сербия рассматривает себя как форпост Европы на пути угроз, вызовов и рисков, исходящих из близ лежащих регионов (к ним частично относится и постсоветское пространство, которое предполагает охватить Евразийский союз).

Подобно другим постъюгославским государствам, Черногория официально декларирует, что ее внешняя политика и политика в области безопасности в особой мере направлена на развитие хороших отношений с соседями (об их принадлежности в прошлом к Югославии в Концепции не упоминают) и укрепление регионального сотрудничества с целью установления доверия и пропаганды мира в Юго-Восточной Европе, а также членства в международных и региональных организациях. Черногория считает, говорится в Стратегии, что малые государства лучше всего могут обеспечить собственную безопасность путем присоединения к системе коллективной безопасности. Расширение НАТО на регион Западных Балкан укрепит и в дальнейшем сформирует территорию господства общих ценностей, разделяемых НАТО и его государствами-членами (демократии, правового государства, прав человека и прав меньшинств). Внедрение этих ценностей позволит дополнительно стабилизировать и объединить регион, разделяющий общие цели НАТО, а также интенсифицировать интеграционные процессы³⁸.

Вступление в ЕС также является стратегическим приоритетом Черногории, что предполагает гармонизацию ее политики с общей внешней и оборонной политикой ЕС и Европейской политикой безопасности и обороны. А это, в свою очередь, является основой развития позиции Черногории по отношению к региональным европейским

37 <http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf>;

38 <http://www.mip.gov.me/index.php/Ministarstvo/spoljno-politiki-prioriteti-crne-gore.html>

и мировым проблемам. Вступление в ЕС провозглашается важнейшей задачей во внутри- и во внешнеполитическом плане — Черногория получит наилучшие рамки безопасности, предотвращающей возможные угрозы, вызовы и риски по отношению к стабильности государства, региона и мира. В то же время черногорские аналитики, исходя из опыта других постсоциалистических стран Средней Европы, предполагают, что процесс вступления в НАТО будет по времени короче и проще, чем в ЕС.

Мирное стабильное и безопасное окружение являются одним из важнейших интересов (Республики Хорватия), где считают, что «развитие демократии и демократических ценностей и принципов в регионе в узком и широком смысле, расширение ЕС и НАТО, а также международное сотрудничество непосредственно и позитивно воздействуют на ее национальную безопасность»³⁹. В «Стратегии национальной безопасности» Республики Хорватия (как и «Стратегия обороны» принята 19 марта 2002 г.) указывается, что политику Республики Хорватия «характеризует решительное стремление к сближению и вхождению в евроатлантические и европейские организации»⁴⁰.

Принятая в 1998 г. поправка к Конституции Хорватии напрямую запрещает «инициировать объединение Республики Хорватия в союзы с другими странами, объединение в которые привело бы или могло привести к возобновлению югославского государства как общности, а также балканского государственного союза в любой форме»⁴¹.

Вышеназванные документы показывают, что постъюгославские государства в своем присоединении к европейским и евро-атлантическим структурам видят гарантию собственной безопасности в отношениях со своими непосредственными

39 Strategija nacionalne sigurnosti Republike Hrvatske: http://www.morh.hr/images/stories/morh_sadrzaj/pdf/strategija%20nacionalne%20sigurnosti%20nn32-02.pdf. Strategija

40 Ibid.

41 Narodne novine. 26. siječnja 1998. S. 144. Cl. 135. Ныне — Cl. 141. См.: <http://www.zakon.hr/z/94/Ustav-Republike-Hrvatske>.

соседями. Об этом свидетельствуют и осторожные отсылки к недавней истории.

«Вследствие уменьшения военных ресурсов в регионе, интеграция в НАТО и ЕС и развитие политики доверия, сотрудничества и партнерства, опасность военной интервенции для Черногории значительно уменьшена, однако в будущем ее невозможно [полностью] исключить», — говорится в Концепции национальной безопасности Черногории»⁴².

Черногория принадлежит не к одному, а к нескольким политико-географическим и историко-культурным регионам — балканскому и средиземноморскому. Кроме того, она является частью региона, пережившего в предыдущий период динамичные перемены, дипломатично говорится в Концепции. Принимая во внимание историческое наследие и позитивные направления после восстановления независимости, Черногория занимает особое место и играет значительную роль в стабильности Западных Балкан. Она разделяет стратегический подход к вызовам, рискам и угрозам национальной безопасности определенными стратегическими документами НАТО. Регион все еще обременен событиями прошлого и нерешенными проблемами, что может вызвать нестабильность⁴³.

Авторы «Стратегии национальной безопасности» Черногории считают, что на положение государства и его безопасность могут негативно влиять кризисы не только в непосредственном окружении страны, но и на более широком пространстве, в особенности в регионе, который охватывает Ближний Восток, Кавказ и северную Африку. В вышеперечисленных регионах, которые дестабилизированы кризисами, конфликтами, ростом рождаемости и сокращением стратегических ресурсов (вода, энергия), во все большей степени проявляются транснациональные угрозы и перенесении (распространении) кризисов по направлению к европейскому

⁴² <http://www.mip.gov.me/index.php/Ministarstvo/spoljno-politiki-prioriteti-crne-gore.html>

⁴³ Там же.

континенту. Поэтому, также как и в случае с Сербией, с трудом представляется возможность вступления Черногории в Евразийский союз, что означало бы ее присоединение к конфликтной зоне, а также поставило бы под угрозу возможность обретения ею статуса члена организаций, объединяющих наиболее развитые и стабильные страны мира, и ее собственную безопасность в регионе.

Сербия намеревается продолжить процесс укрепления двусторонних отношений, особенно в контексте вступления в ЕС и укрепления своих региональных позиций. Однако стремление укреплять и интенсифицировать региональное сотрудничество отнюдь не следует рассматривать как стремление восстановить в какой-либо форме югославскую государственность или балканскую межгосударственную общность. Речь идет не о воссоединении постъюгославских государств в рамках ЕС, но об их интеграции в общеевропейских рамках и формах.

Все вышесказанное не противоречит намерениям Сербии и Черногории развивать и укреплять двусторонние отношения с Российской Федерацией. Авторы «Стратегии национальной безопасности» Сербии особо выделяют «исторические и всесторонние связи Сербии с Российской Федерацией» по вопросам, выходящим за рамки национальных интересов, которые укреплены стратегическим партнерством в области энергетики. А это создало бы рамки для нового изменения особых отношений между РС и РФ⁴⁴. Относительно двустороннего сотрудничества Черногории с другими государствами в Стратегии особо выделяются отношения с Россией, которые имеют для Черногории «исключительное значение». Укрепление дальнейших отношений с Россией во всех областях, а также в рамках ОБСЕ и ООН, внесет вклад в наши интеграционные цели и в наш общий прогресс, говорится в документе. Для Черногории также исключительно важно

44 <http://www.mod.gov.rs/cir/dokumenta/strategije/usvojene/Strategija%20nacionalne%20bezbednosti%20Republike%20Srbije.pdf>;

продолжение культивирования традиционных дружественных отношений с Россией, исходя из истории и культуры⁴⁵.

В совершенно отличной от большинства российских геополитиков и политологов логике и терминологии анализируют возможности присоединения Сербии к Евразийскому союзу в контексте общего геополитического положения страны сербские аналитики, независимо от собственной принадлежности к тому или иному политическому течению и партии.

Обсуждение активно ведется на уровне экспертов и электронных СМИ. Авторы «S — портала», например, отмечают, что «только что полученный [Сербией] статус кандидата в члены ЕС (это произошло 1 марта 2012 г. — С.Р.) однажды неминуемо приведет и к присоединению Сербии к Европейскому валютному союзу, ставит под вопрос перспективу возможного присоединения Сербии к [Евразийскому союзу], который предусматривает, что одним из центров будущего Союза будет Белград. С другой стороны, не секрет, что ЕС потребует от своего нового члена — Сербии — аннулировать Соглашение о свободной торговле с Россией».

По мнению ассистента Факультета политических наук и члена Исполкома Белградского центра политики безопасности Ф. Эйдуса, «Сербии нужно сохранить и беречь близкие культурные и экономические связи с Россией, но уклоняться от участия в политических проектах и проектах безопасности, исходящих из Москвы, поскольку они обречены на неудачу»⁴⁶.

Директор международного института проблем безопасности О. Драгаш также считает, что экономические отношения двух стран нарушатся после вступления Сербии в ЕС. Говоря о Евразийском союзе, он отмечает, что «прежде всего надо было бы разъяснить, что подразумевается под Евразийским союзом и что эта концепция из себя представ-

⁴⁵ <http://www.mip.gov.me/index.php/Ministarstvo/spoljno-politiki-prioriteti-crne-gore.html>

⁴⁶ <http://www.smedia.rs/spress/vest/1322/Rusija-Srbija-Evroazijska-Unija-EU-na-raskrscu-ili-Putinova-Evroazijska-1-funija.html>

ляет, поскольку никто в профессиональном сообществе не знает, что это такое означает» и только после этого предпринимать какие-либо шаги в направлении к установлению с ним контактов или участию в нем⁴⁷.

Профессор Факультета политических наук Белградского университета П. Симич, отвечая на вопрос «Является ли Евразийский союз спасением для Сербии?», — высказал мысль о том, что Сербии надо найти равновесие между Востоком и Западом. С одной стороны, «этот проект является одной из форм восстановления СССР и Российской империи. Но, с другой стороны, распад СССР привел к исчезновению равновесия, в котором [по-прежнему] существовала бы и вторая (титовская — С.Р.) Югославия, и без которого ни Сербия, ни другие балканские государства не могли бы [существовать] в безопасности. В условиях этого неравновесия и произошел распад Югославии. Оно до сих пор не восстановлено, поскольку Россия далека от позиций, которые она имела во времена холодной войны», — рассуждает П. Симич, некорректно ставя знак равенства между СССР и современной Российской Федерацией. Оставляя в стороне фактор конкуренции на российском и тем более на возможном евразийском рынке, профессор подчеркивает: «Сербия уже находит сбыт своей продукции, однако производство недостаточно. Если бы все производители фруктов и овощей продавали свою продукцию в Россию, этого не хватило бы даже для рынка [города] Москвы. У нас уже есть соглашение о свободной торговле, но мы им плохо пользуемся»⁴⁸.

Схожую мысль высказывает и экономист М. Здравкович: «Этот регион обладает огромным потенциалом и большими возможностями, но эта идея нуждается в политической поддержке». Тем не менее М. Здравкович считает членство Сербии в Евразийском союзе маловероятным. Причину этого

47 Ibid.

48 www.smedia.rs/m/spress/vest/1087/Srpska-diplomatija-Evroazijska-unija-Slobodna-trgovina-Rusija-Vladimir-Putin-Evroazijska-unija-spas-za-Srbiju.html

он видит в [геополитическом] положении Сербии: «Если бы мы были в положении Болгарии, то могли бы выбирать, с кем и как быть. В Сербии господствует иллюзия, что она обладает магистральной стратегической позицией»⁴⁹.

Сербские аналитики колеблются в оценках перспектив Сербии. Одни специалисты считают перспективу вступления страны в ЕС все более туманной и поэтому, по их мнению, надо предложить и новую евразийскую перспективу. С другой стороны, они же оценивают план превращения Белграда в четвертую столицу как не слишком реальный, поскольку абсолютным приоритетом Сербии является вступление в ЕС.

«Сербия — единственная опора России на Балканах, и по этой причине Запад стремится как можно быстрее присоединить весь регион к ЕС и к НАТО и таким образом исключить Россию из игры. Все же бомбардировка нашей страны и отделение Косово от Сербии создали «серую зону», которую Россия хочет использовать. На самом деле это наш шанс в международных отношениях. Я утверждаю, что Западу Сербия нужнее, чем Сербии нужно членство в ЕС», — категоричен бывший министр иностранных дел Сербии и Югославии в 1991—1993 гг. В. Йованович. Вместе с тем он прагматично подчеркивает, что Сербия не должна делать выбор между Западом, с одной, и Россией, — с другой стороны. «Если мы сделаем выбор исключительно в пользу России, то станем открытым врагом Запада, что противоречит нашим интересам. Мы должны каким-то образом одной рукой ухватиться за Россию, а другой — за Европу. Это трудно осуществимо, но не невозможно», — заявил В. Йованович популярной белградской газете «Вечерне новости»⁵⁰.

Депутат от Демократической партии Сербии, известной своей пророссийской ориентацией, Д. Пророкович полагает, что существует большое количество ограничивающих факторов, которые оказывают негативное воздействие на возмож-

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ <http://www.srpskaanalitika.com/2011/02/20/srbija-u-evroazijskoj-uniji/>

ность включения Сербии в «евразийство»: «Сербия не имеет общих границ со странами, высказавшими явный интерес к членству в Евразийском интеграционном [проекте], а попытка привязки к России привела бы к принятию [против Сербии] атлантистских контрмер». Исходя из документов, определяющих концептуальное видение и содержание внешней политики Сербии, аналитик подчеркивает, что «вопрос о том, удастся ли Сербии реализовать свое членство в евразийской интеграции — это одно, а попытка позиционирования Сербии как юго-западных ворот Евразии — нечто совершенно иное». Тем не менее Д. Пророкович возлагает надежды на попытку подобного позиционирования Сербии, которая «могла бы [тем самым] улучшить свое геополитическое положение, верифицировать статус нейтрального в военном отношении государства и таким образом смягчить сильнейшее давление со стороны НАТО (что является предпосылкой для размышления о присоединении к какому-либо иному военному союзу в будущем), а также [облегчить себе] доступность крупных рынков, дешевых ресурсов, прежде всего энергоносителей, и новых технологий, что позитивно повлияли бы на более динамичное развитие [страны]. Риск возможных атлантистских контрмер существует, однако, учитывая эту возможность, надо подготовить целый ряд контрмер, которые могли бы самортизировать это удар». При этом, подобно российским идеологам неоевразийского проекта, Д. Пророкович опирается на примеры из прошлого, призывая оглянуться на сербскую историю, в которой «легко можно найти примеры того, что риск многократно окупился».

Переключаясь до некоторой степени с П. Симичем, Д. Пророкович призывает «искать альтернативу, устанавливать связи с новыми рынками и искать новые технологии для собственного развития на других направлениях, чтобы страна позиционировала себя как специализированный производитель определенной продукции и определенных услуг для гораздо более обширного пространства — Евразийского союза. Подобная политика Сербии, усиление ее роли в регионе

и попытка позиционирования себя в качестве юго-западных ворот Евразийского союза, конечно, вызвали бы контрреакцию остальных великих держав, региональных сил и соседних стран. Усиление Сербии представляет для них угрозу, и они попытались бы этому воспрепятствовать. Контрреакция осуществлялась бы через посредство соседних государств, геополитические интересы которых использовались как средство в руках атлантизма, континентализма и неоосманизма»⁵¹.

Однако подобное развитие событий может повысить уровень конфликтности в регионе и стать шагом назад от наметившейся в последний период явной тенденции к стабилизации, восстановлению двусторонних и многосторонних связей, ослабить внутреннюю безопасность Западных Балкан.

В СМИ Хорватии идеи создания Евразийского союза в его расширительном варианте не встретили особого отклика. Лишь на одном из сайтов появилась посвященная этой теме заметка. Она заканчивалась словами: «Что касается Хорватии и наших восточных соседей из бывшей СФРЮ, наши политические руководители уже коллективно приняли решение, в направлении какого Союза направляться».

Членство в евро-атлантических и европейских структурах в странах Средней (Центрально-Восточной) Европы рассматривают, как гарантию от попыток восстановить СЭВ и Варшавский договор — Восточную Европу второй половины XX в. Россия не может быть центром притяжения для новообразованных стран Средней Европы, недавно вышедших из многонациональных федераций и вернувшихся в Европу. Этому препятствует и существенный элемент национального сознания каждого из народов Югославии и Чехословакии — память о советско-югославском конфликте 1948—1955 гг., в латентной форме продолжавшегося до 1988 г., и об интервенции в Чехословакию 1968 г., которая еще долго останется составной частью их восприятия внешнего мира. Россия не

51 <http://www.standard.rs/dusan-prorokovic-geopolitika-srbije-3-ili-o-mogucnostima-popravljanjanjenog-polozaja.html>

может предложить перспективной модели развития, инвестиций и новейших технологий. Что касается поставок энергоносителей, то в Средней Европе не забыли холодную зиму 2009 г. и опасаются использования Россией своего экспорта энергоносителей в качестве средства достижения внешнеполитических целей.

Проблемы своей безопасности и сохранения территориальной целостности они прочно связали с европейскими и евроатлантическими структурами, в том числе — это касается и постъюгославских государств — и безопасности в отношениях со своими соседями. Их экономические, политические, правовые и оборонные системы приведены или активно приводятся в соответствие с системами ЕС и НАТО. Недовольство отдельных слоев и партий, противоречия по отдельным вопросам с ЕС и НАТО и отдельными входящими в их состав странами вовсе не означают готовность изменения стратегического курса и смены видения исторической перспективы.

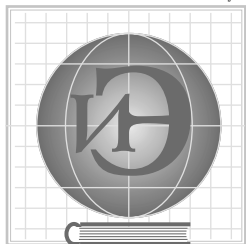
Реакция в Чехии, Словакии и постъюгославских государствах на планы превращения ЕАС в глобальную организацию, противостоящую США и ЕС, показывает, что эти планы не приведут к усилению позиций России в современном мире. Более того, не говоря уже о краткосрочной, но и в среднесрочной и долгосрочной перспективе они приведут к ослаблению ее позиций и ухудшению отношений со многими странами, которые консервативное сознание стереотипно-иллюзорно считает «союзниками». Сказывается непонимание и незнание авторами этих концепций идейно-политического и этнопсихологического развития стран Средней Европы, состояния национального сознания стран, непонимание и неготовность признать их собственные национальные интересы, которые далеко не всегда совпадают с интересами России, а зачастую и противоречат им. Построения, выдвигающиеся некоторыми российскими геополитиками, являются политико-психологической реальностью, поскольку воспринимаются в странах Центрально-Восточной Европы как отражение

взглядов российского руководства, по сути, подменяя их в массовом сознании.

Реагируя на слова государственного секретаря США Х. Клинтон о том, что евразийский проект направлен на повторную «советизацию» региона, пресс-секретарь президента России Д. Песков назвал заявления Х. Клинтон «абсолютно неправильным пониманием» попыток интеграции. «То, что мы наблюдаем на территории бывшего Советского Союза, является новым типом интеграции, основанным лишь на экономической интеграции. Любой другой тип интеграции совершенно невозможен в современном мире», — подчеркнул он⁵².

52 <http://www.regnum.ru/news/polit/1602108.html#ixzz2Ek2l1Gwh>

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Вестник научной информации № 4
Новые независимые государства в современных
международных отношениях. Часть 1.

Научное издание

Дизайн серии — Валериус В.Е.

Главный редактор — Шейнин Э.Я.

Редактор-составитель — м.н.с. Меден Н.К.

Корректор — Зарецкая И.М.

Подготовка сборника к печати — Бобкова Н.Г.

Компьютерная верстка — Мисюрин Г.А.

Подписано в печать 08. 10. 2013 г.

Заказ № 64. Тираж 300 экз. Объем 9 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0413-5

9 785994 004135